

И НАДЛОМИТЬСЯ НАД СТРОКОЙ...

И НАДЛОМИТЬСЯ НАД СТРОКОЙ...



Памяти поэта
Ольги Бешенковской

**«И НАДЛОМИТЬСЯ
НАД СТРОКОЙ...»**

**ЧИТАЯ И ПЕРЕЧИТЫВАЯ
ОЛЬГУ БЕШЕНКОВСКУЮ**

2016

От составителей сборника

Уважаемые читатели и почитатели литературного творчества поэта Ольги Юрьевны Бешенковской!

4 сентября 2016 – печальная дата десятилетия её безвременной кончины.

За это время интерес к поэзии Ольги Бешенковской несколько не ослабевал, скорее, наоборот, благодаря стараниям друзей и близких Ольги Юрьевны, подготовившим и издавшим три посмертных сборника её произведений: «Голос поэта» (2007), «Призвание в любви» (2008) и «Публикации из архива» (2012), систематически появлявшимся подборкам стихотворений в журналах России, Германии, Канады, Израиля, Америки - её читательская аудитория преумножилась.

Муж Ольги Юрьевны Бешенковской - Алексей Кузнецов - ведёт её авторский интернетный блог и персональные страницы на литературных сайтах «Стихи.ру» и «Проза.ру».

Всё новые тысячи русскоязычных читателей в России и за её пределами имеют возможность припасть к чистому роднику высокой поэзии О.Бешенковской, и многие из них вступают в диалог с Поэтом в виде рецензий, откликов, размышлений, собственных ассоциативных стихотворений.

Одна из таких рецензий как нельзя точно выражает отношение пользователей интернета к её стихам и прозе:

«Будем читать ещё и ещё... Алексей, вы выбрали прекрасную форму обращения лично к читателю. Это как будто сама Ольга, уже вне возраста, убежав от времени и тлена, обращается к нам...»

В заголовок настоящего (надеемся, не последнего) сборника - мы решили вынести строчку из стихотворения Ольги Бешенковской: «И надломиться над строкой,/ Но не своей, а Мандельштама...».

В книгу, помимо её стихотворений, вошли критические заметки читателей, поэтические посвящения поэту, отрывки из эссе, воспоминаний, литературных исследований творчества Бешенковской.

Спасибо всем, кто стал соавтором этой книги.

ВМЕСТО ВСТУПЛЕНИЯ

Алексей Кузнецов

НЕ ЛУЧИ ЛЮБЛЮ Я, А ИЗЛУЧИНЫ....

Жизнь Поэта... О каждом его дне можно писать и длинные-предлинные трактаты, и свести все радости и горести, тяжкие раздумья и художественные открытия стихотворца буквально к нескольким словам: жил как творил и творил как жил...

Ну и, конечно же, - его стихи, в которых его «жизнь и судьба» неразрывны, как неотделимы друг от друга в природе цвета радуги. Какой-то один убери, и вот уже чуда нет, а есть лишь холодный лабораторный эксперимент, демонстрирующий нам только физическое строение света, но никак не его живую трепетную душу...

Имя поэта Ольги Бешенковской, (именно по-особому суровое и бескомпромиссное «поэт», а не «поэтесса» с извечными гендерно-трагическими сю-сю) любителям поэтического Слова известно давно. Ведь за спиной у неё остался не один десяток лет, до краёв наполненных подлинно свободным литературным творчеством, причём свободным в откровенно несвободной стране, нелёгкий опыт более чем 20-летнего писания, как тогда говорилось, «в стол», без малейших шансов на какую-либо встречу со своим потенциальным читателем. Но читатель был уже давно, и не только потенциальный, но и совершенно реальный, с нетерпением ждавший каждое новое произведение этого на редкость сильного и отчаянно смелого пиита с берегов так богатой на поэтические таланты Невы.

И это не удивительно, ведь очень рано Ольга Бешенковская стала одним из общепризнанных лидеров того мощного и всегда художественно плодотворного слоя ленинбургской (её собственный неологизм, отражавший кафкианскую, по сути своей, реальность той поры) литературы, который одни с искренней гордостью, а другие с нескрываемым раздражением называли «второй литератур-

ной действительностью». Её стихи и поэмы, часто даже без ведома самого автора, сотнями копий разлетались по городам и весям огромной страны и нередко просачивались через все возможные щели охранявшего духовное целомудрие советского человека «железного занавеса», оказываясь на многочисленных страницах всевозможного «сам- и там-издата».

Более десятка самодельных поэтических книг официально не существовавшей тогда и, казалось бы, обречённой на пожизненное литературное забвение Ольги Бешенковской, хранятся у меня дома в её теперь уже мемориальном книжном шкафу, так как самой его хозяйки вот уже почти что десять лет, как нет в живых. Но все они - лишь малая часть того, что вышло из-под её пера в казалось бы мёртвое для всего живого время «застоя». И при этом, буквально считанные публикации, каким-то чудом появившиеся в печати, и то только на излёте благословенных лет Оттепели...

И так - во все времена, казалось бы, бесконечно тянущихся свинцово-удушливых 70-х и 80-х, - вплоть до нового «глотка свободы», который, как могла, принесла с собой столь нелюбимая теперь многими историческими склеротиками бурная пора Перестройки. О том, как и чем жилось Ольге Бешенковской тогда, рассказывает стихотворение, посвящённое одному из многолетних сидельцев ГУЛАГа, легендарному учёному-геологу и литературоведу Адриану Владимировичу Македонову, человеку удивительной судьбы и мужества, оставившему в её жизни, в числе других замечательных петербургских стариков-интеллигентов той поры, огромный незабываемый след:

А.В.МАКЕДОНОВУ

Мы нараспев дышали Мандельштамом,
Почти гордясь припухлостью желез...
И жизнь была бездарностью и срамом,
Когда текла без мужественных слез.
Оберегая праздников огарки,
Средь ослепленной люстрами страны,

В дни Ангелов мы делали подарки
 Другьям, что были дьявольски пьяны...
 Так и выросли: горечи не пряча,
 Брезгливо слыша чавканье и храп;
 И в нашу жизнь - могло ли быть иначе -
 Вошли Кассандра, Совесть и этап...

Прошло совсем немного времени, и очевидное очень быстро стало реальным: не только узкий круг любителей высокой Поэзии, но и, как говорится, «широкие читательские массы» наконец-то узнали о существовании на берегах Невы поэта Ольги Бешенковской. И даже более того, в 1987 году вышел её первый, совсем ещё тонюсенький поэтический сборник «Переменчивый снег», который тут же стал литературным раритетом.

До сих пор помнится, как все тогда торопились успеть как можно больше глотнуть этого столь неожиданного и столь непривычного для страны воздуха Свободы, хорошо понимая, что во все времена эта Прекрасная Дама у любой власти никогда не была в чести. Уж больно многое она себе и другим позволяет, и чем дольше разрешать ей своевольничать, тем трудней потом разогнувшийся народ загнать обратно в привычное рабское стойло.

Предчувствие какой-то кратковременности для страны этого состояния, когда если не обо всём, то уже о многом можно думать самим и думать прилюдно, в большом и малом делать именно свой выбор, а потом самим же за этот выбор и отвечать, не покидает ни саму Ольгу, ни всех её коллег по свободному литературному сообществу. Обо всём этом шли привычные бесконечные разговоры и споры на извечной трибуне советского человека – крохотной кухоньке, которая и тогда оставалась самым свободным пространством во многом всё ещё советских людей, советских и формально, и, чего греха таить, ментально тоже.

Хотя, если кто это уникальное время ещё не забыл, то прекрасно помнит, как не утихали горячие диспуты на многочисленных митингах и собраниях в самых неожиданных географических точках всё ещё Ленинграда той незабываемой поры. Ну и, конечно же, стихи и опять стихи, в кото-

рых опьяняющий сумбур этих времён, бесконечные надежды и первые горькие сомнения, постоянно сменяющие друг друга, тоже нашли своё художественное отражение, и теперь уже - нашли навсегда:

* * *

Россия. Ночь. Атараксия.
 Тетрадь в светящемся кругу
 И голубые на снегу
 Линейки сосен теневые,
 Не эта ль сумрачная связь
 Сомнамбулических сияний
 И не дает как в ересь впасть
 В отъездов горькую всеядность?
 Все древесина и вода,
 Но Боже! Как осиротело
 Молились рухнуть господа
 Не от инфаркта - от расстрела...
 И улыбающийся в блиц
 Весь мир заменит мне едва ли
 Кастальский луч в слепом подвале
 В стальном репейнике границ...

Идёт время, рождаются новые и новые поэтические строки, причём рождаются под уже привычные звуки монотонно гудящих котлов за многие годы работы в котельной, куда Ольга Бешенковская, теперь уже кочегар с многолетним трудовым и литературным стажем, попала после того, как ещё в приснопамятные «застойные» времена, по указанию «литературоведов в штатском», она навсегда лишилась права работать и в советской прессе тоже. Дело в том, что по образованию Ольга Бешенковская была журналистом, окончив после школы за три года вместо пяти соответствующее заочное отделение Ленинградского университета. Причём, журналистом она тоже была блестящим, исхитряясь, при всей одиозности этого занятия в системе тотального партийно-идеологического контроля, писать свои очерки и репортажи максимально честно и объективно, никому и ничему не угождая своим журналист-

ским стилем, как никогда не делала она этого и своим пером поэтическим.

Отсюда, может быть, и вот это профессиональное умение в чисто литературном творчестве откровенную публицистичность своих произведений подымать до высокой поэзии, - талант, сохранившийся на многие и многие годы и потом. В качестве примера приведу стихотворение Ольги Бешенковской, написанное ею как горький и поэтический, и чисто человеческий отклик на гибель моряков подлодки «Курск»:

МАТЕРЯМ МОРЯКОВ ПОСВЯЩАЕТСЯ

Адмиралы - лужёные глотки
 И озёрные дачи...
 А сынки умирают в подлодке,
 А их матери - плачут...
 Мог и мой бы сейчас оказаться
 В этой вязкой пучине ...
 К Ярославской припасть ли, Казанской -
 Помолиться о сыне...
 Помогите, и Боже, и НАТО,
 Кто угодно - спасайте!
 Адмиралы же медлят: не надо,
 Сами, дескать, с усами...
 Что мне, бабе, секреты военных,
 Мне бы сыну - озона!
 Ваши тайны и так непременно
 Все - в кармане шпиона...
 Знаю только: смертельно опасно
 Жить в стране твердолобой,
 Где гордыней краснеют лампасы,
 А не щёки - стыдобой...

Но вернёмся в те, теперь уже далёкие перестроечные годы. Жизнь течёт своим чередом. Котельные смены привычно сменяют друг друга, и нет им числа. Там же, в котельной, Ольга Бешенковская вместе с коллегами по работе и творчеству вот уже несколько лет выпускает самиз-

датовский литературный альманах «ТОПКА», что расшифровывается как «Творческое Объединение Пресловутых Котельных Авторов». Буквально массовый исход художественной интеллигенции в котельные (более всего такое интересное культурологическое явление проявилось именно в городе на Неве), это особая тема для исследователей социального и художественного климата страны Советов, и тема эта ещё ждёт своих исследователей.

У Ольги есть семья, растёт сын Артём, который, как и все дети, становится источником не только естественных материнских радостей и забот, но и поэтического вдохновения для многих прекрасных и как-то по-особому цемяще-пронзительных стихотворений. Вот одно из них:

ПРОГУЛКА С СЫНОМ ВДОЛЬ ЗАБОРА ДЕТСКОГО ДОМА

От сиротского дома, где бросила пьяная мать,
 Этот горестный шарик покатится в светлые дали...
 И страна его будет, как сына, к холмам прижимать,
 И, как цапки, дарить, разбудив по тревоге, медали
 За ангины на койке казённой, за слёзы в кулак...
 О, российская, бабья, простынно-похмельная жалость...
 Ведь не царский сучок, не отродье зарытых в ГУЛАГ,
 А родное, своё... Вот и сердце по-божески сжалось...
 ... Ну, конечно, отдай все конфеты, смешной воробей
 В продувном пальтеце, из которого выросли трое...
 Голубые желёзки, моё беспокойное РОЭ,
 Ты простишь ли потом, что, увы, не безродный плебей...
 Что тебе отродясь птичьей клеткой родительский дом
 И обноски, объедки, задворки за детское счастье.
 Если пьяная чернь не проверит железом запястья,
 Не дурная ли кровь у того, кто начертан жидом...
 Если чёрная пьянь не сойдётся на книжный пожар,
 Хохоча и крича: Докажите, что слово нетленно...
 ... Так спеша пожалеть робеспьера с разбитым коленом
 И, конечно, отдай и конфеты, и розовый шар...

Особой главой в биографии Ольги Бешенковской стала эмиграция. Вместе с семьёй в 1992 году она переезжает в Германию, в город Штутгарт, который до самой её безвременной кончины в 2006 году, становится центром не только поэтических переживаний, но и художественного познания нового мира и новых жизненных реалий. И хотя за окном давно совсем другие, южно-германские пейзажи, Россия, родной, теперь наконец-то уже – Петербург(!), традиционно непростые российские раздумья, не покидают её никогда. Это находит свой отклик во всём, о чём пишет Ольга буквально с первых недель и месяцев по приезде на новое место жительства. Кстати, именно тогда многие из этих впечатлений нашли своё отражение и в её литературно-публицистических эссе на Радио «Свобода» в очень популярной в 90-е передаче «Писатели у микрофона», и в многочисленных публицистических газетных и журнальных выступлениях. Но, естественно, наиболее ярко всё это отразилось в её стихах:

* * *

Знаю: Родина - миф. Где любовь - там и родина... Что ж
 Не вдохнуть и не выдохнуть, если ноябрь и Россия...
 Лист шершавый колюч, как в ладони уткнувшийся ёж,
 И любой эмигрант на закате речист как Мессия...
 Ибо обе судьбы он изведал на этой земле:
 От креста оторвавшись, он понял, что это возможно:
 И брести, и вести босиком по горячей золе
 Сброд, который пинком отпустила к Истокам таможня...
 Для того и границы, чтоб кто-то их мог пересечь
 Не за ради Христа, не вдогонку заморских красавиц;
 И не меч вознести, а блистательно острую речь!
 И славянскою вязью еврейских пророков восславить,
 Зная: Родина - мир... Где любовь - там и родина.. Но
 И любовь - там, где родина... Прочее - лишь любованье...
 Как темно в этом космосе... (Помните, как в «Котловане»...)
 А в России из кранов библейское хлещет вино...

Потом будут двенадцать номеров первого в истории Германии (а, может быть, и не только Германии) «толстого» литературного журнала «Родная речь», задуманного и в течение трёх лет выпускаемого ею совместно с художником и профессиональным редактором Владимиром Марьным. Это (во многом уникальное) издание, мало того, что познакомило тысячи и тысячи своих читателей с той богатой литературной культурой и традициями, что привнесла в жизнь этой части Европы новая российская диаспора, но и помогло очень многим авторам, (не только начинающим, и даже уже маститым), вновь сделать свои первые литературные шаги в нелёгких условиях эмиграции. Не секрет, что перемена места жительства, тем более, перемена такая глубокая и радикальная, - это всегда серьёзное испытание для каждого. Находясь, в силу своего художественного таланта, в самом центре культурного процесса русскоязычного эмиграционного сообщества, опытным глазом и поэта и публициста, Ольга смогла создать в своём литературном творчестве целую галерею характеров и нравов бывших советских людей, многие качества которых, как прекрасные, так и отталкивающие, в этих новых условиях увеличились как бы стократно, и со свойственным ей мастерством это в своих прозаических и поэтических произведениях отразить:

* * *

Эти взгляды в чужие кошелёвки, и зависть, и спесь, по которым советских везде узнаёшь эмигрантов...
 Весь нехитрый багаж их, похоже, покоится здесь: в настороженном виде и странных повадках мутантов...
 Это надо же, как размело-раскидало народ: одичавшая армия ленинцев бродит по миру и дивится, что здесь всё не так уж и наоборот – соблазнительен пир, но чужим не положено к пиру.
 Вот и мнится Россия непыханым полем вдали, зарастает крапивой и всяческим чертополохом.
 Господа диссиденты, мы сделали всё, что могли: отдыхает земля и готовится к новым эпохам...

И придут инженеры точнее немецких часов,
и поправят кресты элегантно-французские внуки.
Зубы ломит колодезной. Сорван железный засов.
А теперь – помолясь – за ремёсла, стихи и науки!..

Естественно, что подобные строки одарили Ольгу Бешенковскую как многими искренними друзьями, так и немалым количеством не менее искренних врагов, чаще всего среди тех из «собратьев» по литературному цеху, к прилагательному «талантливых» которых неизменно просится ещё всё объясняющее добавление «немного». Удивительная метаморфоза в сторону откровенной нравственной деградации происходит нередко с, казалось бы, ещё вчера порядочными людьми, которые волею судеб вдруг очутились в обстановке относительного материального и социального благополучия... На эту загадку Ольга пыталась найти ответ всегда. Среди немалого числа её стихотворений, этому трагическому парадоксу посвящённых, есть и такое:

* * *

Интеллигенты советской поры
в серых пальто соловьиной невзрачности...
Чистоголосы, тихи и мудры,
и худоба – до осенней прозрачности.
Вздорг от звонка – не плебейский испуг,
но – осторожность: успеем, ребята, мы,
поднакопивши деньжонок, - на юг,
если не в пермскую стынь 35-ю...
Интеллигенты советской поры
слушали ночью «Свободу» и Галича,
спали, готовы взойти на костры, -
Было ли это? – Да, Господи, давеча!..
Драма окончена. Занавес снят.
Окна распахнуты! Цепи разорваны!
И диссиденты друг друга бранят,
бывших врагов развлекая разборками...
Интеллигенты советской поры
плаваются в славе как мягкое олово.

Не для того ли нужны топоры,
 чтоб не кружились беспечные головы?..
 Чтобы чердак – будто царский чертог,
 чтобы весь мир – в темноте – кинолентами...
 Полнятся Запад, и Юг, и Восток
 старыми русскими...

...Интеллигентами?

Зависть и злоба, возня за чины.
 Вот ведь: свободны, согреты и денежны...
 Хоть на четыре кричи стороны:
 где же вы?

Где же вы?

Где же вы?

Где же вы?..

Но какой бы горькой и жёсткой не бывала подчас её Муза, умение в любых жизненных обстоятельствах всегда находить хотя бы малейшие проявления любви и добра, помогало Ольге Бешенковской создавать свой особый, полный поэтического света мир. Одна за другой и в России, и в Германии выходят её поэтические книги на русском и немецком языках. Последнее особо примечательно потому, что буквально через несколько лет эмигрантской жизни она становится членом творческих (и журналистского, и писательского) союзов уже и Германии тоже, а не только в родном Отечестве, где её имя давно уже заняло своё подобающее место среди ведущих поэтов современной России.

Нечасто, но удаётся и путешествовать по миру, будь то, например, Нью-Йорк, куда она полетела по приглашению Колумбийского университета, или уже как турист бродить по извилистым улочкам французских или итальянских старинных городов, любоваться красотами Испании и Чехии. Но какие бы пейзажи ни открывались Ольге, взгляд этот всегда был прежде всего взглядом Поэта, который самым чудесным и чудным образом преломлял всё увиденное и пережитое в удивительные и неповторимые поэтические образы:

* * *

чужая речь как птичий щебет
 твоих ушей коснется лишь,
 не заползёт в глухие щели
 где сокровенное таишь.
 Маршрутный лист над головами
 меланхолически читай
 и ежедневный путь в трамвае
 един, - Париж или Китай...
 Везде покачивает сумрак
 и содрогает поворот
 носильщиц грёз и тяжких сумок
 что называются - народ...
 Кивают вяло подбородки
 потоку встречной чепухи...
 Где итальянские красотки?
 Где елисейские духи?
 Ты всё придумал, Боттичелли!
 Ты обманул меня, Вийон!
 Мир - деревянные качели:
 сабвей - убан - метро - вагон...
 И я сама - не гость высокий -
 сижу тихохонько в углу,
 дрожащей жилкою височной
 припав к прохладному стеклу
 и пребываю за границей
 хотя считается - живу...
 А пятки - чуть смежишь ресницы -
 Летят, как яблоки, в траву...

С появлением в доме компьютера круг общения стремительно расширяется. Отыскиваются многочисленные друзья и собратья по поэтической Музе буквально по всему миру. И это понятно, ведь судьба многих из тех, с кем прошла литературная юность Ольги Бешенковской, очень часто складывалась так, что они тоже вынуждены были покинуть своё любимое, но далеко не любящее Отечество. Но вот, благодаря поэзии, питерские поэты опять собираются в свой привычный круг, правда, на этот раз, в поэтиче-

ских строках такой вот ольгиной «Невесёлой песенки»:

НЕВЕСЁЛАЯ ПЕСЕНКА

Друзья мои, прекрасен наш союз...

А.Пушкин

Друзей моих стремительный уход...

Б.Ахмадулина

Друзья мои, мы как теперь живём?
Нас утешают разные пейзажи.
Лелеем память, морщимся продажи,
Как наркоманы - колемся: жнивьём...
Ты говоришь, в Израиле - жара,
Он говорит, в Нью-Йорке - суматоха.
А разве, братцы, это так уж плохо:
Друг другу сострадать из-за бугра...

Не для того ли всех нас размело,
Чтоб убедиться в круглости планеты,
И что другой страны на свете нету,
Где не рассердит за полночь «Алло»...

Друзья МОИ, распался наш Союз;
Он был не наш - он был страны Советов.
Но радость победительная эта
Срывается в отчаянную грусть...

И я живу - как сплю навеселе,
И по-немецки называю завтра...
И расправляю карту на столе -
Как будто нежно глажу динозавра...

Теперь невидимые нити Интернета вновь связывали, пускай уже и остепенившееся и заметно поседевшее, но всё ещё такое же свободолюбивое и неподкупное литературное петербургское братство. И вот как результат, к 300-летию Петербурга, стараниями всё той же Ольги Бешенковской, в немецком издательстве «Эдита Гельзен» появляется поэтический сборник «Город-текст», в котором

ею были собраны стихи авторов буквально со всего мира, полные самой искренней любви к этому прекраснейшему из городов. Другим литературным преподношением к юбилею Северной Пальмиры стала её собственная, прекрасно изданная издательством «Журнал «Нева» книга «Петербургский альбом», одна из более чем десятка, увидевших свет при жизни Ольги.

В том же 2003 году, Ольга Бешенковская выпускает совместно с трагически погибшим известным киевским поэтом Юрием Капраном и мюнхенским филиалом всемирного Толстовского фонда другую, тоже во многом уникальную поэтическую книгу «Киевская Русь», которая знакомит читателей со многими талантливыми стихотворцами, но уже с берегов Днепра, пишущими по-русски.

Такое трепетное отношение к талантам других, знакомых, а чаще всего, и незнакомых коллег по литературному содружеству, отношение, чего греха таить, так редко встречающееся среди людей любых творческих профессий, всегда было ещё одним ярким проявлением незаурядности Ольги Бешенковской и как литератора, и как человека. И, может быть, самым впечатляющим проявлением этого творческого и человеческого подвижничества стал выход в 2006 году литературного сборника «ЛЮДИ МУЖЕСТВА», который Ольга задумала и подготовила к печати уже сама, будучи смертельно больной и зная о своей скорой неминуемой кончине. В этой, по характеру своему во многом печальной и одновременно оптимистичной книге, под одной обложкой были собраны поэтические и прозаические произведения наших соотечественников-инвалидов.

Есть в немалом поэтическом наследии Ольги Бешенковской особо дорогое мне четверостишие, которое, по-моему, как нельзя лучше раскрывает, чем была для неё Поэзия, и кем в отечественной литературе стала она сама. Называется это коротенькое по форме и внешне даже шутливое стихотворение вот так:

«Ответ одной уважаемой пресс-службе на заманчивое предложение»

Не лучи люблю я, а излучины
с их подводным, чуть дрожащим светом.
Не была я винтиком закрученным. -
Мне ли быть раскрученным поэтом?..

Вот этот «дрожащий свет» прекрасного стиха Ольги Бешенковской светил мне все годы нашей совместной жизни. Так же нежно светит он и сейчас. И так будет всегда, пока глаза мои смогут всё прекрасное, что вышло из-под её пера, читать, а память – благодарно вспоминать каждое мгновение жизни с этой прекрасной женщиной и матерью моего сына...

РАННИЕ СТИХИ
ИЗ КНИГИ
«ПЕСНИ ПЬЯНОГО АНГЕЛА»
(1959 – 1974)



Я СТАНУ ЗИМОЙ

* * *

Я стану Зимой, бесшабашной и светлой,
 На вид - ледовитой, румянцем - в зарю.
 Хочу - снегирей буду стряхивать с веток,
 Хочу - заметелю, хочу - завихрю!
 Кого - обогрею, кого - обморожу,
 Кого - снегшибательно с горки скачу.
 И дети - седые, и бабки - моложе,
 А я... Я такая, какая хочу!
 Я - воздух и свет.
 Ни почёта, ни денег,
 Ни даже из собственной пряжи - пальто...
 Хоть белого света мне чище не сделать,
 А светлого дня не заметит никто...
 1959

* * *

Смотрите, - снег! Вот это снег!
 Снежинки - врассыпную!
 Как птицы? - Нет... Как дети? - Нет...
 Как ноты? - Нет... А ну их...

А снег идёт, слепит глаза,
 Юлой вертеться начал.
 Как сто, как тыщу лет назад,
 И всё-таки - иначе...

На счастье или на беду
 Голубя все земное,
 Идёт. И я за ним иду...
 А кто идёт за мною?..
 1959

* * *

Переменчивый снег надо мной,
 переменчивый снег...
 Ничего не попишешь - такая случилась погода...
 Остаётся уйти с головой в меховой воротник
 И войти в переливчатый снег,
 в перезвончатый снег,
 И не вспомнить, что это на что-то похоже...

Переменчивый снег,
 надо мной переверченный снег -
 Передышка от синих, зелёных и жёлтых раздумий;
 Чуть подсвеченный снег,
 пресвятой,
 пелеринчатый снег,
 Опереточный снег,
 в настоящую вьюгу раздутый...

Переменчивый снег надо мной,
 опрометчивый снег,
 Перегретый внизу перегрузкой неспешной резины...
 Перетаянный снег,
 на октябрь переставленный снег..
 Только перебродить...
 Только рот пересохший разинуть...

Перечерченный снег -
 вертикаль... параллель... перекос...
 Перебежчиком - снег...
 выхлоп нежности в сажу пространства...
 Переманчивый снег -
 передряг перерыв, перенос...
 Переменчивый снег -
 перепутанный ритм
 постоянства...

1968

* * *

Мандарины зимой удивительно пахнут
 С первой ёлки твоей – до последней отдышки...
 Вот лежишь, и зрачок ожиданьем распахнут,
 И щека согревает ладошки-ледышки,
 Потому что на вкрадчивых ёлочных лапах,
 Расщепляясь и в каждую щёлочку юркнув,
 И висит, и течёт, и баюкает запах,
 Беззащитный, щекотный, щемящий, уютный...

Словно горькие губы лишь в лоб целовали,
 Извиняясь как будто за каменный привкус,
 Если сказочным замком сквозит в целлофане
 Мандаринного детства оранжевый призрак...
 Словно где-то в дали моросит мандолина,
 К пробуждению тоньше, протяжней и глуше...
 Ты послушай, как пахнут зимой мандарины,
 Как зима мандаринами пахнет, - послушай:

Вся, от ропотной, робкой улыбки снежинки,
 Мимолётом угаданной (было и нету),
 До остриженных веток, скребущих с нажимом
 В аккуратной тетради начального неба...
 Излучают витрины зарю мандаринов,
 И смягчаются щёк зачерствелых горбушки, -
 Словно всю эту зиму тебе подарили,
 В новогоднюю ночь положив под подушку.

И мерцает она в серебристой обёртке,
 И нельзя на неё надышать – наглядеться,
 Потому что зима, что сегодня обрёл ты,
 Протянула –

метели –
 от самого-

детства...

СНЕГОПАД

(Поэма)

* * *

Как рано стали улицы пустеть...
 Когда ещё светлым-светло от снега...
 Когда ещё не ловят звёзды с неба
 Ни молодой, успевший полысеть
 Поэт, ни увядающий любовник,
 Который чуть моложе, чем поэт...
 Ещё автобус, алый, как шиповник,
 Шипит в снегу, а на зелёный свет
 Лишь снег идёт...

А люди не идут.

(Не мамонты - чтоб вовсе не осталось...)
 И я не знаю, лень или усталость
 Толкают в кресла, на диван кладут
 Тех, что с работы ринулись галопом
 (О, табуны! О, здания, держись!...).
 ...Теперь они сидят с телециклопом
 И в шахматы проигрывают жизнь.
 А снег идёт...

И пусть себе идёт,

Поскольку он не первый - не последний,
 Ромашек предок, тополя наследник,
 А может быть - как раз наоборот, -
 Не это важно...

Ну а что же важно?

Что рано наши улицы пусты...
 На них переминаются отважно
 Огни и милицейские посты,
 А снег идёт по улице пустой...
 ...Навязчивей, чем просто наважденья,
 Плечом к плечу сомкнулись учрежденья
 И каменно молчат...

И ты постой,

Наивный снег, отвыкший от народа,
 Светящийся, как памяти пунктир...
 Нормальное явление природы,
 Постой у врат в нормированный мир!

Там воздух неестественен и сер,
 Вещам и людям выдаются бирки,
 И в комнатах, прозрачных, как пробирки,
 Так призрачно мерцают ИТР,
 Что, кажется, слоняюсь по музею,
 Когда, склоняясь над письменным столом,
 Я прохожу сквозь стены и глазею
 На голубых простейших под стеклом.
 Они идут... Куда они идут?
 Вернее, выются, тужатся и тщатся,
 А снег идёт...

Но хватит возмущаться
 Их жизнью одноклеточной.

И тут

Идут часы, события бывают:
 Разводы, свадьбы, - маленький, но факт...
 Дают «прогресс»... Начальник вызывает...
 (Не на дуэль. Дай Бог, не на инфаркт...)
 А снег идёт...

Берёзы клавесин

Звонит в саду, который всюду рядом...
 Но эти люди расщепляют атом,
 А ты, признаться, только апельсин...
 А ты сама, как скрепки, нижешь строфы,
 Надеясь, неосознанно почти,
 И на пути к любви своей Голгофу
 И на пути к Парнасу обойти...
 И, повздыхав, что в мире мало света,
 В слепой подушке ищешь тишины...
 ...Не остряки, но острые поэты
 И чистый снег отечеству нужны.
 А снег идёт. Идёт совсем один.
 Кому повем печаль твою, о, Снеже!..
 И для кого так светел ты?

И с кем же

Склониться над мозаикою льдин?

... Чего мы ждём от зябнувшего мира
 В ночном сиротстве с ним наедине?

Несовершенна личность, а не лира,
 Не мир, а миф о собственной цене.
 И даже самый вздох о благородстве -
 Он слишком сладок около восьми...
 В своём сиротстве и в своём юродстве
 Мы виноваты сами, чёрт возьми!
 Вот снег идёт...

Идёт рабочий стаж...

Идёт зарплата.

Иногда - работа.

И о расплате думать неохота,
 Стремительно взлетая на этаж.
 И снег идёт пока не на виски...
 И не были б желанья простыми,
 Но рано стали улицы пустыми...
 И проводов седые волосы
 О материнских мне напоминают
 Кошунственно, но вовремя зато:
 Пока ещё идет она, родная,
 В моём снегу и в стареньком пальто...
 И снег идёт...

А ты уходишь в снег ...

Один из всех. Единственный - внезапно.
 Ты ждал меня, а я смеялась: «Завтра!»
 А снег идёт...

И ты уходишь с ней...

А я прижму - насмешница, гордячка -
 К твоей груди надменное чело...
 Наверно, это белая горячка
 От снега и не знаю отчего...

А снег идёт, и улицы пустеют...

* * *

Чем пахнет лес? Морозной остротой...
 Щекотным сном... Рождественскою тайной...
 Опавшей грустью, блекло-золотой,
 И золотистой просекою талой.

Вхожу, робея... Медленно... Без лыж.
 И без друзей. Без умысла и кисти.
 Мне нужно всё – мне нужен воздух лишь.
 Мой возраст вновь как детство бескорыстен.
 Не оттого, что мается душа,
 Всё примеряясь, в чём бы раствориться –
 Игольчатой свободою дыша,
 Ещё труднее с этим примириться...
 Но оттого, что в памяти несучь,
 Как на весу, как в домыслах и втайне,
 Всё, что томит, как запахи в лесу,
 И смутно сохраняет очертанья...

* * *

Как на синем снегу – удлинённость любого штриха:
 От сосновых теней – до крыла промелькнувшей пичуги,
 Отчего перед сном обнажается чувство греха
 И пронзает, хоть мы родились в серебристой кольчуге?
 Но иронии блеск измочален как ёлочный дождь,
 Рядом с лифчиком он провисает на стуле скрипичном.
 И под звёздным драже на душе или мятная дрожь,
 Или страха росток пробегает как пламя по спичкам...
 И скрипит простыня, и слепит, как мерцающий наст,
 И клубящийся сон поневоле замыслишь пристрастно...
 Или снег – это совесть всех тех, не дождавшихся нас?
 Оттого так тревожно, и стыдно, и, в общем, прекрасно?
 Или, свет отключив, и движенье, и органы слов,
 Вдруг удержишь дыханье...
 У воздуха – привкус хмельного...
 И почувствуешь, что еженощное таинство снов –
 Даже страшно подумать – прообраз чего-то иного...

РОЖДЕСТВО

Дождь на ёлке и снег за окном –
 всепогодье, скрещение блеска...
 Рюмки в трещинках зимних
 вином
 наливаются –
 стебли свиданий...

И прозрачная, как занавеска,
 грусть, надбитость гармонии...
 И темнеет в глазах – и светает
 от разлапистой молнии.

И сверкнувшие лаком грибы
 в кольцах сбившихся дыма и лука.
 И скользящая рифма – разлука –
 холодеет на вилке судьбы...

Рождество. Баккара с мишурой.
 Так тревожно, свежо и не ново...
 Марсианские слёзы шаров
 и звенящая хрупкость земного...

* * *

Этот робкий ледок поутру,
 Обморозивший голые ветки...
 Прохрустеть через двор, прозвенеть на ветру,
 Протереть побелевшие веки.
 А в глазах слюдяная висит стрекоза
 Сувениром из летнего плена...
 Этот хрупкий ледок,
 застекливший глаза,
 Не растопит и солнце Гогена.
 1977

РЕЦЕНЗИИ, ОТКЛИКИ, СТИХИ-АССОЦИАЦИИ

Алёна Рычкова-Закаблукоевская

*«Марсианские слёзы шаров и звенящая хрупкость
земного...» Страшно прикоснуться словом неловким... Как
это совершенно и хрупко.*

Благодарю Вас за страничку эту.

20.12.2013

Илья Герчиков

*Стихи, заслуживающие высочайшей оценки. «Эффект
присутствия» поразительный. Всё мысленно встаёт перед
глазами, ощущаешь всю прелесть снежной зимы, прелесть
самой жизни, из которой так рано ушла Замечательная
Поэтесса.*

Склоняю голову перед Её памятью...

28.12.2011

Тина Шотт

*Кажется, в 2007 году я была в Мюнхене на вечере памяти
Ольги и была потрясена её стихами, о которых раньше не
знала. Теперь, когда хочется пить из родника Поэзии,
открываю её книгу «Петербургский альбом» и читаю
СТИХИ!*

Эта подборка «Я стану Зимой...» - великолепна!

03.12.2012

Людмила Бенёва-Колегова

** * **

*Этот хрупкий ледок,
застекливший глаза,
Не растопит и солнце Гогена.
Ольга Бешенковская*

*Кружатся снежинки...
ложится строка...
на белое-белое поле...*

...свеча на окне...
 и стремится душа
 туда, где покой и где воля...
 там нет прегрешений
 и нет покаянья...
 и лишь звёздный свет
 бесконечно струится...
 и только душа, не забыв
 дух дерзання,
 из Млечной реки
 мечтает напиться...
 ...кружатся снежинки

12.02.2012

Анна Хорватова

Вот они: Стихи с большой буквы... Где чуть не каждая строка может стать эпиграфом к новому произведению - такая глубина мыслей. А как по-новому - взгляд на снег: «Или это совесть всех тех, не дождавшихся нас?» Ольга своим творчеством подтвердила свои строки: «Не остряки, но острые поэты/ И чистый снег Отечеству нужны...» При каждом подходящем случае вставляю Ольгины стихи то в Дневник, то в эпиграфы и пишу немного о ней - чтобы знали и помнили. С уважением и теплом. Анна
 13.04.2012

Елена Куприянова

Удивительные стихи, пронизанные не только лиризмом, но и философией бытия, добротой и теплом. Читаю и понимаю, что это и моё восприятие жизни. Каждая строчка близка, понятна, неповторима...

* * *

Мандарины зимой удивительно пахнут
 С первой ёлки твоей - до последней отдышки...
 О. Бешенковская

Чем ближе Новый год, сильнее ностальгия
 Колючею хвоей по берегам сна.
 Пусть окружают нас совсем уже другие,
 И произносим мы иные имена.
 Чем ближе Новый год, воспоминанья ярче,
 Там мама и отец в нарядах выходных,
 Там счастьем и добром набит почтовый ящик,
 Высокий табурет, и Дед Морозу стих...
 Отживший год уйдёт за точку невозврата
 (Да, сколько было их, с пелёнок до седин).
 Но что ни говори, нет лучше аромата,
 Того, что подарил тот зимний мандарин.
 26.12.2011

Катя Котляревская

Лишь снег идёт,
 А люди не идут...
 О. Бешенковская

Лишь снег идёт, а люди не идут...
 И женщина растрёпанно небрежно
 Уходит. Растворяются шаги
 И с ними запорошенный проспект,
 Утыканный фонарными столбами.
 Так медленно затягивает даль.
 Остаться в этом городе возможно ль?
 Уходит. Оглянувшись, одарив
 Невидимую мужественной силой.
 Из уст людей послышится: «Спасибо!»
 Пусть снег идёт. И женщина. И ночь.

Вениамин Велерштейн

Рояль дрожащий пену с губ оближет.
 Тебя сорвёт, подкосит этот бред.
 Ты скажешь: - милый! - Нет, - вскричу я, - нет!
 При музыке?! - Но можно ли быть ближе...
 Б.Пастернак

Мне кажется, эти замечательные строки из стихотворения Б.Л.Пастернака, как ни какие другие, подходят к творчеству Ольги Бешенковской... Как бы счастливы мы не были, нам всегда при жизни не хватает тепла... Хорошо, что сохраняются такие страницы.

Маргарита Назарук

*Как грустно и светло от этих волшебных стихов... Как горько, что нельзя сказать слова благодарности Ольге... Светлая ей память...
31.12.2011*

Нелли Искандерова

*Отличная подборка... Действительно, светлые, ностальгические стихи. Звонящие, хрупкие, как новогодние игрушки...
27.12.2011*

УРОКИ ТРУДА (1962)

* * *

Ау-у-у!

А улы гудят - что костры таёжные...
 Не пчёлы - искры над ними кружатся...
 И старый пасечник в куртке кожаной
 Кряхтит и мёдом янтарным ужинает.
 А рядом девочка, солнцем залитая,
 Рыжая-рыжая, с глазами-пчёлками...
 Но эти пчёлки - всего лишь на лето
 И школьной чёлкой уже зачёркнуты...
 А он без усталости ей рассказывает
 Про юность свою, про тайгу бедовую...
 А внука хлеб для него намазывает:
 На рану чёрную - мазь медовую...
 А мы, усталые после работы,
 Жуём с удовольствием солнца сотовые,

И даже не знаем, что их нам сделали
И пчёлы, и пасечник, и эта девочка...

* * *

Жил-был один сапожник,
 не слушал пересудов,
Их самой лучшей кожи
 он сапоги тачал,
Бывало, вздорил с тещей,
 случалось, бил посуду,
А чаще в песню всю он
 высвистывал печаль...
Согнувшись у окошка
 до солнца брызг последних,
Он чёрным гуталином
 не мазал белый свет.
Степенно вытрет руки
 об кожаный передник,
Насолит и наперчит -
 какой ни есть - обед.
Ходил в субботу в баню,
 дарил конфеты детям,
И знал всех птиц в округе
 по краскам голосов.
И, только умирая,
 с усмешкою заметил,
Что, как босой родился,
 так и умрёт босой...
Жил-был поэт напротив,
 стихи в газету ляпал
Про Таню в сарафане
 и белую сирень,
Ходил в штиблетах модных,
 снимал в сарае шляпу,
И клял поочерёдно
 погоду и мигрень...
Писал о том, как любит,
 и дальше - трали-вали,

И в паспорте хватало
его любви помет...
... В селе давно поэта
сапожником прозвали,

Никто не догадался,
что рядом жил - поэт...

ПРЕДСЕДАТЕЛЬ

Нахваливали клубнику,
глядели в пустую миску,
А он согривал улыбкой
небо из под руки...
А небо не улыбалось -
оно провисало низко
И крепко сжимало тучи
в тяжёлые кулаки...
А он повернулся круто,
за плечи потряс мальчишек:
«Ну вот, наконец-то, вдоволь
землица дождя попьёт!»
И мы улыбались тоже,
пожалуй, усердно слишком -
Что сделаешь, мы не очень
тревожились за неё...
Как стало асфальта твёрже
потрескавшееся поле -
Мы чувствовали ногами,
мы знали не из газет.
Но если заладит ливень -
забудьте о волейболе,
И в лёгких палатках наших
насквозь протечёт брезент.
Мы потом поили землю,
(а он говорит: «землицу»),
Она нам вошла в ладони,
но гость - остаётся гость...

И, сузив глаза от дыма,
 сурово глядел нам в лица
 Хозяин, в землистых пальцах
 лаская сухую горсть...
 Потом усмехнулся горько:
 «Что пляшете нынче? Твисты?
 А батьки в начальстве ходят?..»
 Но мы не вступали в спор.

И только хвастливый Борька,
 заносчивый сын артиста,
 До слёз покраснев, зачем-то
 соврал, что отец - шофёр...

В КЛУБЕ

Горло сжало горечью -
 И слеза.
 Едкий дым махорочный
 Ест глаза.
 Не туманя сини их,
 Звёзд в окне.
 Разговоры сиплые,
 «Да» и «не»...
 Васильки - созвездьями
 На платках.
 Хорошо, что вместе мы
 И закат.
 Что подкова месяца -
 На реке.
 Что старухи крестятся
 В уголке.
 В платъицах поношенных
 Детвора
 Сыплет как горошины
 Со двора.
 И жар-птицей - птичица,
 И ещё

Ночь гнедая тычется
Мне в плечо...

* * *

Ну и шофёр! Ну и дорога!
Ну и берёз обочный кросс!
Чернели спички, в пальцах дрогнув,
Не догорев до папирос...
А на спине пылала майка,
А он дорогу укрощал,
Словами, что не для бумаги,
Её ухабы устрашал...
Она плутала круче, резче,
Но, опознав его едва,
Уже неслась ему навстречу,
Ломая ветви, синева!
О, скорость до изнеможенья,
Ты наказуема, увы...
Но сладко головокруженье
Ромашки возле головы...

РЕЦЕНЗИИ, ОТКЛИКИ, СТИХИ-АССОЦИАЦИИ

Ольга Миничева

*Бесспорно - высокая поэзия, полная душевного огня и индивидуальности. Предвкушаю очень интересный взгляд на мир, потому с удовольствием буду возвращаться на страничку Ольги. Светлая ей память! С уважением,
22.12.2014*

Игорь Ковязин

*Жизнь не вечна, ей свойственно завершаться, но записанное слово - продолжает жить, пока есть те, кто его прочтёт.
01.02.2016*

Татьяна Тареева

Ах, какие зоркие душа и глаза! Спасибо за публикацию!

Светлая память автору

08.10.2014

ЗАМЕТКИ НА ПОЛЯХ

ПИСЬМА С БЕЛОГО МОРЯ (1965-66)

ИЗ КРЫМСКОГО БЛОКНОТА (1967)

ВОСТОЧНЫЙ УЗОР (1972-73).

* * *

Люблю возвращаться домой,
Сосать леденцовое «Здравствуй!»,
Особенно - лунной зимой
Из дальних и длительных странствий.
И после стремительных круч
На лестнице нашей пологой
На миг задохнуться... А ключ -
Как луч, освещает дорогу.
И жёсткий обветренный рот
Такая улыбка смягчает,
Как будто ключа поворот
В судьбе поворот означает...

* * *

Похолодали твои глаза,
Отшелестели мои шаги,
И растекаются голоса -
Как по воде круги...
Ну а на севере осень - так:
Бледное небо сползает вбок...
Прежде был день - с лосиный шаг,
Нынче стал - с воробьиный скок...

Здесь я рифмую изба - резьба,
 И деревянный гудит настил.
 Греет с чужого плеча судьба,
 Словно бы кто-то за всё простил...

* * *

Здравствуй, здравствуй... А у нас зима.
 А у нас журчат по склонам лыжи.
 Как медведи белые, дома
 Жмутся к морю Белому поближе.
 Ну а море белое - везде:
 Сметена метелями граница. -
 Снежный штиль на суше и воде,
 Словно жизни чистая страница
 И земли начало... Здесь её -
 До сих пор - младенческая смелость:
 Оленёнок нюхает ружьё,
 Но отпрянет, испугавшись смеха,
 Ни вперёд на шаг - и ни назад...
 Здесь такие звёзды - звонче камня!
 Здесь по-детски ясные глаза
 У мужчин с багровыми руками.
 Здесь не знаю, что я напишу:
 Только письма? Очерк? Или повесть?
 Не спешу. Туманами дышу,
 И снегами, чистыми, как совесть.
 И один-единственный ответ
 Для твоих заботливых вопросов:
 Знаешь, наш дрейфующий паркет
 Иногда опаснее торосов...

* * *

Расплескались, расколышились снега,
 Завертели, заметелили селенья,
 Где накалывают звёзды на рога
 Большеглазые лобастые олени...
 А вдали - на склоне глобуса и дня -
 Стало солнце ананасовым и сочным.

Там пустыня, как собрание - меня,
Бедолагу-бедуина пропесочит...

Я ж ступаю по колючей по росе;
Ни оленя, ни оазиса в бинокле:
Уродилась я на средней полосе,
Где берёзы в небо пасмурное вмокли.
Испекли меня на среду, как назло;
Средний вес, вполне упругое тесто...
В середине беззаботно и тепло...
В середине так удушливо и тесно...

Что с тобой, Россия, всё мне по плечу
(Только ты пойми меня и не печалься)
Не хочу тебе я клясться, промолчу. -
Без того тебя обманывали часто.

Что с того, что я просторами горжусь,
Что не смею современностью гордиться...
В капитаны, понимаю, не гожусь.
В пассажиры, понимаешь, не годится...

Гнутся ветки - созревают кулаки...
Режут лямки, но движенье неустанно...
Запиши меня, Россия, в бурлаки -
Вдруг на мель тебя посадят капитаны...

* * *

Из-под колёс река встаёт ребром,
Летит плашмя стремительное деревце.
А говорят, что где-то есть метро.
Наверно, есть. Но всё-таки не верится...

Здесь в сентябре ударил первый снег,
Бредёт к берлоге сонная медведица.
А говорят, что где-то снега нет.
Наверно, нет. А всё-таки не верится...

Когда в пурге не видно ни черта,
 В любой избе ночуй, какая встретится.
 А говорят, исчезла доброта.
 Всё может быть... И всё-таки не верится...

Снега - по грудь, безмолвие - по грусть,
 Не ближе цель - она с Землёю вертится.
 А говорят, бывает легче путь.
 Наверняка. Но всё-таки не верится...

* * *

За порогом ночь холодна, как смерть,
 Но куда шаги не кидай:
 В маскарад огней или в снежный смерч,
 Всё равно тебе - в никуда...
 Не скажу «Постой!», потому что фальшь
 Ослеплённым еще видней...
 Да и все мы лишь человеческий фарш
 В голубой мясорубке дней.
 Чем же хуже снег: и душист, и волгл,
 Слышно, звёзды звонят по ком...
 И бруснику крови притихший волк
 Слижет замшевым языком...
 Только полно врать, попивая чай,
 И давить из брусники сок...
 Ни один дурак от моих «Прощай»
 Не дырявил себе висок.
 И уходишь ты не в безлюдье льдов -
 По ночному проспекту путь.
 И из зёрен злых - из твоих следов
 Что-то снова взойдёт.. И пусть.
 Вот заруюсь глубже в пушистый плед,
 Уходя, огня протяни...
 А уйдёшь - и брошусь в метельный бред,
 На скрипучий лёд простыни.

* * *

А мне в январском солнечном Крыму
 Казалось, что не я пришла к нему,
 А он ко мне - рождественской открыткой:
 Там серпантин расцвеченных дорог
 С горы, как с ёлки, свесился до ног,
 И мальчуган, ликующий и пряткий,
 За блеском волн серебряных бежал,
 В руках медузу хрупкую держал,
 Горели щёки лубочным румянцем.
 И долго пятки чиркали одни,
 Взметнув песка бенгальские огни,
 Что до сих пор в глазах моих искрятся...

* * *

Старик Нептун, ты всё-таки болтун -
 Ты разболтался, вышло на поверку:
 Пустил такую рыбину по верху,
 Что золотушный мелкий колотун
 Издёргал море...

Что же ты, Нептун,
 Подсунул старцу рыбину не ту?

А старец этот - копия твоя,
 Весь в бороде всклокоченной и пенной.
 Пора сидеть на пенсии степенно
 С трезубцем вилки, рассказы вя.
 Зачем же столь мучительный вояж,
 Ты не поймёшь - старуха не твоя ж...

Тяжёлый синий невод тишины.
 И чешуя лоснящейся луны.
 А сколько нитей в неводе сплелось...
 А сколько сказок во море слилось...
 А сколько лет, лениво ласты грея,
 Всплывают, как тюлени, валуны...

Стоит Нептун с лицом Хемингуэя
 Над пушкинскими прядями волны -
 Старик-рыбак, луну поймавший в невод...

* * *

Волны штор отвести,
 близорукими окнами спальни
 Поглядеть,
 и увидеть, очнувшись от нег:
 Жёлтый снег на зелёные падает пальмы,
 Липкий лиственный снег..
 Что отснилось - отснялось на старую пленку
 печали.
 Засвети её, день, до последнего кадра,
 на нет!
 Первый день декабря - перекресток эпох -
 замечали?
 Хлипкий лиственный снег..
 Он помучит ещё ожиданием,
 шуршащий посредник,
 Но однажды проснусь,
 а навстречу - не с неба, а с неб -
 Настоящий,
 всегда для кого-то последний,
 И всегда для кого-нибудь первый -
 снег!
 Звонкий, как поцелуй,
 как щелчок по антоновке,
 или...
 Или
 даже не знаю...
 Но хлынет на пальмы и с них!
 Только разве на юге снега настоящие были...
 Только лиственный снег,
 Жёлтый лиственный снег..

* * *

А неба нет. И моря нет.
 Есть небоморе - подтверждение
 Пересечения всего,
 И параллелей.

Поздно. - Ночь, никак?
 От скуки думая о ней,
 Я представляла наваждение:
 Душа нахохлилась совой
 На голой ветке позвоночника.

А вижу: серые пласты,
 Казалось, противоположностей
 Прошиты нитками дождя
 На редкость прочными и серыми.
 И как вы, стало быть, просты,
 Все наши сумрачные сложности,
 Коль можно, к морю подойдя,
 Качнуть звездами, точно серьгами...

* * *

Звонит, переливается
 сосулек баккара,
 Тарелки льдин фарфоровых
 на счастье бьются в марте.
 Стелите небо мягкое,
 Хива и Бухара,
 Которые пока ещё -
 веснушками по карте!
 Хива и Бухара, - вы как халва и пахлава,
 Вы мне на блюде поданы
 с каёмкою лиловой!
 И подан трап,
 и сказаны последние слова,
 И прописью -
 бухгалтера внушительное слово...
 Хвала ему,
 бухгалтеру завода моего,

А в двух шагах - Гоген: жара,
 Бананов кожура.
 Толпа в мечеть. Толпа в завод.
 Всё рядом: вот... и вот...

В СТАРОМ ТАШКЕНТЕ

Узенькие улочки Ташкента
 В школе, что ли, вылеплены кем-то? -
 Грубо, торопливо, неумело,
 Хижины не выснежены мелом.

Пепельная нищенская глина...
 Женщина в халате из павлина...
 Ослик, симпатичный и печальный...
 Кустик, запалённый и случайный...

Ползает, жилища задевая,
 Красное чудовище трамвая -
 Яркий представитель незнакомых
 Среднеазиатских насекомых...

Неба и земли узкоколейкам
 Молча говорю: «Селям алейкум!»
 И тебе, великий неумека,
 Из того, младенческого века...

* * *

Бесплатно зрелище базара,
 А мне-то дороги как раз
 Каскады звонкого азарта
 И красок, лакомых для глаз.
 Палитра щедрая свежа тут,
 Как будто мир отсюда взят:
 То огурцы, как лягушата,
 Ознобом зелени пронзят,
 То вспыхнут лампочками груши
 И диском солнечным - лаваш!

И дынь медовое удушье
 Дурманит голову как блажь...
 О, рынок в гомоне и давке!
 Как самаркандские ковры,
 Твои воскресные прилавки
 И гармоничны, и пестры.
 Восторг - восточная торговля!
 Недаром вывеска: «ВОС.ТОРГ»
 О, только б выдержала кровля,
 Когда торгуется восток!..

* * *

Как почтительно тихо машины порхали
 (На серебряных крыльях - пыльца золотая)
 И усталое солнце горячим барханом
 Колыхалось вдали, нарастая и тая,
 Как вздыхали послушные ослики в лозах
 И мерцали глазами... - смогу ли забыть я... -
 Над кошмой, истлевающей в мраморных позах
 Аксакалы свершали обряд чаепитья...
 Это отдохновение или работа?
 Это миг, или век, или сколько продлится?
 И текли ручейки вдохновенного пота
 По глубоким арыкам, изрезавшим лица...
 Так торжественно ждали иссохшие губы
 Вознесенья пиал, не склоняясь к пиалам,
 Что казалось, - какие-то тайные трубы
 В тишине чаепитья звучат аксакалам...
 Вот и слушают, в такт бородами качая,
 Как уходит их музыка дальше и глуше...
 Или кроме секретов обычного чая
 Им известен и чай, утоляющий душу?
 И светилось в оазисах глаз превосходство
 Недоступного счастья, неведомых тягот...
 Старики обретали всё большее сходство -
 Постепенно -
 с землёю,
 в которую лягут...

И косится укоризненно, и вроде
 Презирает меня с должностью в связи:
 Ты слова, мол, еле-еле переводишь,
 Ты что я перевожу - перевези...
 А старик - немногословнее вершины,
 Бородой и справедливостью - Аллах:
 - Ниспошли, Аллах, - бормочет - ей машину -
 Не умеет ни пешком, ни на ослах...
 Не умею. И развешиваю уши...
 И шагаю,

и боюсь:

не хватит сил.

Этот день мою навьюченную душу
 Крутобокими горами нагрузил.
 Этот день папаху тучи сдвинул низко,
 Даже лунной круглоликостью - ата...
 Ну, скажи, ата (отец),
 теперь-то близко?
 Он бровями пожимает:

«Суета...»

РЕЦЕНЗИИ, ОТКЛИКИ, СТИХИ-АССОЦИАЦИИ

Ирина Котельникова

Читаю... По сути - у нас отняли целую эпоху. Пока одни писали «Слава КПСС» и т.д., и т.п., - рядом вставала на крыло настоящая поэзия. Как бы ни подбивали, полёт был неизбежным. Спасибо! Это то, что называется - ПОЭЗИЯ!..

29.11.2014

Татьяна Тареева

Будто в собственную юность вернулась... Эти стихи - настоящая машина времени.

Поклон и память автору

07.10.2014

Наталья Дорофеева

*Чудесная подборка - глоток чистого кислорода!
«Душа нахохлилась совой на голой ветке позвоночника»...
Спасибо, Алексей, что храните память об Ольге.*

ФИЛОСОПУСЫ (1963-1964)

* * *

Дирижеры - как пингвины,
А планеты половины -
Гулливеровы очки...
Всё чуть-чуть на всё похоже,
И такой восторг по коже,
Что испишешь все клочки!
Но сначала можно - стены,
И обои постепенно,
И тетради, даже те,
Что с таблицей умноженья.
И такое в пальцах женье -
Как от водки в животе!..

* * *

Сперва металась вокруг земного шара,
Волненьем неосознанным пьяна;
Потом к груди его припала шало
Ещё зеленоглазая - Весна!
Она дышала чисто и глубоко,
И он в ответ поверхностно расцвёл...
И что с того, что, может быть, сглупила,
Ввязавшись в торопливое родство;
И что с того, что ломкий первый почерк
Затянет осень в грязный водосток,
Когда сейчас трепещет и лопочет
Её пугливый первенец - листок...

ПАРАЛИЧ

Секунду здесь помедлит электричка -
 Платформы от подошв не горячи.
 Живёт мальчишка, худенький, как спичка,
 На остановке мартовской – «Ручьи».
 Ручьи - до них всего ступенек двадцать,
 А птицы - только руку протяни...
 Но можно лишь на локте приподняться -
 И снова рухнуть в холод простыни.
 И рассуждать о времени крылатом,
 Надвинув одеяло до плеча,
 С самим собой и сгорбленным халатом
 Вполоборота севшего врача,
 Который снова скажет, что полезны
 Еда и сон. И стряхивает ртуть,
 Как мысль о том, что нам в лицо болезни -
 Как в будущее - страшно заглянуть...

ТВОРЦЫ

Двадцатый век. Простор какой им!
 Они шумят, они копят,
 И мир, где мы снимаем койки,
 Переставляют, как хотят...

В своем горенье - как в гареме,
 Галантно-голые до пят,
 Они сгниют от гонореи,
 Но с каждой музой переспят.

Потом шаманят злы и грустны
 Над белым сполохом холста...
 Но так рождаются в искусстве
 И правота, и чистота.

* * *

Плескалось «до» - до-мой... до-мой...
 Мажорно и желанно,
 Пока не смолкло за кормой
 Дыханье океана.

Теплы пожатия, пока
 У хриплого крылечка
 Других не вспомнила рука -
 Морёная дощечка.

Воспеть бы этот щедрый мир,
 Сумбур воды и суши,
 Но как забыть, что мы - на миг...
 Спасите наши души!..

* * *

Всё спешу куда-то по привычке,
 Трудно попадаю в рукава.
 Промелькнёт в метели электричка -
 Будто прошлогодняя трава...
 И на лунно-снежном перекрёстке
 (Вероломной памяти привет)
 вспыхнут вдруг продрогшие берёзки -
 Как фонтаны, солнцем – напросвет!
 И замрёшь, застынешь сходу, с пыла
 В пальцах снег задумчиво сминать.
 И куда спешить - всё это было...
 Дальше жить - как будто вспоминать...

* * *

Давай присядем, как заведено
 За много бед до нашего рожденья,
 И будем, как приказ о награжденье,
 Читать заиндевелое окно...
 Обычное, из тех же самых строк,
 Которые нас прежде не касались

И, равнодушно скомканы, бросались
 В гудящий, как времянка, солнцепёк...
 Присядем на разбросанных вещах,
 Друг друга понимая с полувзгляда.
 Мы заслужили высшую награду -
 Минуту молчаливого «Прощай»...
 Уйдёшь в себя, а я уйду домой,
 И на душе - безжизненно и блёкло.
 И ночь на поздравительные стёкла
 Уже струится траурной каймой...

* * *

Мне говорить об этом не пристало,
 И не с кем, и не хочется ни с кем:
 Поэзия - петля над пьедесталом
 И робкая росинка на листке...

РЕЦЕНЗИИ, ОТКЛИКИ, СТИХИ-АССОЦИИ

Елена Куприянова

* * *

*Поэзия - не ямбы и хорей,
 И не отметка в школьном дневнике.
 Я повторяю солнечно за нею:
 «И робкая росинка на листке...»*

*Ах, если б мне ума достало,
 И чувства больше, чем ума:
 «Поэзия - петля над пьедесталом...»,
 Поэзия - и посох и сума.*

*Ушёл Поэт. Поэзия осталась.
 Волна следы не смоеет на песке...
 «Поэзия - петля над пьедесталом
 И робкая росинка на листке...»*

03.11.2014

Татьяна Тареева

16-летняя девушка пишет... И как пишет! Я потрясена!
08.10.2014

Валя Некрасова

Такая радость читать стихи Ольги, и так горько, что это радость с «траурной каймой».
26.12.2015

ВРИФМЫ И ВРИТМЫ (1965-1967)

* * *

Протикало всего 17 лет:
Всё впереди: и радость, и усталость
(А Лермонтову десять зим осталось,
И сколько мук, и пара эполет,
И как барьер - собрание сочинений...)

Протикало 17 лет уже -
С тех пор, как длинных лун грызу початки,
Друзей теряю, время и перчатки...
(Но Лев Толстой давал созреть душе -
Нескоро сжал собрание сочинений).

Не угадаешь возраст роковой...
(Стреляли в мысли... Мышцы ослабели...)
И первая звезда над колыбелью -
Как первый гвоздь над гранью гробовой...
Под кожей всех - собрание сочинений...

ПОЛНОЧНОЕ ПОЛО

Полночь, полная полыни,
В поле волнами отхлынет,
Полонёна половиной
Полувидной полувинной

Сочного сонного
Солнца невесомого.
Просто всё, не думать если,
Если просто жать на вёсла,
Перекатывая песню
По волнистым вольным вёрстам...
(Позавидуешь забитым,
Забинтованным заботой
О заборах, о повидлах,
Остающимся за бортом,
Отстающим от саженой
Лет, налепленных нелепо,
Не черневшим от сожжений,
Очерстевшим в чёткий слепок...)
Но хочу, пускай виновной,
И наказанной условной
Жизнью в буквах... (Сердце - будто
Сердцевину - точат буквы),
Песню пестовать годами,
Собирая по росинке,
Не выгадывать, гадая
Про себя и про Россию,
Не пленяться половиной
Полувидной полувинной
Сочного сонного
Солнца невесомого...
Точка. С кухни запах луков.
Отдаю стихи в печать.
И зачем я лёгкость звуков
Стану мыслью отягчать?..

* * *

Снегу хворается,
Снегу недужится...
Всё же тужить о нём
Нужно едва ль:
Вот он уже воплощается в лужицы,
В лужицах кружевом

Пенистым кружится,
И превращается -
Имя Февраль.
К чуду в придачу
В чудачество-отчество,
Но не получится вслух
И не хочется
Мартом Февралычем
Выкликнуть март...
Дом почерневший
Корчуетя дочиста -
Время иное,
И новое зодчество...
Так почему же -
Полозьями нарт -
Лозы скрежещут
По облаку снежному?
Старое бремя
Желаннее нешто мне?
Оттепель, зонтики,
Ботики - вброд...
На тебе - вот тебе -
Круговорот...
Трудно прислушаться
К логике старицы:
Что-то разрушится -
Что построится...
...Что-то весна нынче
С целыми уймами
Всяких сумбуров,
Догадок и тождеств...
И осыпает панель поцелуями
Североглазый
восторженный
дождик!

* * *

Блуждающие звёзды -
 Эпитет или термин?
 Не знаю, и признаюсь: дознанья не веду.
 Почёт, наверно, воздан
 Уже и этой теме,
 А мне одну, хотя бы - приплудную звезду...

Чтоб не было так пусто,
 Что может показаться,
 Что ночь - не время суток, а зрение души.
 Чтоб снег хрустел капустно -
 Как будто рядом зайцы,
 Хотя - откуда зайцы в придуманной глуши?

Хотя и так бывало -
 Ушастые события...
 Но мне звезду хотя бы, всходящую на мост.
 А по ночным бульварам
 Блуждать ли ей, блудить ли -
 Не знаю, это дело филологов и звёзд...

РИФМА

Ничего я не изображаю –
 Просто звуком звуку подражаю,
 Подтверждаю или возражаю,
 Даже если не соображаю.
 Звуки в небе плещутся стрижами,
 И в ладошку тычутся ежами,
 То во мгле маячат миражами,
 Грудь сосут, как будто их рожали...
 Я их только к речи приближаю,
 На плоты бумажные сажаю,
 А потом уже воображаю,
 Что как будто что-то выражаю...
 Как жужжат назойливые звуки...

Только бы
 от поезда
 не
 отстать...

ХОББИ

Филателисты коллекционируют марки,
 Нумизматы и скряги - деньги.
 Дети собирают фантики,
 Наверное, потому, что они вкусно пахнут –
 сладкие воспоминания...
 А вдовы - солдатские письма,
 перевязанные конфетной тесёмкой...
 И чего мы только не копим:
 Этикетки со спичечных городков,
 Пуговицы с пиджаков известных артистов...
 А на днях меня познакомили с местным Ионычем,
 И хотя на него - чехонтэ...
 всё-таки интересно:

Он коллекционирует клизмы.
 Оказывается, они бывают
 со спичечную головку
 И с купол Исаакиевского собора...
 У него настоящий музей кака-клизм:
 Около двухсот штук...
 Писатели коллекционируют коллекционеров
 И хвалебные рецензии на себя...

Скоро на земле нечего будет коллекционировать,
 кроме бутылок...

.....

Только бы не Эльбрус из тувель
 узниц Освенцима!..

РЕЦЕНЗИИ, ОТКЛИКИ, СТИХИ-АССОЦИАЦИИ

Александр Милях

С Ольгой Бешенковской меня познакомили в семидесятые на литпосиделках, не то у В.Кузнецова, не то у С.Давыдова, которые вели литобъединения в ДК.

Есть у меня и две её книжки, самиздатовская и изданная в перестройку. Встречал публикации в журналах. Я уважаю разумную, выверенную стихотворную литературу, но считаю настоящей – живую поэзию О.Б., чем поэзия на русском языке и отличается от многих других.

01.01.2012

Ирина Котельникова

*Спасибо за эту страницу тому, кто её ведёт.
Прекрасная подборка. Ольга действительно БОЛЬШОЙ
ПОЭТ! Чего стоят строки: «Только бы не Эльбрус из
туфель узниц Освенцима!..»*

Елена Куприянова

* * *

А мне одну, хотя бы - приبلудную звезду...
О.Бешенковская

*Я верю в версию эту,
что люди не канут в Лету,
А просто уходят в небо
и светят там по ночам.
И им безразлично лично,
зима на земле или лето,
они посылают приветы
туда, где их старый очаг.*

*...Вчера где-то в полвторого
звезда-душа приبلудилась,
ко мне, незнакомой, лучик -
в окошко: "Тебе привет!"
Шепчу, растерявшись: "Здорово!"*

*(С чего б на гостей я злилась?
Такого ещё не случилось
в процессе отпущенных лет...)*

*И вот мы с моей Приблудной
до самой зари болтаем,
Теперь она мне родная...
роднее сестры родной...
И задним умом подспудно
я небо к себе примеряю:
- Местечко свободное мне бы...
Ну, да, по-соседству с тобой...*

ГРАНЁНЫЙ РАЙОН (1972-1974)

* * *

Наверно, об этом нельзя.
Вернее, не стоит.
По лицам попутным скользя,
Не думай - пустое.
Подумай о чём-то своём,
А лучше - высоком...
Прозрачен гранёный район
И солнечным соком
До края наполнен, до губ,
А губы, зевая,
Упрямо рифмуют, что груб
Водитель трамвая,
Что надо же - иконостас -
Не лица, а морды...
Но памятен каждой из нас
Урок Квазимоды.
Но дело не в этом совсем -
Бессилен рассудок.
И всё же для каждого в семь
Звенели посудой...
И жёлтые зубы, и нос
Картошкой ли, перцем -

До звёздных кому-нибудь слёз,
 До выдоха сердцем.
 Вкусившие солнечный сок
 Адамы и Евы -
 Напротив и наискосок,
 И справа, и слева...

* * *

О чем поёт гармонь теплоцентрали?
 О том, что мы страну не выбирали,
 И на эпоху ордер не дают.
 Но в беспокойном коммунальном мире
 Для всех нашлось по жизни и квартире,
 Чтоб создавать потомство и уют.
 А что растить: берёзы или пальмы?
 Будильник или жаворонок в спальне? -
 Судьба ли, сам ли выберешь себе.
 А всем нам - жить со всеми по соседству
 И - видит Бог - по счётчику и сердцу
 Платить за свет в жилище и в судьбе...

* * *

Каким ты будешь, будущий язык?
 Один для всех - как музыка и небо...
 Один для всех: для Фета и для Феба,
 Для коренастых сеятелей хлеба
 И бледнолицых пахарей музык.
 Чем будешь ты, - рисунком или словом?
 Ты ко всему заранее готов:
 И молча в спектре вылиться лиловом,
 И выразиться в запахах цветов...
 Готов для всех признаний и наветов -
 Дарить оттенки слуху и очам,
 Готов своих пленительных поэтов
 И утешать, и мучить по ночам;
 А я - лететь к тебе издалека...
 Хоть мой скафандр - фланелевый халатик -
 Смешон в хрустальной готике галактик,

Но вдруг пронзит восторгом и охватит
 Прикосновенье к тайне языка.
 И зазвучат - и слышала не я ли -
 Уже в моей языческой дали -
 И борозда раскрытого рояля,
 И клавиши подтаявшей земли...

* * *

До обидного прост и недолог
 Путь к старинному сейфу души:
 Бородатый, как чёрт, социолог
 Пододвинет анкету: - Пиши!
 Бесплезно уже притворяться -
 Разглядит он, как ты не таи,
 Сквозь замочную щель перфораций
 Все наивные тайны твои.
 И - держись, развесёлая личность! -
 Лучше даже, чем другу, видны
 И усталость твоя, и скептичность,
 И тенденция к чувству вины.
 Только хрустнет задетая ветка,
 Расцветет ли строка ни о чём -

Мефистофель XX века,
 Усмехаясь, стоит за плечом...

* * *

За месяц дачного житья
 Вошли прощания в привычку.
 И снова в нимбе снежном я
 Благословляю электричку...
 Ещё вдвоём - уже одна -
 Стою на лезвии платформы,
 Чтобы в проталинке окна
 Мелькнуть на память для проформы
 Поймать светящуюся горсть...
 Потом разжать пустые руки:

Ну вот и всё. Уехал гость,
 Любимым названный от скуки.
 Но независимо от уст
 И электричек торопливых,
 У поцелуев зимних вкус
 Был яблоч белого налива...
 И снег случайно, но не зря
 Завесил станции название,
 И лунный отсвет фонаря
 В очарованье расставанья...

СОНЕТ СТУКАЧУ

Лежу ли безмятежно на траве,
 Сижу ли в заведении питейном -
 Шуршит какой-то карлик в голове,
 Подосланный из Дома на Литейном.

Копается, сопя, в черновиках
 Моих, ещё не высказанных мыслей,
 Со мною он витает в облаках
 И воду дней влачит на коромысле.

Перепадает вин моих ему...
 Командирован к сердцу и уму,
 Теперь-то он со следа не собьётся.
 И я ему сочувствую вполне:
 Не заболеть, не вырваться к жене,
 Глядишь, - стихи запишет и сопьётся.

* * *

Когда обыденно и мудро,
 Ещё застенчивым лучом,
 Границу лишь наметит утро
 Меж тёплым каменным плечом
 И чуть припухшими губами,
 Причмокивающими во сне,

Но в дремучем дыму я уже различаю повязку:
От надежды слепой –

до пространства,
которое глухо.

Я люблюсь талантом не видеть
стремительных стрелок,

Ощутив обнажённую
молодую
страницу...

И когда он бранится:
«Герой Ваш сознательно мелок»,

Улыбаюсь,
любуюсь талантом браниться.

И свистят паруса.
И наградой кажется кара.

И лохматые юнги
уходят в поэты,

Даже если у них
никакого и не было Дара –

Только этот...
1972

* * *

Глухонемые говорят -
Как будто музыку рисуют:
Их пальцы нервные парят
И взгляду слово адресуют.
Смотрю,
(немая от стыда,
Краснея сладостно и густо)
Как вырастает их беда
В какой-то новый вид искусства...
А наших строчек лепота
Откуда? - Память умолчала.

А не Гомера ль слепота
Дала поэзии начало?

* * *

О, юность пылкая, прости...
 Но в лунных сумерек мерцании
 Приходит время дорости
 До отрицанья отрицания,
 До поклонения цветам,
 До постоянства в грустной радости
 Существования...

А там -

До сентября...
 До слёз...
 До старости...

Всё как положено идёт
 От крика первого - до шёпота,
 И к диалектике ведёт
 Тропинка
 собственного
 опыта.

РЕЦЕНЗИИ, ОТКЛИКИ, СТИХИ-АССОЦИАЦИИ

Ирина Котельникова

*Циклы удобны тем, что можно вернуться несколько раз.
 Читать с начала, с середины, с конца и каждый раз заново.
 Почти так же, как на бумаге. Прекрасная поэзия! Спасибо!
 12.12.2014*

Елена Куприянова

* * *

*Учить поэтов - мудрый дар,
 Дар человеческий.
 Но это дар был Дару дан,
 Мы знаем точно.*

*И где не чуял дилетант
 Стихов предтече,*

Мне это, как ярмо, всю жизнь нести.
 От «А» до «Я» был путь мой Анти-Ясным...
 От «Я» до «А»
 отрезаны пути.

РЕЦЕНЗИИ, ОТКЛИКИ, СТИХИ-АССОЦИАЦИИ

Людмила Баневич-Гаврилюк

Ольга - потрясающий ПОЭТ, глубоко мыслящий и ярко чувствующий.

Низкий ей поклон!

21.05.2015

Татьяна Тареева

Уникальное полотно, уникальная палитра

27.05.2015

Елена Куприянова

* * *

Я – ярмарка!
 О.Бешенковская

*Фейверком, петардой, хлопушкой,
 Взорваться, бабахнуть, искрить.
 Смешилкой, дразнилкой, Петрушкой,
 Размашистой Ярмаркой быть.
 Без кожи Поэт. Не иначе.
 А если бы было не так,
 Зачем он всю жизнь фордыбачит,
 Толпу веселя за пятак...
 Шутком может быть и шутихой,
 Судьёй петушиных боёв.
 Уснут балаганы. Всё тихо.
 Лишь в тучах - воды до краёв.*

КЛЕНОВЫЕ ФРЕСКИ (1964-1965)

* * *

Что это со мной?

До чего распоясались нервы:

Приснилась малина,

блеснуло озёр серебром,

И небо, июльское,

сочное, синее небо

В глазах завертелось

и встало на землю ребром.

И там, вдалеке,

где сошлись они - две половины,

Стоит горизонт -

будто небом обитый диван...

... Мы друг перед другом

с тобою ни в чем не повинны,

И в горле горчат

повзрослевшие на год слова...

Ты думаешь, я

фигуряю в субботу на танцах,

Целуюсь в парадных

и прячу лицо в пиджаки,

А выпало мне

между стен безысходных метаться,

В холодных ладонях

горячие стиснув виски.

Ну, что я, не знала,

что был этот вечер последним,

Что больше ни разу

не хрустнет серебряный ключ,

Ну, что я, не знала,

что есть и жена, и наследник -

Румяный крепыш,

твой единственный солнечный луч...

Да светится он

в этом мире, лишённом уюта,

Скупом на тепло

и обставленном как на века,

Где свадебным плачем
 кого-то хоронят как будто,
 Где руку мою
 окольцует чужая рука...

* * *

Твои шаги ко мне - как лёгкий дождь,
 Обратно - тяжелее, чем плутоний...
 Плутай,
 плутуй,
 платонствуй...
 А придёшь -
 И головой в колени и в ладони.
 И вновь сплетутся тени на стене,
 Погасит ночь виски седые, луньи...

... А утром ты уйдёшь к своей жене,
 К своей судьбе, обманутой и лгунье...

* * *

... Моя защита - и мои застенки,
 За коими просторные края,
 Где на камнях дождливого оттенка
 Поблескивает рыба чешуя...

Сорву замки, уйду, исчезну, кану
 Туда, где волны, тихи и светлы,
 Приподымаясь, падают на камни
 И сглаживают острые углы.

И там вращу, непрошеной, красивой,
 В сырой песок, нетоптанный, ничей.
 О, сколько предстоит ещё осилить
 Обманутых предчувствием ночей...

* * *

Наши руки рядом, но не дрогнут.
Наши губы каменно тверды.
Неужели с той весны так много
утекло воды?
Вьётся снег заласкано и сонно,
Как болонка, дышит на стекло.
Я не знаю, как воды, но солнца
много утекло...
То зачем-то ходишь, ходишь, ходишь,
То бумагу рвёшь карандашом...
Потолок бы рухнул или хоть бы
кто-нибудь вошёл...

* * *

Если стали чужими -
Притворяться к чему?
Затянись - и скажи мне.
Не заплачу - пойму.

Кану профилем стёртым
На вчерашнем снегу...
А по зову - по стёклам
Босиком прибегу!

* * *

По осенним кленовым фрескам
Понимаю, что всё прошло,
Что напрасно я взмахом резким
Разделяла добро и зло...

И не легче, не веселее,
Но спокойнее как-то вдруг
Оттого, что еще взростею,
Что у птиц - не последний круг...

РЕЦЕНЗИИ, ОТКЛИКИ, СТИХИ-АССОЦИАЦИИ

Наталья Глухушина

Вот ОНО - явление и достояние, откровение и кладёзь мудрости, глубоко чувствующая молодая женщина - ЛИЧНОСТЬ. Так рада, что прикоснулась к творчеству Ольги! С удовольствием продолжу читать с чувством, с толком, с расстановкой, смакуя и восхищаясь. Интересно узнавать человека через его стихи, это как разговор и погружение в то, наше, прошлое... Перечту всё!
27.06.2015

Елена Куприянова

* * *

*Кленовые осени фрески
В этом воздушном храме
Так выпуклы и гротескны,
Как слов золотое шитьё.*

*Шаги здесь почти неслышны
И тонут в вороньем гаме.
Лишь синь пробивается врезкой
В хрустальное окон литьё.
И ты понимаешь, что было,
И ты понимаешь, что будет,
Вернутся весна и лето,
Чужой, он уйдёт к чужим.
Взрослеем, отвергнув милых,
Взрослеем. И нет ответа.
Есть будни, сплошные будни.
Есть рыжий осенний дым.*
03.11.2014

Светлана Самарина

*Такие чувственные и точные строки, столько образов.
Спасибо за память!*

СТРАНИЦЫ ПУШКИНСКИХ АЛЛЕЙ (1963-1964)

* * *

«Здравствуй, племя младое!» -
Плакат над волнистым шоссе.
А пойдёшь за водою -
Спешат поздороваться все.
Год прощается с годом,
Но здравствует этот обряд.
И поэты с народом
Одним языком говорят...

ПУШКИН В МИХАЙЛОВСКОМ

Кони - в яблоках, ветер - огненный;
Жарь, бубенчиков пересмех!
Пусть испуганно бабы охают
И, крестясь, оседают в снег!
Щёки спелой брусникой вспыхнули,
Не догонит и окрик «Стой!»
И шарахнулись, как от выстрела,
Ёлки-палки - весь лес густой!
Так он хочет - Его Высочество
В рост Поэта на всём скаку.
Белоснежно ему хохочется!
Перемелется снег в муку.
Что ему в это утро алое,
Что прошение вернуться - зря,
Что его не особо жалуют
Слюдяные глаза царя.
Если солнце сочной антоновки -
Царь прощен, Петербург забыт.
И вплетаются строчки звонкие
В раскалённую дробь копыт...

ДУБ УЕДИНЕННЫЙ

Не отшельник с душой угрюмою -
 Разлохмачена солнцем крона...
 Отчего же такой он - думаю -
 Шелестящий уединённо?
 И увижу, как листья морщатся
 И чернеют черновиками...
 Одиночество - это творчество.
 Не тревожьте его шагами...

ПУШКИНСКИЙ БИЛЛИАРД

Биллиарды - все такие,
 Все, наперечёт.
 Отчего ж смотрю на кий я -
 Будто на смычок?..
 И волнение щёки шпарит,
 И не всё равно...
 Вот - потрескавшийся шарик.
 Стёртое сукно.
 Не игра и не игрушка,
 Скрип и тишина...
 И музейная старушка
 Приумолкла у окна...

В ПЕТРОВСКОМ ПАРКЕ

Эти липы сажал Ганнибал.
 (Как сказала наместни Маланья:
 «Здесь он девок дворовых е...л,
 В чём и вам изъявляю желанье...»)
 В этом парке, дремучем, как лес -
 Ветви - как триумфальные арки.
 Даже карлики здесь - до небес,
 В деревенском заброшенном парке.
 Здесь пасётся костлявый козёл -
 Управляющий барской усадьбой,

И случайные блики озёр
Освещают минутные свадьбы...

Здесь по праздникам крутят кино,
Учат семечки сплёвывать длинно -
И даётся учение ...

Но -
Воздух парка, сырой и старинный...

* * *

Тишина... Нигде не скрипнет ставня,
Ветка не шелохнется нигде.
Только щуки сильными хвостами
Изредка ударят по воде.
Да висит над озером Кучане
Вертолёт гремушкой подвесной...
... Мы Ему не слишком докучаем,
Мы Его обходим стороной,
Утоляя кислой лунной долькой
Жажду света с привкусом вины...
И глядит Калашникова Ольга
На меня из чистой глубины...
Да шуршит песчаный долгий берег,
Приглашая каждую сосной
Утонуть в любви твоей, робея,
И с отвагой девки крепостной!
Подчиниться сумеркам и праву,
И поплыть - уже над Маленцом -
Хоть в бесславье, хоть в дурную славу
С безрассудно радостным лицом...

ТРИ СОСНЫ

Три сосны - как мы с тобой
И твоя жена:
Мы с тобой - одной тропой,
Поодаль - она...

Три сосны - как мы с тобой
 И жена твоя:
 С нею ты - одной судьбой,
 И в сторонке - я...

ПУШКИН И КЕРН

1.

Его толкали, обнимали,
 Он ничего не замечал.
 Он видел в зеркале рояля
 Как лиру - линию плеча...
 Опять Она... Опять фатально...
 Опять смертельно и шутя
 Влюблен в гостиную на Фонтанке
 Повеса, гений и дитя.
 Метелит бальная погода,
 Заносит в дерзости опять...
 Ещё до Юга - больше года.
 И до Михайловского - пять...

2.

Потом смотрел почти спокойно
 На приоткрытое плечо...
 Потом арапской масти кони
 Раздули ноздри горячо...
 Адье, салонное позёрство
 И платьев трепетных пурга -
 На шаловливую позёмку
 Свалились тяжкие снега...
 И тешит светом серебристым
 Уже не люстра, а луна,
 Хотя ещё по декабристам
 Звонить не начала она...
 Ещё запястья их сковали
 Манжеты, а не кандалы,

А он уже в пути...

Едва ли

Мечты о будущем светлы.

3.

Переложить на тяжесть трости

И тяжесть изгнанной души...

Он ходит к Осиповым в гости,

Французским балуясь в глуши.

Течёт брусничная водица.

Не стынет яблочный пирог.

И новый снег заносит лица

Далёких женщин...

И порог...

Что день - что месяц - одинаков.

Столица творчества - и глушь.

А ночь смеялась чёрным лаком

И разливала лунный пунш!

И он застыл на полуслове,

И в пальцах дрогнула свеча:

Откуда здесь - надменный профиль,

Как лира - линия плеча?

4.

Аннет - как нет...

Зизи, потише!

Что это, сказка или быть?

С крыла рояля фирмы «Тышнер»

Как будто вдруг смахнули пыль...

Как неожиданно и странно:

Луна и пруд... Она и он...

О, как продлить мгновенье, Анна!

Вечерний звон... Печальный звон...

Поскольку встреча и прощанье -

Мгновенье чудное одно,

Ему ли верить в обещанья -

Давал и сам... И не одно...

5.

Пусть губы стонут, очи стынут,
 И в сердце - ноющая боль,
 Поэту жаловаться стыдно
 На безответную любовь...
 Звенели по снегу полозья,
 И становилось веселей,
 И линовали тени сосен
 Страницы чистые аллея
 Не для неё...

Она оценит
 Негрустный воск луны и свеч.
 Она объявится на сцене -
 Живая подлинная вещь...
 Опишет юных строк рожденье
 В морщинах дряблая рука...
 ... Век - мимолётное виденье,
 Мгновенье Гения - века...

ОТКЛИКИ, РЕЦЕНЗИИ, СТИХИ-АССОЦИАЦИИ

Ольга Анина

*Добрый день! Прекрасные стихи... Высокого поэта...
 22.07.2015*

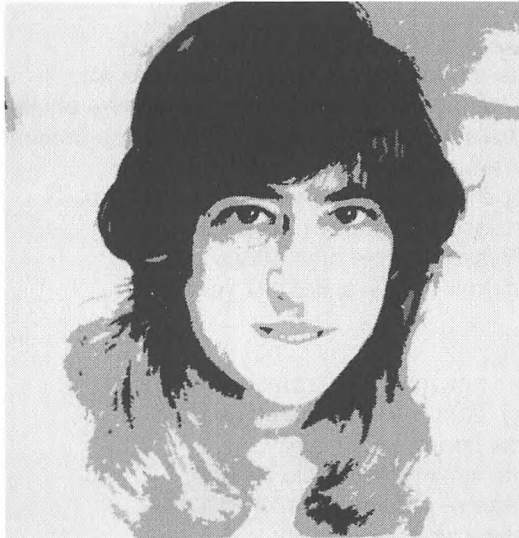
Наталья Мурадова

*Дивная философская поэзия, интересная композиция
 стихов!!! Светлая память Ольге.
 14. 06. 2014*

Елена Куприянова

*«...Век – мимолётное виденье/ Мгновенья Гения – века...»
 Как точно и афористично завершает любые стихи Ольга
 Юрьевна! На какие размышления наводит каждое её
 произведение!..
 12.06.2014.*

**ИЗ КНИГИ ПОЭМ
«НАДПИСЬ НА РУКОПИСИ»**



СТИХИ В ПОЕЗДЕ (1976)

1.

Только белые пятна апрельского снега
 Да берёзы, берёзы - по пояс в воде...
 Ну какого, Россия, тебе печенег -
 Ты сама же в своей захлебнёшься беде...
 Даже хочется плакать, как Родину жалко,
 Как ей хочется с первой полочки купить
 Простоватую тёплую ширь полушалка,
 Где промеж васильков - золотистая нить...
 Не ржаное, а ржавое нищее поле,
 Всё морщинки да трещинки - вдовья рука...
 Божья воля на то или русская доля,
 Чтобы веной больной набухла река?
 Так банальна тоска, что, о, господи Боже,
 Лбом - в гранёный мираж, и сграбастать виски...
 С каждым веком и вздохом всё кажется больше
 Несказанной, неслыханной этой тоски...
 Эти горечь и стыд, и беспомощность эта,
 И шершаво на совести - как нечиста...
 И как будто ещё не случилось поэта -
 От испуга и подвига медлят уста...

2.

Стыдно признаться, - стихами обидела
 Родину, дальше которой не видела
 В сизом прогорклом дыму...
 Видела: квохчут пузатые голуби,
 А журавли - словно ангелы голые -
 С кончика кисти - во тьму...
 Родина! Нас разлучили инстанции:
 Стены бетонные, лезвия-станции,
 Господи, это же ты...
 Это жилище ли? Отсвет пожарища?
 Остановите окошко! Пожалуйста!
 Избы... Деревья... Кресты...

3.

Что пустыми словами сорить
 С высоты Вавилона и века...
 Эти ветхие кровли корить
 Не посмеет и пьяный калека.
 Здесь у каждого что-то болит:
 Жмутся в тамбурном дымном соседстве,
 Потирая протез, инвалид
 И художник, массируя сердце...
 Что ж, такая, как видно, судьба, -
 Прячу взгляд пристыжённого вора:
 Глушь и святость... Слепая изба
 Под защитой хромого забора...
 И мелькают (была - не была?..)
 Горб и вёдра... Понурься, - лошадка...
 Валидол или дрянь из горла
 Хороши от российских ландшафтов...

4.

«Калининские мы, - соседка говорит.
 - Отец наш немцев ждал - чай, наведут порядок...
 Явились... Наш-то фриц - крест, как в церквах, горит...
 И конь - что наша печь, а не ушами прядать...
 Нас, восьмеро сестёр, не тронул ни одной,
 Зато ему, видать, пондравилась корова, -
 Как хватит за рога... А батя был хмельной:
 - Грабители! – кричит. - Катитесь поздорову!
 А немец автомат наставил - ну и ну -
 Как есть, ему в живот. А мы - реветь как стадо...
 И как мы, - говорит, - отбились в ту войну?-
 Ей-богу, не пойму... А Вы - из Ленинграда?»...

5.

О, сколько можно об одном, и без вины и при вине,
 И, подогретая вином, неужто, истина - в войне?
 О чём вы, Господи, о чём,
 Друг друга чувствуя плечом,
 Как будто не было Эллады,
 Потопа, ига, наконец...

«Где мать? - расспросят - Где отец?
Какие раны и награды?...»
И даже я (на что уж я...),
А всё же - школа и семья -
Горжусь, что я из Ленинграда...

Ах, самозванцы... Для земли
Мы все равны, как перед Ликом...
И что с того, что нарекли
Своё Отечество - великим...

Иконы выдрали из сот,
Свои портреты вставив в ниши,
И шестилетний эпизод
Взнесли истории превыше...

В России любят вспоминать.
И проклиная - вспоминают,
И вспоминая - поминают
Свою, изысканную, мать...

Не оттого ль, что с той весны
(Чем дальше - кажется, что ближе...)
России верные сыны
Могли увидеть только сны,
А не Берлины и Парижи...

А кто-то пьяной хрипотцой
«Хотят ли русские...» заводит,
И не найти его лицо
В темно сомкнувшемся народе...
1976

РЕЦЕНЗИИ, ОТЗЫВЫ, СТИХИ-АССОЦИАЦИИ:

Анастасия Пчельникова

Очень мне понятны эти давние, но по-прежнему актуальные строки... Пару лет назад ехала на поезде «Благовещенск-Адлер», то есть через всю страну с востока на запад... Большие красивые города, а за ними - нищие деревушки, с бабушками, выносящими к поезду всё что есть... И люд разный. В том числе и те, кто прошёл войну... Жаль, что автора нет в живых...

04.08.2010

Наталья Дорофеева

Прочитала этот цикл и поняла, что он заменил бы собой десятки и сотни стихов и конкурсов о родине, о России: сильно, грустно, правдиво.

11.09.2009

Шамиль Исхаков

ТАК о войне ещё не читывал. Но шестилетний эпизод - видимо имела в виду Вторую мировую? Наши-то бонзы от 39-го открещивались... Здорово. Вечная память Поэту!..

27.07.2011

Лариса Вехова

Самое горькое в этих стихах, что они до сих пор современны. Если бы что-то изменилось с тех пор, мы бы их ценили, как один из периодов истории России, а теперь они дороги каждому сердцу своей актуальностью, но лучше было бы наоборот! Но какие у нас женщины в России! Ни одна страна не может так гордиться ими!

04.08.2010

Светлана Комогорцева

Читаю и плачу...

Настолько правдиво всё описано в этом цикле. Спасибо автору от души.

«Я устала жить в этой России,

Но и жить без неё не могу.»

С уважением, Светлана.

12.09.2009

Нина Аксёнова

Действительно, потрясающие стихи!.. Спасибо за честные строки.

С уважением, Нина

04.09.2014

Смирнов А.А.

Потрясающе!!

Глубина, многослойность, душевность...

Всё присутствует!

04.09.2014

Эдуард Брандес

Удивительно, когда встречаешь на «Стихи.ру» столь крупное явление, как невероятной поэтической силы произведения Ольги Бешенковской. Спасибо тем, кто не только помнит талантливому автору, но и даёт нам возможность знакомиться с лучшими образцами творчества замечательной поэтессы.

Искренне, Эдуард Брандес

04.09.2014

Александр Полев

Летит лесная глухомань.

Вагонное окно

Открыто... утренняя рань -

Экраном, как в кино.

Уйти в осенний березняк

И раствориться в нём,

Войти в туманы, просто так,

И жить лишь этим днём.

*Ступать по золоту лесов
И погружаться вновь
В святую музыку без слов,
Она и есть... любовь.
04.08.2010*

СОНЕТ И СОЛДАТ **(ДИАЛОГ)**

СОНЕТ: Что вешишь ты, Солдат,
На чашах Клио и Фемиды?
Всё копошеньё ваших дат,
Как в голове планеты - гниды.
Когда очистят добела
Её на бреющем полёте,
Найдут меня - поймут: была,
Сочилась жизнь души и плоти...

СОЛДАТ: Помалкивай, Сонет,
Не от тебя родятся дети...
Я - перегной, ты - мусор в Лете,
Где даже дна для смерти нет.
Где захлебнулся рыбий пир.
Ни заучить, ни в камне высечь...
И если выплывет Шекспир -
Солдатский шанс: один из тысяч...

СОНЕТ: Ну что же, и один
Творец на мёртвом поле воин:
Он в череп жизнь живую волен
Вдохнуть, и страсть - в обломки льдин.
И уцелей на всей земле
Одна беспутная лахудра,
В ней воссиявшая Лаура
Взойдёт на нищенской золе!

СОЛДАТ: Мужчина одинок,
 Как перст на чёрном пепелище.
 И не утех любовных ищет,
 А кости матери у ног.
 И снова плуг, очаг, семья,
 Кресты на темени планеты...
 А уж салаты и сонеты -
 К вину, к излишеству семян...

СОНЕТ: И голоден, и гол,
 Тропую горестно-окольной
 Всю жизнь один бредёт глагол,
 А видит выше колокольни...
 Ему и в смерче шаровой
 Корявый ствол - костыль и лира...
 А ты... Ты жалкий опыт свой
 Возводишь в ранг законов мира.

СОЛДАТ: Трагедия в судьбе
 Народной - этот опыт жалок?
 К слезам прижатый полушалок -
 Тряпье безродному тебе...
 Да если б мир внимал стихам
 И забывал прочистить жёрла,
 Твоих певцов птенячы горла
 Давно бы с миром - к потрохам...

СОНЕТ: Ну, как ещё с тобой
 Мне говорить, ты как татарин...

СОЛДАТ: И ты элементарен.
 Вкушал нектар - понюхай бой...

СОНЕТ: Я кровью истекал...

СОЛДАТ: Как сбитые голубки...
 А здесь не морс - моча и кал,
 И фарш ушей из мясорубки!

СОНЕТ: Вот то-то и оно.
А ведь сначала было Слово...
Какая дичь защита крова:
Всем небо дадено одно.

СОЛДАТ: Один у смерти чин...
Как эта почва под ногами,
Оно растерзано богами
На клочья родин и чужбин!

СОНЕТ: Убийственная тьма...
Так свято верить в наши мифы...

...Венера с Марсом, спор сизифов
послушав, скрылись за дома...

РЕЦЕНЗИИ, ОТКЛИКИ, СТИХИ-АССОЦИАЦИИ

Владимир Гоголицын

*Как хорошо! Вот она - настоящая поэзия, делающая и сайт
книгой. Спасибо за публикацию! В.
13.03.2015*

Елена Куприянова

* * *

И голоден, и гол,
Тропою горестно-окольной
Всю жизнь один бредёт глагол,
А видит выше колокольни...
О.Бешенковская

*Глагольте, поэты, до смертной минуты,
Глагольте и после неё,
Отринуты, забыты, ввергнуты в смуты,
Но Слово не предав своё.
Дорогами фальши, поклоно-смиренья,
Ходили... Но, точно,- не вы.
От глупо-облыжных наветов зверея,
Спасались ветрами Невы.
Глагольте, питы. Что в жизни довольной?*

*Пустой, безразличный покой.
И небо, что выше любой колокольни,
Прольётся бессмертной строкой.
02.04.2012*

Татьяна Тареева

*Увы - злободневно как никогда...
13.03.2015*

Исай Шпицер

*Алексей! Спасибо за эту Олину публикацию. Надеюсь, это
ещё не всё. Исай
13.03.2015*

Людмила Баневич-Гаврилюк

*Такую настоящую поэзию не пришьёшь к определённом
времени, она - вне его. Всё актуально, всё больно.
30.03.2015*

ДЕРЕВЕНСКИЙ ЭСКИЗ (1976)

(поэма)

Переливалось молоко...

О, как -

слепя -

переливалось!

До кружки было далеко,

И в солнце всё перемывалось,

Переливаясь, таял пар,

И всё казалось:

всё моложе

Лукавый глиняный загар

На шее амфоры молочной

С жемчужной нитью молока,

Смеясь оброненной -

ловите!

И кружку сжавшая рука
 Казалась нищенской для нити...

* * *

...такой сияющей, что взгляд -
 И порвалась - не оторвётся...
 Так поцелуй рассветный для
 Зимой, пока не отзовется
 В груди;

 так рифма, прозвенов,
 Не обрывает связь с бумагой...
 ...И если истина -

 в вине,
 То перед этой первой влагой,
 Как детство, звонкой и парной,
 Затвердевавшей в белозубость,
 Чтобы впитаться в перегой
 Для новой, -
 скиснув и насупясь,
 Насытись жизнью...

 Как легка
 На миг,
 и тот присочинила, -
 Телячья радость молока
 Переливается в чернила...

* * *

Потом жемчужное зерно
 Являло раковиной кружку -
 Иных сокровищ не дано
 Деревне, сморщенной в старушку
 Словоохотливую -

 глушь,
 Гостеприимную -
 ночуйте...

...Переливалась эта чушь,
И что-то таяло на чувствах -
Усталость шедших далеко
Стекает с плеч, как вся усталость...

...Переливалось молоко,
И кот блаженствовал, уставясь
На каплю...

Ходики зрачков...
И в полусне казалось - тикал;
И одеяло из клочков
Каких-то мыслей
грело тихо
И расплзлось...
Невесом,
Вспорхнул на стенку
кринку через...

...Перетекало тело в сон,
И молоко - в простынный шелест,
Пространность грусти - в простоту,
И всё казалось: кто-то плачет,
И ныло -
будто бы расту,
Во сне, уменьшившись в калачик...

* * *

...Что проку - фатум с молотка,
Как будто всё того не стоит...
Переливанье молока,
Жизнь из порожнего в пустое.
Проснёшься -
жмутся по углам
Актрисы с Богом;
ностальгия
Беспочвенная.
Пополам
С притворством, - выпейте другие
Коктейль молочный...
Сырость.

Стыд,

...Молчи. Никчёмный пафос твой
 Не даст ей мужа и прироста...
 ...Как ни юродствуй - не смешно.
 Заголосить по ней!

Напиться!

...На крыше в ржавчине ржаной
 Трепещет мокрая тряпица
 Так жалобно, уныло так -
 Как с увядающего древа...
 Как будто начали латать
 И бросили - до обогрева
 Лучами (благо - далеко
 И цвет от сущности оторван...)
 ...Переливалось молоко
 В отрыжку утром - рефлекторно,
 Как всё, что нас пьянит сперва.
 ...Потом, вздохнув, уходишь с Богом
 Не пить - но горько воспевать
 Переливающимся слогом...
 1976

РЕЦЕНЗИИ, ОТЗЫВЫ, СТИХИ-АССОЦИАЦИИ

Александр Милях

«... Жмутся по углам актрисы с богом...»

Тут, как раз гениальность – «непроеписанности»...

«Актрисы от бога»... или «бог с актрисами» ... «по углам»!

Храню книгу «Переменчивый снег»... 1987 г.

*«Как рано стали улицы пустеть.../Когда ещё светлым-
 светло от снега...» Вот она школа... Интонации...*

Фонетики...

02.03.2011

Галина Каган

*Удивительная поэзия! Не дотянуться! Спасибо вам за
 память, за то, что храните здесь эти страницы. И
 простите меня за этот несовершенный стих:*

* * *

Как жаль, что оборвался голос,
но ведь не канул в пустоту,
он просто перелился в космос
и раздробился на лету
на Млечный путь,
он там, над нами
ночами не даёт уснуть,
и капли молока слетают
звездой в холодную росу...
12.02.2014

Елена Куприянова

Прочитала, будто напилась самого вкусного молочка, да
прямо из глиняной крынки, тёпленького, только что
процеженного бабушкой. Да, когда-то после войны мы
держали корову, что-то осталось в памяти с той далёкой
поры.

* * *

Из куля да в рогожку –
Получился запев.
Молочка да лепёшку –
На дорожку присев.

Улыбнётся хозяйка:
- Девки, может ещё?
«Манька» нет, не лентяйка,
Да, какой же тут счёт?

Пейте, вот, угощайтесь,
В городах - там - вода,
А гляди, возвращайтесь
На всё лето сюда.

Молодая картошка,
Хлеба, вон, напечём.
Земляники - в лукошко,
И беда нипочём.

*Коль войну пережили,
Что ж теперь горевать.
Эх, внучатки бы были, -
Молочко попивать.*

*...Билась пенная стружка,
День вязал узелок.
Та далёкая кружка,
Тот случайный порог...
12.03.2011*

Инна Молчанова

Спасибо огромное! Вещь - просто чудо несказанное!

*...переливалась боль дождей -
в посуду с глиняною кожей,
и уходил остаток дней,
чтоб можно было подытожить:
как вместо рыжей паранджи
на поле буйно зеленела
договоренность слова «жизнь»
с той рожью, что питала тело...
28.11.2010*

Владимир Гоголицын

*«Цель поэзии - есть сама поэзия» (А.С. Пушкин).
Ольга Бешенковская - прямое воплощение этого завета.
"Из какого сора..." Из капли молока. Настоящая
профессиональная поэзия.
02.03.2011*

Виктория Тищенко

*Переливчатое молоко... какой интересный образ...
02.03.2011*

Юрий Иванов-Скобарь

Отличные стихи! Без надрыва, без сюсюканья, всё принимается автором как данность, с которой уже ничего не поделаешь. Драматизм жизни.

29.11.2010

Марина Шапиро

А ведь и вправду - всё написано именно «переливающимся слогом». Меня сюда привёл Валерий Розенберг. Буду заходить и читать с огромным интересом.

13.10.2009

Галина Докса

Удивительное, почти непостижимое мастерство стиха в столь молодые, почти юные годы. Стих, впитавший силу всей русской поэзии и настолько самостоятельный, что самый злостный критик не осмелится проследживать «влияния». Все тут драгоценно переливается, изливаясь к концу, может быть, намеренно затемнённой тоской, объясняющей обрыв, - читателю хочется еще нежиться в восторге переливания, но словно тень упала на идиллию, и становится страшно.

Будем читать ещё и ещё...

01.06.2012

Александр Сафронов

Спасибо Ольге Бешенковской. Настоящие стихи... от корней до кроны.

02.03.2011

Алексей Логвинов

Очень красивые стихи и очень грустные.

С уважением, Леша.

20.09.2009

Борис Бем

Это не стихи, а чистая и прозрачная родниковая вода.

Пьешь ее в жаркую погоду, пьешь, и напиться не можешь...

Побольше бы таких стихов на ПРОЗЕ...

*Вот, прочитал стихотворение и снова вспомнил
замечательную питерскую поэтессу. Я помню Вас, Ольга!
06.09.2013*

РЕКВИЕМ XX ВЕКУ (1974) **(поэма)**

Зашторен реализм - переучёт.
Романтика закрыта на просушку.
Ремонт в кубизме.

В школе Эпикура -
Летейские каникулы.

Куда

Стучаться нашим пишущим машинкам?
Ты два креста несёшь, XX век.
Один, вернее, первый - для искусства,
Второй - как говорится, для души...
Душа не может в рифму говорить,
Поскольку рифма - это свадьба звуков
В тот час, когда, приоткрывая небо,
Торжественно разводятся мосты
Над речью, отразившей побережья...
О, словосочетания обряд
На скользком зыбком плотике бумажном!
В такой момент не страшно утонуть,
Страшнее, что вода пропахла нефтью,
И небо в ней - твой чёрный ломоть неба
В тот час, когда мосты разведены.
Век не созвучий - разногласий век.
(Недаром свадеб меньше, чем разводов).
Век - разводящий, он разводит всё:
Бензином - воду, молоко - водою,
Мосты - руками, а мостами - руки...
И разводить не любит канитель
Век не любви, а пактов и сожительства,
Вернее, мирных сосуществований
И нервных, и общественных систем
До первой же размолвки...

Век двадцатый.

И третий акт.

Но занавес не поднят.

И бархата взволнованные всплески

Скрывают закулисную возню...

А зрители, покончив с трюфелями,

Огрызки яблок прячут в потных пальцах

И только ждут, чтоб выключили свет...

И наблюдают света представленье,

Зачем-то всё бинокли наводя

На ветхий, пыльный, на небесный бархат,

Что весь изъеден молью самолётов.

Как будто ждут оптический обман,

Как будто в силах оптики приблизить

Предметов кроме, действия предметов...

Бездействия спектакль. Театр абсурда.

Две маски золотых - на голубом -

Поочередно западают в складки:

Сменяется лимонная гримаса

Селены (удлинённая луна)

Утрированной солнечной улыбкой...

Идёт «XX век». Пока аншлаг.

И у барьера дремлет гардеробщик...

Он за своей китайской стеной,

Пока ещё не сожжены подмости,

Хотя мосты уже разведены...

И боль свела суставы...

Это осень...

И ревматизмом скрюченные ветви

Постанывают слабо на ветру,

Готовы нотным станом распрямиться

И ради птички, даже воробья,

Когда бы знать, что обостренье боли

И вызвано, и вызволено как бы

Подкорочным предчувствием весны...

Где научиться чтению между веток?

Лишь между веток, а не между прочим.

Но древо родословное, увы,

Надломлено.

Оторванные листья

Упрямо засыхают завитками
 И общество защитников природы
 Их стряхивает в мусоропровод.
 Труха и мусор листьев и листов.
 Безлиственность

Безликость.

Беспогодые.

Беспочвенность всего и всех -

на почве -

Броня и бронь удобного асфальта
 И перебранки крошечные птиц.
 И лишь бессонниц рост на нервной почве
 Напоминает о корнях, вернее,
 О корешках...-

Как руку инвалиду

Свободный на три четверти рукав...
 ...Чем завершится третья четверть века?
 ...Чему-нибудь ты научился, век,
 С весёлым хрустом вытянувший руку,
 Готовясь повторить простой абзац
 Параграфа, усвоенного всеми,
 И молча простоявший у доски
 Мемориальной...

Но, стыда не помня,

Задиристо подбросивший ракету
 Над побелевшим шариком земным?..
 ... Голы, очки.

Пинг-понговая звонкость
 Лысеющих голов и городов.
 Мячи и рыбы плюхаются в сети,
 Блеск шелухи на торсах и витринах
 И пустота внутри -

хоть покати

Шаром бильярдным.

Только лузы - блузы...

Силоновые сети пропаганды:
 Густая паутина - на мальков -
 Из новых сил...

В слабеющей сетчатке

Не держатся пейзажи, выпадают
 Картины, книги.
 В раковинах шум
 Не моря в перламутровой оправе,
 А стадиона:

 «Бейте эти тех,
 А те лупите этих!»
 Все болеют...
 А счёт пока 0:0, и, слава Богу,
 Горят по обе стороны табло
 Луна и солнце.

 Мир в игре...

 Защитник!

Сеть параллелей и меридианов
 Не выдержит когда-нибудь...
 Штрафной!

...Вся наша жизнь - бездонная штрафная
 За опоздание в этот мир на двадцать
 Мгновений, именуемых веками,
 Ещё точнее - просто за приход.
 Последний тайм.

 Последний акт.

Последний
 В тумане дней едва заметный мостик
 Меж сердцем и душой...
 Поставлен крест
 На те кресты, которые, как плюсы,
 Соединяли жителей земли
 С корнями их подземными и как бы
 Суммировали опыт жизни до
 XX-го крестового похода.
 Ты два креста несёшь, XX век.
 Изящество и блеск твоих доспехов
 Не прикрывают, а, наоборот,
 Очерчивают шаг средневековья...
 Шаг, под которым рушатся мосты.
 ...Но строятся дома.
 Не так-то просто
 Построить дом из кубиков бетона.

Поставить синтетическую елку,
 А на иголку - чёрную пластинку:
 «Завод мелодий. Птичьи голоса».
 У человека - новые игрушки,
 И смех его, счастливый, инфантильный,
 Летит вдогонку спутнику,

и часто

За ним не слышен хруст и треск мостов.
 У человека - средний детский возраст,
 И в затемнённых уголках планеты -
 Слезоточивый дым - подростки курят...
 В парадных залах пьянствуют подростки
 В мундирах президентских...

А внизу

Писатели портфелями дерутся
 И в классики играют на панели...
 А в классе тянут руки к облакам,
 (Да, потолки-то нынче низковаты),
 Решая, как всегда, единогласно,
 Кого бы им списать с земного шара:
 В искусственные спутники земли...
 ...Судьба искусства, ты в руках людей.
 Нам далеко до совершеннолетья...
 И столько в нас намешано всего,
 И бродит смесью вин,

что неизвестно,

Какое крепче: Доброе ли? Злое?
 В подростке трудном - труженике вечном,
 Забытом всеми отпрыске Земли
 И века по фамилии Двадцатый...
 Несёт он двух крестов тяжёлый крест.
 А вдруг они всего лишь след вороний
 На белоснежной утренней бумаге
 В густых лесах строителей...

А над ней

В тумане солнце брезжит и сквозит,
 И сила есть в мускулатуре почек,
 Хотя плывёт безвольно по теченью
 Опавший чёрный лист календаря...

На перекрёстке всех веков и ветров
Стоит душа в пальто демисезонном,
Бледна,
в чём только держится душа!

1974

РЕЦЕНЗИИ, ОТКЛИКИ, СТИХИ-АССОЦИАЦИИ

Анна Шустерман

*На дворе XXI век... 2015 полыхает алым цветом.
Фасе боок хоронит на глазах у миллионов израильских
солдат, они же наши дети!
Сколько грусти на земле Обетованной, сколько пролитых
слёз, сколько мест пустых в казармах у элитных войск.
Сколько девушек недолюбили, сколько сыновей похоронили,
сколько мы друзей недосчитались в эти жуткие дни...
Помоги, Всевышний, не грустить нам больше, слёз не
проливать, помоги солдатам юным без потерь вернуться в
часть, помоги девочкам обручиться, нарожать детей,
помоги друзьям не разлучаться больше, помоги нам,
помоги...*

22.11.2015

Валентина Кайль

*Что бы ни было там за чертой
Подоконника, ямы, вселенной,
Пусть останется книга - святой!*

*Светлая память тебе, дорогая Ольга!
С любовью, Валентина
14.06.2015*

Елена Куприянова

ПОСЛЕСЛОВИЕ К XX веку

*Опять встаём и празднуем рассветы,
(Болит то там, то тут, а значит - живы),*

*Тот век двадцатый - перебрался в Лету,
А двадцать первый - требует поживы.*

*Не утихают схватки и раздоры,
Всем мало места, а Земля - поката.
Свет поутру сочится через шторы,
Пух тополиный - мегатонны ваты...*

*Театр абсурден, страсть по-африкански
Дымится чёрной первобытной лавой.
И интернета пропасть кафкианским
Нас привлекает. Буйство кнопок – «клава».*

*Витийствуем и любим виртуально,
«Двадцатому» не снилось на подушке...
И только лист вчерашний календарный
В корзину опускается послушно.
19.06.2015*

Наталья Глухушина

*Вот ОНО - явление и достояние, откровение и кладёзь
мудрости, глубоко чувствующая молодая женщина -
ЛИЧНОСТЬ.*

*Так рада, что прикоснулась к творчеству Ольги! Читаю,
смакуя и восхищаясь. Интересно узнавать человека через
его стихи, это как РАЗГОВОР и погружение в то, НАШЕ,
прошлое... Перечту ВСЁ!
27.06.2015*

ИЗ КНИГИ
«ПОДЗЕМНЫЕ ЦВЕТЫ»
(1980-1987гг.)



КОМУ ДАНЫ СЛОВА

* * *

Кому даны слова - тем чётки не нужны:
Уравнovesишь дух строкой стихотворенья
В молитвенном углу бессонной тишины,
На клятвенной реке в туннель столпотворенья...

Кому даны слова - тем счастья не дано
Иного: ввысь, к Нему, устами бессловесных,
Как чайки над водой, гортанно и черно,
Чьи крылья абрис губ, сожжённых, бестелесных.

Кому даны слова - тех по камням в грозу
Протащит за язык Пророк за колесницей;
И бритва осмеёт венозную лазурь
Анализом на миф и жёлтую больницей...

Кому даны слова - тем слова не сдержатъ:
Сорвётся, и в туман заблудится белёсый...
Кому даны слова - дано принадлежать
К юродивым, до слёз смеющимся сквозь слёзы.

* * *

И буквы Е естественный изгиб
казался мне ехидным в этом слове:
в конце — мы знали — классного журнала
в моей графе — единственной — «еврейка»,
и дети утешали: «не похожа»,
поскольку полагалось издеваться,
они ж меня за «двойки» полюбили,
потом высокомерие пришло...

Я принесла как жертвенного овна
свою судьбу... Мне жёлтая звезда
дрожала, как последний лист кленовый.,
На ниточке доверия к ветвям:
они своей Отечественной бредят,

а у меня история длиннее,
 чем Библия: что в Библию попало —
 случилось ДО... И юность разводила
 надменными руками: *се ля ви*,
 когда не принимали на работу...

Потом пришли спокойствие и лень;
 хоть иногда ещё приходят мысли:
 святой Иосиф продан, как в Египет,
 в Америку. Не раб — наоборот;
 он фараон, его ласкает Муза.
 А у меня фамилия по маме
 такая же (о трепет совпадений...).
 Я Бродской быть могу, коль пожелаю,
 но у меня фамилия отца...

И что мне делать в каторжной стране
 с её обрядом вечным — обрезанья
 поэтам — слишком длинных языков...
 И что, скажи, без Родины мне делать,
 с такой любовью к медленному снегу
 и поцелуям в сумрачной парадной,
 а золотые, словно с лип, кружки,
 в которые играла с первых всхлипов,
 не прозвенят отцовские медали,
 что большой подвиг — жизнь или отъезд...

Отечество проиграно, отец.
 Последний лист уткнулся носом в землю.
 А я глазами предвкушаю небо,
 где наш космополит и тунеядец
 восходит над героями труда...

* * *

Не могу отрешиться от горестной нашей судьбы...
 Поднял каменный лев волевою угрюмую лапу...
 Больно плакать и петь.
 Бесплезно идти к эскулапу.
 Как ты давишь, о, Рим... Мы варяги твои и рабы.
 Что нам радости в том, что могучи твои колоннады, -

Только злее трещат под классической ношей хребты...
 Приходи же, о, Рим, поскорей в неизбежный упадок,
 В грязь лицом упади с высоты.
 Вот тогда-то и пустим по кругу певучую чашу,
 И расслабим запястья в наручниках типа «Заря...»
 Здравствуй, нищее время, божественно голое, наше!
 Мы явились и жили не зря...

ПИСЬМО В ЗОНУ

Л. Волохонскому

Я напишу тебе, как начинается осень,
 Как заржавели колючие наши деревья...
 Лающий ветер сигнал о побеге разносит,
 Утка на блюдо слетает с пучком сельдерея.

Я расскажу тебе, как хорошо и уныло
 В голых садах, где никто не прикинулся вечным.
 Облако в луже вскипает и гаснет, как мыло.
 И - ни просвета, ни брата, ни веса в заплечном.

Нет, не украсил медалей твой доблестный профиль,
 Но и детей не сослали на заднюю парту...
 Водка не греет. Хандрю потихоньку под кофе.
 Руку кладу как судьбу на невзрачную карту.

Контурсы счастья темней, чем пунктир пулемёта...
 Чувства устали. Осталось и теплится - меры...
 Так и живём: вдохновенье, зарплата, суббота -
 До воскресенья Любви, и Надежды, и Веры!

Так и состаримся в этом октябрьском загоне,
 Не наблюдая курантов на праздничной вышке,
 Где за поэтом следят, как за вором в законе,
 Звёзд нахватав, уж конечно, не с неба, мальчишки...

Мир их большому, до слёз петербургскому дому...
 (Пусть затаятся, а вслух никогда не прольются...)

Что нам поведать друг другу? Всё слишком знакомо:
Прах наших листьев, и Кранах, и мрак революций...

Окна блокадные - голодны наши конверты.
Тёплое слово в голубенький гробик забросим,
Вдруг долетит, оживет... И как хрип из каверны
Кто-то услышит: и здесь обнажается осень...

* * *

Откуда только к нам Шагал ни прилетал...
То из Парижа, то из Токио...

Лиловый

Наш вечер витебский, и воздух наш еловый,
Его с горчинкой, чуть искривленный, кристалл.
О, как Россия на художников щедра:
Ей волю дай – так полпланеты обеспечит,
Швыряя гениев, как в газовые печи,
В дыру забвения...

И ширится дыра,

И не срастается...

Кого ни напитал

Наш воздух косвенный, настоящий на хвое,
На крови клюквенной с позёмкой голубою...
Откуда только к нам Шагал ни прилетал...

НОЧНОЕ ДЕЖУРСТВО

Как торжественна музыка в 24 часа!
Даже можно поверить, что наше злосчастное время
Называют великим... Что были и мне голоса,
И утешно взывали тянуть эту лямку со всеми...
Где ещё так пирует, как в нашем раю, нищета!
Полыхает судьба в закопчённом подвальном камине.
Мы своё отгорели. Нам чёрные риски считать...
И котельных котят неприрученной лаской кормили.
Да святится манометра - узенькой лиры - изгиб!
(Чуть пульсирует жизнь в незатянутой этой петельке) ...

Так Орфей уходил.

Так огонь высекали - из дыб...

Так меняют режим социального зла - на постельный...

Что российским поэтам на ярмарке медных карьер,

Где палач и паяц одинаково алы и жалки...

О, друзья мои, гении, - дворник, охранник, курьер,

О, коллеги по Музе - товарищи по кочегарке!

Что играют по радио? Судя по времени - гимн...

Нас приветствует Кремль в преисподних ночных одиночках...

Мы уснём на постах беспробудным, блажным и благим,

И слетятся к нам ангелы в газовых синих веночках...

* * *

Нет, не за то, что нет чесночной

И краковской (хоть никакой!),

Что политический чиновник

Икру грабастает рукой, -

Пускай нажрут до икоты,

Ещё стройнее будем мы

Без ширпотребной позолоты

В сквозном сиянии зимы...

Ведь не зверье, чтоб выть без меха

(И не без перьев - соловьи...).

Нет, не за то, что мир объехать

Нам не дадут и за свои...

И не за то, что ваши судьи

Загнали нас в кольцо флажков,

И не за то, что наши судьбы -

В руце соломенных божков...

Но за оборванное «здрасьте»,

За слог, почерпнутый из ям,

Мы счёт предъявим этой власти

По всем сонетам и статьям...

О, логос-лотос, ты растоптан,

Ты обещен на корню

Публицистическим восторгом

И бранью невских авеню...

Слух голоден. Эдем, олива,

Фонарь, аптека - о, изыск...

Начпупс, горгав, тыр-пыр, главпиво...

Любая кара справедлива
Как месть за вырванный язык!

* * *

Ни живого огня у печи и свечи,
Ни чернильной томительной влаги...
И, как дева Мария, уныло пречист
Светлый лик одинокой бумаги.
Как ты выжило, Слово, до наших имён,
Еле слышных в плебейском разврате,
Где публичная Муза сосёт микрофон,
Пьяный Каин рыдает о брате...
Так чудовищно сбился обещанный хам ,
Как не верить насчёт остального...
Ничего не добавишь к библейским стихам,
Кроме тихого вздоха ночного...
Полустёртого между «прощай» и «прости»
Полушёпота, рвущего связки!
Кроме хруста бессонницы в лобной кости
Отмирающе-лунной окраски...

* * *

Не беда, если копится тихая грусть,
И прощаем друзей, и на Бога не ропщем...
Предпоследняя ясность вливается в грудь,
Как звенящая высь - в облетевшую рощу...
Синева ноября и крадущийся шорох вдали...
И спина, обращённая в слух, вздрогнет:
хрустнули ветки...

С опозданием на вздох...

И - нахлынувший запах аптеки,
И углом под ребро уле –
тающие журавли...

... Чьи холодные руки на веки легли
Словно в детской игре...

Неужели навеки?

* * *

Г.С.Семёнову

Эти чёрточки, точки, черты
Грустной Родины...

Взгляд запрокиньте:

Крылья чайачьи - чёрные рты,
Что размножены на ротапринте.
И обёрточный серый туман
(Изомнётся, пропитанный влагой)
Это всё –

нелегальный роман,
Осуждённый
остаться
бумагой...

* * *

Чудес не бывает. Не сядет на шпиль самолёт.
И блик мотылька опростается кислой тряпицей, -
Бесплодная слизь... И чему не дано - не случится.
И ляжет на жизнь затяжной бронированный лёд.
Сезонность печалей - не каверзность календаря.
Приметы погоды - унылая дань суесловью.
Что пишем не кровью - смущаются критики зря, -
Вот именно ею, густой регулярною кровью...
Нечистой и честной. На свой - расчленённый аршин.
Танцующий циркуль - отросток свечи поминальной.
И трепет струится по впадине между вершин
Горючий, как воск, и банально-экзистенциальный...
Застынет мгновенье. Затянется белый рубец
Не солнцем, но тучей. Обыденно и безвозвратно.
А листья? А снег? Это памяти заспанной пятна,
Осадки творенья... И чудо судьбы, наконец!

РЕМИНИСЦЕНТНОЕ

Не дай-то Бог, чтобы к штыку...
 К щиту - и то унижить Слово,
 И муки светлые в муку
 Перемолоть для нужд столовой.
 Не пропадёт наш скорбный труд:
 На нём и так повеселятся,
 И Серафима перельют
 На шестикрылый вентилятор.
 И пусть обрушатся леса,
 И до слепого небосклона
 Стригучих просек полоса
 Грозит бессилием Самсона;
 Одно бы только уберечь,
 Как в детском дворничком атасе:
 Почти фазическую речь,
 Почти физический катарсис...
 А в Прометее - чур, меня!..
 Уж лучше сдохнуть от цирроза,
 Чем узреть: тлеет целлюлоза
 И смысл - Божественный - огня...

* * *

Мать и мачеха, Родина, мощной шеренгой - дубы...
 Я, подвальный росток, задыхаюсь и кашляю кровью.
 Лучшей доли не жду и другой не представляю судьбы.
 И окошко в снегу - чистый белый билет к нездоровью...
 Пусть, взлелеяны солнцем твоим, за тебя постоят -
 Им завещаны земли и дадено благословенье...
 Я ж - подвальный росток, мой приятель –

сорняк пастернак,

И отпущено мне только это святое мгновенье:
 Только белая каторга, пахота мёрзлых листов
 Да ущербной луны замогильная полуулыбка...
 В этой жизни фламандской нам, слава те, нету местов,
 Как в столовой, где ночью бифштексам сопутствует
 скрипка...

Мать и мачеха, Родина, клетки - этаж к этажу...
 И подвальный росток преклонился в твоём изголовье...
 Но из блещущих строк я кольчуги себе не свяжу,
 Дабы сброд насмеялся над нашей расплётанной
 кровью.

* * *

Мечтала хоть час посидеть одиноко у моря:
 Пусть ветер-пройдоха докурит мою сигарету...
 Забыть об удаче, её подноготном позоре,
 Лицо обращая к молитвенно-лунному свету.
 Но вот уже вечер, а солнце являет с усмешкой
 В блистательной пене – навыворот - мутные складки.
 Прощайся с Россией, довольно метаться, не мешкай, -
 Здесь все с подоплёкой и каждый - в бессмысленной
 схватке.
 Я знаю, я помню, я вижу, что я погибаю,
 Таскаясь на службу, бряцая на кухне посудой.
 Но снова конверты далёким друзьям загибаю
 С ответом «Не знаю...», и знаю, что смертна повсюду.
 И так ли уж важно, затопчут в какой заварухе,
 Какой вертухай не оделит живительным хлебом, -
 Не всё ли равно сорокапятилетней старухе,
 Не видевшей стран, но якшавшийся с морем и небом...

УЛ. РУБИНШТЕЙНА, 36

Дом рождения Мандельштама
 Я топила четыре года,
 И не видела там таблички
 «Дом рождения Мандельштама»...
 (Ох, не зря эта рифма — «яма»...)
 Но меняется и погода,
 Даже в пасмурном Ленинграде...
 Будет, будет у Вас табличка,
 Подождите же, Бога ради,
 Не горюйте, Осип Эмильич.
 Терпеливей русских поэтов
 Никого, верно, в мире нету,

Что особенно верно — к трупам
Применительно.

К ржавым трубам
Здесь склонялась я, крыла вентиль,
Рисовала в блокноте вензель...
Поколение кочегаров
Уважало Вас за желёзки,
Не «Икарусов», а Икаров
Современника.

Здесь железки
На помойке. — Остов ракеты?
Не припомню: моей ли? Вашей?
Будем рядом висеть, — поэты
Над кошачьей мёрзлой парашей.
Только мне ещё ждать кончины,
А потом уж — доски на двери...
Ничего. Мы, женомужчины
(Род — советский...), умеем верить.
Будут, будут наш дом с котельной
Словно крестик беречь нательный.

А пока он известен тем, что
Из окна здесь выпал ребёнок,
И родителей не утешить:
Пьют как пили... Только спросонок
Часто спрашивают прохожих
(И меня вот спросили тоже):
«Кто ж разбился: Васёк ли? Вовка?..»
Вот и всё... Продолжать — неловко...
1983

* * *

У залива лежать терпеливо
или молча бродить вдоль залива, -
никаких тебе радиоволн,
не догонят газетные сплетни...
Этот август, быть может, последний...
Видишь лодку, а видится - чёлн.

Безмятежно насквозь голубое,
и, Бог знает, что будет с тобою:
может - голод, а может - тюрьма...
Но купается ветер в рубахе -
забывается о Карабахе
и о том, что еврейка сама.

Только тем-то и счастливо детство
было, что подносило в наследство
столько неба - до края земли:
совестливые луковки эти,
и восточную сказку мечети,
и готических стрел журавли...

Не грешила походкой монаршей,
становилась печальней и старше,
постигая российский курьёз.
И своя проступала порода...
Да, тюрьма для любого народа,
но - свеченье вечерних берез...

Врачевала мне родина душу,
искалечив судьбу. И не трушу
перед новым порядком вещей.
Но артерии с кровью - границы...
Как бы, Господи, нам не напиться
из кровавых народных борщей...

Ишь ты, Ванга, Кассандра, Сивилла,
и саму-то подымут на вилы
взбунтовавшейся пьяной толпой.
Даже выше согласия нету:
тот - Христу, а другой - Магомету
сотворил пьедестал голубой.

Но шуршит золотая дорога
по воде до единого Бога,
до безумной реальности той,
где скользишь - и не тонешь - по влаге,

всё равно что пером - по бумаге,
вот и чайка висит запятой...

Но кусты, оголяясь как панки,
шепчут в рифму: а в Вильнюсе танки?
А в Тбилиси? - Гуляешь, забыв?..
Нет, надолго у нас не забыться...
Август. Отпуск. Горластая птица
оккупирует Финский залива...

РЕЦЕНЗИИ, ОТКЛИКИ, СТИХИ-АССОЦИАЦИИ

Алексей Логвинов

Это проникновенно и потрясающе! Моё мнение: каждый нормальный автор и гость сайта просто обязан прочитать все ЭТО!

Сознаюсь: все не осилил, ещё буду сюда, именно на этот блок произведений возвращаться и перечитывать. Сам очень люблю поэзию Бродского (особенно «Васильевский остров») и поэзию Пастернака. Очень всё мне здесь близко, хотя, я, конечно, столького не пережил.

Наталья Матвеева

*С какой болью через сердце!...
Жаль, что всё так безвозвратно...
Светлая память!
14.03.2016*

Татьяна Тареева

*Поэт такой высоты, что она сказала бы о сегодняшнем дне, обладая таким голосом и такой палитрой...
Сожалею о её молчании.
30.12.2012*

Елена Куприянова

* * *

Кому даны слова - тем чётки не нужны...
О.Бешенковская

*Дуб под окном до жёлудя промок,
Опять всю ночь лило и моросило.
Поэзии таинственная сила –
Тепло живое безыскусных строк.*

*Даны слова... Кому слова даны?
Траве и дубу? Солнцу или влаге?
Размякшей глине в стареньком овраге?
Примятой клумбе? Воздоху тишины?*

*Слова сорвутся стаей голубей,
Всё ввысь и ввысь, к свободе и простору.
Иль, подчиняясь повисту простому,
Слагаться будут в ямб или хорей.*

*Дом пропитался запахом дождя.
Раскрытый томик. Веточка сирени...
Чу! За окном проплыло вдохновенье -
И радугой - немного погода...
2011*

ПЕРЕЧИТЫВАЯ БИБЛИЮ (1984)

* * *

Это мы-то творцы?
 Безднадёжные сводники слов,
 Алкоголики снов и жрецы золотой эйфории...
 Оркестровый сентябрь торжествует превыше голов,
 Но латунь как латынь – к ликованию приговорили.
 Взбаламутить лазурь, - что ещё на крючке карасю...
 Утопить свою желчь – в желтизне, поражение – в
 мажоре, -
 Вот он, сверхреализм, без ужимок салонного «сю»:
 Разверзается штрек, и пылают зрачки, как мозоли...
 Это мы-то творцы? –

Продолбившие шахты ночей
 Аритмией сердец... Каторжане, которых не ловят.
 Но куда убежишь от прожорливых этих печей,
 Если каждый листок - на осеннем ветру –

Могендовид...

Если каждая ветвь, распрямясь в ослепительный рост,
 Осеняет, как миф, и трепещет материя духа;
 И безумная мысль подрывает Валлопиев мост,
 В темноте показавшись клочком перелётного пуха...
 И качнётся земля, как нарядный пасхальный кулич,
 И над воском садов деревянные руки расправишь,
 И – плашмя полетишь... – Не успев обрести и постичь
 Триединства любви, распростёртой от кладбищ до
 клавиш...

Это мы-то – творцы?

Мастера, усмехнусь, мастера,
 Сторговавшись с Хароном, кататься туда –
 и обратно, -

Где в юдоли ржаной плодородна любая дыра
 И сквозь пористый свет – васильки

проступают,
 как трупные
 пятна...

* * *

Когда босые по росе
 Ступают кони из тумана,
 Коснись, библейский экстрасенс,
 Угрюмой язвы Вассермана, -
 И гной засахарится в мёд,
 И расцветёт на биополе
 Гвоздика...

Примет – как поймёт
 Чернь, побелевшая от боли,
 Любую милость с высоты
 Как свысока, - на то и чудо...
 ...Лишь пару тысяч лет – и ты
 Мудрей, чем Понтий и Иуда:
 Теперь в провинции любой –
 Твой дом, как в тихом Назарете
 (Сентиментальная любовь
 В неисцелимом лазарете...)
 Узри, последний гуманист,
 Как наша участь безголоса,
 Как вразумляет ветхий лист
 Планету с кариесом носа...
 Толпа, лишённая крыла,
 Ползёт, одежды рвя и воя,
 Бить языком в колокола
 И в гулкий кафель – головую...

* * *

Ни живого огня у печи и свечи,
 Ни чернильной томительной влаги...
 И, как дева Мария, уныло пречист
 Светлый лик одинокой бумаги.
 Как ты выжило, Слово, до наших имён,
 Еле слышных в плебейском разврате,
 Где публичная Муза сосёт микрофон,
 Пьяный Каин рыдает о брате...
 Так чудовищно сбылся обещанный хам, -
 Как не верить насчёт остального...

Ничего не добавишь к библейским стихам,
 Кроме тихого вздоха ночного...
 Полустёртого между «прощай» и «прости»
 Полушёпота, рвущего связки!
 Кроме хруста бессоницы в лобной кости
 Отмирающе-лунной окраски...

АПОКАЛИПСИС

Свистел атеист: покажите мне Бога,
 Признайтесь, кто близко знаком!..
 А Бог отвечал: «Поумнеешь немного...»,
 У ног раскрываясь цветом...
 И снег полинял, и встряхнулась природа,
 На кончиках ёлок – укроп...
 Шутил атеист от себя и народа,
 Что всё же - пустой телескоп...
 И было, как в линзах, прозрачно и чисто,
 Сиял первомайский наив
 В испуганно круглых глазах атеиста,
 Где яблоки – белый налив...
 Откуда всё это – и адские громы,
 И проволка трещин в коре?!
 Себя на планете он чувствовал дома,
 Как в гулком футбольном дворе...
 Бахвальные речи, льняные девчонки,
 И пенсия пенсий – в конце...
 ...А небо – раскосо.
 А сумерки – чёрны.
 И весь – в светоносной руце...

РЕЦЕНЗИИ, ОТКЛИКИ, СТИХИ-АССОЦИАЦИИ

Лидия Буткова

*Благодарю Ольгу за поэзию и Вас, Алексей, за
 предоставленную нам возможность ЭТО прочесть!
 Удачи Вам и любви! С уважением, Лида
 15.09.2009*

Илиана Тихонова

Ммммм, как хорошо – «и снег полинял», «как в линзах, прозрачно и чисто...» - насколько осязаемые и видимые образы. А еще «утопить поражение в мажоре» - психологически точно. Все время захожу и читаю по циклу.
15.09.2009

Алёша Борозняк

*Прекрасная форма, сильная смысловая нагрузка, легкость во всём, в общем, ТО до чего мне ещё далеко... ОЧЕНЬ понравилось! Ольга первый поэт, которого я включу в список своих избранных авторов... Был бы Сережа Есенин, включил бы и его...
... Лучшие уходят первыми... Земля ей пухом... и вечная память!*
26.04.2009

Александр Тимошин:

Последние два очень задели за живое. Что поделаешь: тотальный атеизм - победа коммунык.
30.08.2009

Лев Раскин

Как жаль, что прошёл мимо меня такой автор. В России - понятно, но и в Германии тоже. Как же мы всё-таки одиноки в толпах.

Анна Ченских

*Захожу на страницу второй раз и читаю стихи со всё большим интересом - глубина необыкновенная, которая, по-моему, бывает у людей, очень близко стоящих у «последней черты» (здесь вспомнился ещё один замечательный поэт Стихиры Денис Коротаев, для которого Поэзия открылась и он очень ярко вспыхнул в ней незадолго до своего ухода!)
Особенно понравилось стихотворение «Апокалипсис»!*

*Алексей, спасибо Вам за Вашу деятельную память -
наверное, Ольга смотрит с небес и тихо улыбается!
Всего Вам наилучшего! Анна
10.03.2009*

Наталья Дорофеева

*Ошеломительно, не хочется говорить ничего.
Замечательный автор; грустно, что его уже нет с нами.
12.02.2009*

МОИ СОВРЕМЕННОКИ (венок сонетов)

* * *

Летучих рифм целительные жала -
И тоньше, и изысканнее яд.
Но вся Россия пела Окуджаву,
А что ей Шварц, Кривулин или я?..
Что ей с того, что слёз изящны блёстки,
Что изошрён творительный падеж...
Не Рождество у ёлочек кремлевских,
А лишь реанимация надежд,
И слишком поздно, - век затихнет скоро...
И каждый, за свою схватившись боль,
Поймёт: не сор мы - сон, мы сонм и город,
Но не Россия... Призрачная роль...

О нас напишут, ведаю заране:
Бескровны жизнь и смерть на поле брани.

* * *

Бескровны жизнь и смерть на поле брани
Бездарностей... Есть способ удавить
Ещё верней: похоронить заране,
Из поля зренья жестом удалить:
Кого бранить? Кто помнит имена их?..
Всех поглотила чёрная дыра...

А те, что всё же слышали и знают, -
 Иудин доллар ждут из-за бугра...
 Нет, не валюта - валидол в аптеке -
 Наш гонорар... Несносен наш союз.
 Но в Эрмитаже и в библиотеке
 Слагался он под сенью грустных муз...

Жрецы искусств, а пили в ресторане, -
 О нас напишут, - ведаю заране...

* * *

О нас напишут, - ведаю заране,
 Немало всякой горькой чепухи...
 А правда в том, что мы не на экране,
 Не на трибуне верили в стихи;
 Не в кассе - сумма прописью - за веру...
 ...Через решетки слушая синиц,
 Мы, эллины, привыкли к интерьеру
 Котельных и смирительных больниц...
 Спасая мир от мнимой катастрофы,
 Кто там крадётся тенью по стене? -
 Держись, Олег (за что ж ещё? за строфы...)
 Привет Серёже. Помни обо мне...

Мы сон и сонм - откуда ж эта боль?
 Но не Россия... Призрачная роль.

* * *

Но не Россия - призрачная роль
 Постигла нас, - как всех, кто похоронен...
 Летим на спиритический пароль
 Пугая холодком потусторонним
 Вертевших стол...

Игнатова? - Нет, тень...
 - А где сама? Вестимо, за границей?
 Да, ваших глаз...

И вам на скудный день -
 Явление поэта за страницей...

Мы где-то там, где нет границ и лет,
 Простите нас, что мы не вездесущи,
 И что о вашей жизни на земле
 Так мало знаем, - занавес опущен...

И кто-нибудь, рванувший тесный ворот,
 Поймёт: не сор мы - сон, мы сонм и город.

* * *

Поймёт: не сор мы - сон, мы сонм и город.
 Как долгодобытый памятник - гранит...
 Ты Стикс, Нева... Здесь каждый был и порот,
 И счастлив в детском хоре Аонид.
 Трезв Ширали, Кривулин безбородый
 Уже пророк, но чуда - не конца...
 Мы шли в народ, и в нас была порода,
 Быть может, от небесного отца...
 И кое-что от Глеба и Давида.
 Ты Стикс, Нева, но грех - не без родства...
 Блажен, кто знал: нам тесен мир Эвклида
 Был с первых строк, с ночного озорства.

Кто виноват, что снег проела моль.
 И каждый, за свою схватившись боль...

* * *

И каждый, за свою схватившись боль,
 Не слышит даже стонущего рядом.
 И корчится. И сыплет в рану соль.
 И соты мозга наполняет ядом.
 Да, пессимизм, да эгоизм. Да, так.
 Кто не бессмертен - тот не безупречен,
 О чём и стонем...

А больничный мак
 На белизне - как там, на Чёрной речке...
 Дантес - француз, а нас - не чужаки...
 (Что из того, что Аронзон - не Пушкин...)

О, как улыбки щерили клыки
В не знавших, что приблизились к кормушкам.

Давно ясна причина приговора,
Но слишком поздно: век затихнет скоро...

* * *

Но слишком поздно: век затихнет скоро,
Скользнут на дно медузы метастаз...
Не мы его надежда и опора,
Не мы ему предстанем в смертный час.
И нам - не он: воинственный, хвастливый,
Забывчивый... Но счёты ни при чем.
Он тоже был доверчивый, счастливый;
И столь же глух. И так же обречён.
Хвала ему, что лось берёт мякину
Из рук ребёнка, что не всё - металл,
Что Королёв Гагарина закинул
Туда, где миф младенцем пролетал...

Нет синевы синей прощальных вежд.
И лишь реанимация надежд...

* * *

Аминь, реанимация надежд,-
Здесь о венке споткнётся неотложка...
Осколки ампул. Карканье невежд.
Латынь. Священник. Детская галошка...
«Ну, вот и всё, сердца сгорели, в нас
«Остался только пепел...» - это Дудин
О той, где выжил...

Нет, не на Парнас,
На Южное, - туда подъём не труден.
Объедем город - праздник задарма...
Не унывайте, сфинксы и атланты!
Как хорошо, что всё-таки зима,
И в жёлтых окнах - юные таланты!

Пусть щеголяют в Логоса обносках, -
 Не Рождество у ёлочек кремлёвских...

* * *

Не Рождество у ёлочек кремлёвских:
 Комки об крышку - круглые слова...
 Мы будем снова в тихих отголосках
 На Троицу, когда взойдёт трава...
 Что опыт ваш... Мы Клио пережили,
 Ценили хлеб - блокадники культур...
 И не стоянки - Музу сторожили
 От наглицов с набором партитур.
 И не спасли, - забылись сном мертвецким.
 Рассудит Бог, судьба или вина.
 Да, вы - с фашизмом, с варварством немецким,
 А с вашим - мы... Священная война...

Что сытым вам, в тщеславии одежд,
 Что изощрён творительный падеж...

* * *

Что изощрён творительный падеж -
 Уже ежу и критику понятно,
 Аллё, творец, - извольте на манеж!
 Лицо под грим, в бессонницах помято.
 Земля кругла и запах цирковой...
 Да нет, увольте, трупы - не паяцы.
 И Мандельштам качает головой,
 Под колпаком приученной бояться...
 Умнейте, перестраивайте строй,
 Для вас иконки наши - не помеха,
 И нас уж нет...

На первый и второй -
 Вся перестройка... Цирк дрожит от смеха!

Россия... Рожь... Сиротские полоски...
 Что ей с того, что слёз изящны блёстки...

* * *

Что ей с того, что слёз изящны блески,
 Что мы как боги знаем ремесло;
 А ей нужны горшки, и не берёзки,
 А доски. Дождь. И Ноево весло.
 Как дышит склон, морщинистый, пологий,
 Но дышит, но вздымается к весне!
 Зачем вдове профессор патологий:
 Живой мужик - и счастлива вполне.
 Мы Фрейда с детской робостью просили,
 Нас обжигали Гегель и псалмы.
 И хоть в «Сайгоне» пили, но Россию
 (На книгу - руку) - пропили не мы...

Вот потянулась... Ищет соловья...
 А что ей Шварц, Кривулин или я?

* * *

А что ей Шварц, Кривулин или я,
 Пудовкина, Охупкин, Куприянов,
 Миронов... Каждый сам себе семья,
 Сосуд пороков и певец изъянов...
 Что ж, каждому своё... Ворота в ад
 И мне маячат... Если станет страшно -
 Шприц, морфий, - и нахлынет Ленинград;
 Наш нищий рай, наш чёрствый снег вчерашний,
 Воспетый (нынче шамкать и молчать)
 До всех святынь, искривленных в каналах.
 И если вас отметила печать,
 Нас - дерево декабрьское в кораллах.

И вещей кот на крышке бака ржавой...
 Но вся Россия пела Окуджаву...

* * *

Но вся Россия пела Окуджаву,
 Высоцкого, запретам вопреки.
 Хрипела страсть, будящая державу,
 Вдыхал Булат - смолкали остряки...

Есть голос крови. Голос поколенья.
 И вопиющий глас. И голоса...
 Мне голос был: поэты, как поленья,
 Трещат в печи, а истина - боса.
 Кто горемычней - значит ли мудрее?
 Пусть этот вял, а тот - вторично лих, -
 Скажу, вздохнув, как Белла про Андрея:
 А я люблю товарищей моих...

В плену харит, в компании наяд
 И тоньше, и изысканнее яд...

* * *

И тоньше, и изысканнее яд,
 Искуснее пчелиное барокко ...
 О, Летний сад, безлюдный Летний сад,
 Ты так притих, как будто ждёшь пророка...
 Мы тени тех, самих себя, прости...
 Плюсвамперфект уютней, чем футурум.
 Хотя бы мрамор вылечи, срасти,
 Не подпускай безбожников к скульптурам!
 Мелеет лоб - как не было чела...
 И не от крыльев колет под лопаткой.
 А надо мной вальсирует пчела:
 Нашла цветочек с родственной повадкой...

И сжалась жизнь. И, сжавшись, не сдержала
 Летучих рифм целительные жала...

РЕЦЕНЗИИ, ОТКЛИКИ, СТИХИ-АССОЦИАЦИИ

Наталья Дорофеева

*Читаю, наслаждаясь негромкой, но такой яростной и
 горькой интонацией, что всегда невольно - слёзы на глазах.
 Обобщить и не забыть никого, замечательно.
 Удивительный поэт, Ольга; восхищаюсь... преклоняюсь!..
 20.07.2009*

Татьяна Тареева

Это удивительно - даже в сонетном строе, обязывающем формой (тем более - венке сонетов диктует свои рамки) звучит абсолютно узнаваемая манера и собственный поэтический голос Ольги Бешенковской.

Неповторима наполненность венка: за ней - неординарная личность Поэта. Здесь виртуозное владение словом, острый ум, высочайший интеллект, образованность и подкупающая раскрепощённость и искренность повествования. Этот венок - дорогой, редкий подарок как для упомянутых в нём современников, так и для всех, кто прикасается к сонету в своей работе со словом.

19.06.2011

Эль Фаустова

Очень близко по духу. Очень своя - отражающая время, настроение своего поколения, интонация.

Она останется в жизни поэзии.

17.01.2011

Ника Вербинская

Форум мне, форум!!! Мыслимо ли приблизиться к такой величине! Возможно ли подняться хоть приблизительно к такой высоте? Стихи Ольги - как глоток хрустального горного воздуха.

Такие стихи я искала в книжных в 80-е, в 90-е... Потом перестала - не из чего было выбирать, все сменилось...

Неужели так всегда: нужно только исчезнуть с этой планеты навсегда, чтобы талант был замечен и оценен. С безграничной благодарностью за Поэзию, за Стихи.

Ника

26.03.2009

Анна Хорватова

Спасибо за публикацию произведений Ольги! И раньше немного знала о её тяжелой жизни, полной испытаний (ещё до эмиграции). Прочитала взахлёб, буду ещё заходить и читать, читать... Я познакомилась с В.Кривулиным, когда он баллотировался в депутаты (последний год его жизни),

помогала ему, а он подарил мне свою последнюю книгу с надписью. Мы перезванивались с ним иногда по поводу печатания статей, в основном, публицистических. Хорошо, что ему, наконец, поставили памятник на могиле. Я кладу туда цветы (и Ф.Сологубу, что напротив похоронен). Не знаю, где Ольга похоронена... Но, читая прозу и стихи, чувствую её присутствие и гордость за свой город.

С уважением. Анна

10.04.2011

СТИХИ ИЗ РАЗНЫХ КНИГ

(70-е - 90-е годы)



ОБРАЗ ЖИЗНИ

* * *

Какая погода!

Ты слышишь, какая погода!

Осенняя ясность, —

что может быть глуше и чище...

А всё этот мальчик,

обиженный мальчик с фаготом,

Что музыку ищет,

сбежавшую музыку ищет

В заросших канавах,

в пустом Мариинском театре.

(Врождённая нота — высокое произношение.)

Трепещут ресницы

и бледность щеки оттеняют,

И сбившийся галстук

сжимает

подтекстом нашейным...

Витай и витийствуй,

рыдая зияющим креслам!

Ты можешь напиться,

проклясть,

мельтешить на арене,

Но чтобы в другой

уходящая эта воскресла,

Раскрой свой футлярчик,

своё вдохновенное зренье!

Какая погода!

Ты слышишь, какая погода!

Конечно, вёрнется,

простит, что ни в чём не виновен;

Ах, мальчик с фаготом,

потерянный мальчик с фаготом,

Да мне ли спасибо

на добром, и добром ли, слове...

Какая погода!

Сдержите отрывистый кашель,

РЕЦЕНЗИИ, ОТКЛИКИ, СТИХИ-АССОЦИАЦИИ

Нина Хрущ

Замечательные стихи. Чередование светлого и тёмного - всё на контрасте, но заметь, дорогой читатель, какая самоотдача в каждом слове, в каждой строчке. В этой связи можно и задуматься, что на читателя действует в поэзии, что потрясает. Настоящая поэзия претворяет и преобразует, развивая эмоциональный мир. В этом есть закон передачи смысловой и художественной информации. Драматургия собственной судьбы, чувство очищения, освобождения.

27.04.2009

Сергей Стукалов

Возможно, безоговорочный материализм изжил себя почти полностью. И часть ушедших - остаётся с нами - в ином измерении, как бы... Ольга (светлая ей память) была в творчестве художником; её стихи – образы, а значит - смотрятся. Просто надо «включить» внутреннее зрение. Вообще ПОЭЗИЯ Ольги очень хорошо тренирует такое зрение... Скорблю...

07.05.2009

ТРИ ЗВЁЗДОЧКИ (пять стихотворений)

* * *

Традиционно – на троих.
 Какое там традиционно...
 Наплывы сна, импрессионно...
 Да ну их к чёрту, не до них.
 Ни до чего...
 Ни до чего
 Свободно в этой жёсткой власти:
 До смерти – шаг,
 И шаг – до счастья,
 И шаг - бог знает до чего...
 Две масти – обе хороши
 И восхитительно невинны,
 По возрасту и для души –
 Две незаконных половины...
 Не то что яда – и строки
 Не подольём в тени серванта.
 Есть два колена,
 Две руки,
 На двадцать – сердца и таланта.
 А голова – всего одна,
 Да на троих сообразила...
 ... Свежо и пусто у окна –
 Как будто небом просквозило.
 И входит дерево в проём,
 И веткой вписывает строчку,
 Что пьют - втроём,
 Живут - вдвоём,
 А умирают – в одиночку.
 Куда от этой правоты?
 От света утра?
 Фото сына?
 Ты прав, цветущий древесина:
 Хоть из окна, да не в кусты!
 Пригнёмся – ветки на стволе...
 (А юбки – спущенные флаги)
 Сияют стопки на столе:

Три из-под водки,
 Две – бумаги...
 Пречистый лист, куда и с кем
 От этих птиц, поющих в порах,
 От сердца, что на волоске,
 От губ его,
 сухих,
 как порох!
 От этих губ,
 От этих рук
 Не протрезвиться,
 Не проспать.
 И строки мужества и мук
 Во сне разглаживают пальцы...

* * *

Вот и пей этот кофе чёрный
 В кухне белой.
 Трезвый, чопорный, вскипячённый
 И несмелый.
 Помолчи с телефонной трубкой,
 Как в отеле.
 Почему-то в руке нехрупкой
 Вес гантели.
 Все мы гости, как в доме этом,
 На этом свете.
 А потянешься за поэтом –
 Обнимешь ветер.
 Помнишь, в детстве портреты ветра
 Огрызком кисти:
 Это занавес-парус, это
 Взметнулись листья:
 Смотрят вслед, зелены от боли,
 Не видя, что там...
 Только небо – пустое поле
 За поворотом.

* * *

По утреннему городу, пешком,
 Наощупь - как старушка с посошком,
 По мусору, прикрытому пушком,
 Под маршами – подвыпившим шажком...

Как больно вдруг по городу ходить,
 Осколки – вон их сколько – находить.
 Но сердцу - босиком не угодить:
 Бежит и не желает погодить!
 Куда же ты, куда же ты, куда?
 Без памяти, и страха, и стыда?
 Зачем остановилось у Суда?
 Не райский он – районный. Не сюда!

Споткнулось у скамейки почему,
 Где парочка блаженствует в дыму?
 Она же не откажет никому,
 А тёплая, как память по нему.

Припрыжка эта странная твоя:
 Старушки? Погремушки? Воробья?
 В какие ты направилось края?
 И как это команду не я?

По ровному – сползая и скользя,
 Забыв, что и работа, и друзья,
 И палец, указующий грозя...
 Достаточно. По городу – нельзя.

* * *

Как эта речка называется?
 Цветок шершавый у лица?
 Не знаю...

Что-то разывается,
 Как – по романтикам – сердца.
 Какой роман – этюд, элегия...
 И лунный ропот по траве...
 Реакционная коллегия

Ерошит жанры в голове.
 Зачем? Какая, в общем, разница?
 Давным-давно цветёт эссе
 И там, где терминами дразнятся,
 И здесь, на первой полосе
 Всего, что дышит, к небу тянется,
 Переплетаясь по пути...
 И наклоняться – будто кланяться,
 И плыть – как по небу идти.
 И всё созвучно - как рифмованно:
 Лицо, и звёзды, и цветы;
 И что за той чертой рискованно,
 Где растворяются черты,
 Где воспаренье – растворением,
 И где искусство – естество.
 Три точки над стихотворением,
 И три – за строчками его...

* * *

Поговорим по телефону,
 Предпочитав иную связь:
 Голосовому марафону –
 Беседы трепетную вязь.
 Поговорим по телефону
 Не потому, что предпочли
 Искусству – спорт, свечу – плафону,
 А небу – технику земли.
 Поговорим по телефону
 Не потому, что недосуг. –
 Возврат к тому, ночному фону:
 Не в суть, но всё же – не на суд...
 Там перекаты к баритону
 По проводам – как по годам...
 Поговорим по телефону,
 Неузнаваемый Адам.
 Не семь чудес в эпоху ону,
 Но всё же есть, но всё же есмь!
 Поговорим по телефону
 В один из дней, которых – семь.

Рука – к Брокгаузу-Эфрону,
 А сердце – к пяткам не скользи.
 Поговорим по телефону
 Вне всякой связи, но в связи...
 Безликий диск, он рядом, вот он:
 (Кружок спасательный притом)
 Поговорим по телефону
 Потом когда-нибудь. Потом...

РЕЦЕНЗИИ, ОТКЛИКИ, СТИХИ-АССОЦИАЦИИ

Галина Зелёнкина

Алексей, давно надо было сделать отдельно Ольгин сайт. Я все её сборники, что были у вас, скачала и почти всё прочитала. Её стихи нельзя читать залпом, их, как хорошее вино, надо смаковать. Спасибо Вам. С уважением, Галина
 13.05.2009

Нина Хрущ

Замечательные стихи. Какая самоотдача в каждом слове, в каждой строчке!!!
 27.04.2009

Алиса Рекс

Знаете, стихи Ольги Бешенковской - это всегда непросто, всегда поиск и разговор... сложный... Мне помогает то, что я хожу на её страничку просто пообщаться, поговорить.
 19.09.2009

Анна Хорватова

После этих строк никого не хочется читать на сайте, кроме, разве, Евтушенко... И лирику, и философскую поэзию. А уж гражданственную - здесь так Ольги не хватает. Душат слова, что «пьем вдвоем, живём вдвоём, а умираем в одиночку». С теплом...
 27.04.2011

Елизавета Саморогова

*«И строки мужества и мук
Во сне разглаживают пальцы...»*

Очень точно...

28.07.2010

САДАНВ

*Глубоко склонюсь перед Поэтом, - не «великим», а моим,
земным... Талант расцветает в несчастье, что имело
место быть... Помню, читаю, люблю.*

22.07.2010

Елена Сомова

*Прекрасные стихи, они похожи на цветаевские своей
духовной грацией и тонкостью кисти. Сила мастера в
каждой строке, великая сила лирики прекрасной русской
души.*

Светлая память Ольге Бешенковской.

Эледина

*«Потянешься за поэтом -
обнимешь ветер»*

*Замечательные стихи. Жалко, что нельзя пообщаться с
автором. Хотя - общаться и не нужно, когда осталось
больше...*

01.11.2009

ДЕРЕВЬЯ НИКУДА НЕ УЛЕТАЮТ

* * *

Деревья никуда не улетают.
 Летят, не отрываясь от земли...
 Растут себе – и небо обретают,
 Где птицы копошатся на мели.
 Растут себе, не чувствуя предела, -
 Как дети заплывают в синеву...
 ...Естественность единственного дела,
 Глагол, обозначающий: живу!
 И кажется, что подняты для тоста
 Созвучные соцветия дерев:
 Не ведая о заданности роста,
 Топорчатся, себя преодолев.

* * *

Не сходишь - соскользнёшь с ума.
 В висках промозглый звон бидона.
 О, ёмкость жизни из бетона -
 Две серых тверди и дома!
 Металла инеевый бред,
 Никелированная Невка.
 О, всколыхнись хоть однодневка -
 Дымок, дыханием согрет.
 Жизнь леденеет на лету,
 Черна мембрана, как гангрена,
 И ствол без шелеста и крена
 Не почву пьёт, а высоту
 Поддерживает. Голый сад
 Инопланетно-конструктивен,
 Проявлен, влажно негативен,
 А после - зелени плясать
 Без памяти - зарос погост
 И безнадёжно - до упаду.
 И в мёрзлый грунт вгрызаться лопату,
 И ждать: случится абрикос...
 О, кто с природою на «ты»,

Кто к ней отважился в товарки...
 И как жарки, хотя не жарки
 Вдали, в лесах, - электросварки
 Мгновенно синие цветы...
 1978

* * *

О, тень моя - панельная сестра,
 Набросившая ночь, как чернобурку...
 Так призраки Апраксина двора
 Крадутся, озираясь, к Ленинбургу...
 Где скверики накрыты для гостей
 Осенним винегретом георгинов.
 И спят, а не чернеют от страстей
 В игрушечный коробках героини;
 Откуда все магнитнее манят
 Подковы роковые подворотен...
 И памятник разрушивший маньяк
 Талантливей создателя пародий.
 Спасите, хоть больница и тюрьма -
 Мне хочется и плакать и смеяться,
 Но светятся безликие дома,
 Рядком, как диетические яйца.
 Не много ли нам времени дано,
 Чтоб заполночь, от сытости и скуки,
 Созвездьями бренчали в домино
 Для клавиш предназначенные руки!
 О, если бы Господь не удержал
 На грани, где с тенями ночевала,
 Уж лучше ослепительный кинжал -
 Болезнь неизлечимо лучевая...
 Коленкой подмигнет кордебалет
 С афиши вседозволенности нашей,
 Где плакал князю Мышкину в жилет
 Раскольников, старуху доконавший.
 1977

РАБОЧИЙ

Господи, как он счастлив - страшно смотреть..
 Он озабочен, Господи, как ты в неделю творенья..
 Хоть бы в тебя он веровал, Господи... Только в смерть.
 И, не поверишь Господи, - в энтузиазм горенья..
 Пресс, нарастая, лязгает..
 (Господи, пронеси...)
 Пальцев ещё осталось на выборы и на розлив..
 Он интервью даёт мне (Дай ему небеси...),
 Произнося «ударник» - будто «артист народный».
 Как он сияет, Господи,- в десятидневный рай
 Едет за достижения в грохоте преисподней.
 Господи, где штампуют этих, что «умирай» -
 Скажешь - лишь переспросят: завтра или сегодня?..
 Пресс, нарастая, лязгает,
 Ляжет ведь по звонку!
 Вогнутая грудная,
 Мясо...
 «Видней начальству»...
 Господи, дай мне камень - в его башку! -
 Он же меня зарежет, БЕЗУМНО счастлив...
 1976

* * *

Амфир вампира - путь в аэропорт,
 Вся эта пышность, твёрдая, как торт
 На выставке, - безвкусица для чести.
 И тот поспешно обжитый макет,
 Где телеграфных столбиков крокет
 Широк луне, как лестница - невесте;
 И даже Гавань - дышится свежей,
 Но белой ниткой парус этажей
 Пришит на стыке пропасти с простором...
 Всё то, чему не триста и не сто,
 Увы, - не то, типичное не то:
 Нагородили, думая — построим...
 Как хорошо, что в наши города
 Еще заходят небо и вода -

РЕЦЕНЗИИ, ОТКЛИКИ, СТИХИ-АССОЦИАЦИИ

Виталий Стороженко

Какой сильный талант! Какая человеческая драма... Трагедия растворения «Я»: в поэзии... истории, текущем времени... стране, городе, мире... Какое насыщение чернил! И, как следствие: богатство возникает.

С признательностью к поэту, авторам-смотрителям и почитателям странички

01.08.2012

Илиана Тихомирова

Открыла для себя стихи Ольги совершенно недавно и совершенно случайно, оставив у себя ссылочку-выход на страницу, потому что это настолько глубокий (даже глубинный) поэт, от которого приходит настоящее просветление. Невозможно равнодушно читать ее строки: меня всегда невольно пробивает на плач - насколько у неё все тонко, насколько зыбко, насколько ранимо, настолько больно, настолько погранично, что прямо физически ощущаешь эту пограничность, ранимость, зыбкость и боль. Невероятный человек, невероятное мироощущение, невероятный талант... Очень и очень мне близко всё ею написанное.

09.09.2009

Анна Хорватова

...Теперь - о стихе «Рабочий»... Сначала думала, что это про моего деда - рабочего типа Левши, чей портрет носили на демонстрациях. Ан - нет: он ещё дореволюционной закалки, не признававший новой власти. Об этом мой последний рассказ. Но сколько же было таких, как в стихе, допустивших культ личности:

«Господи, где штампуют этих, что «умирай» -

Скажешь - лишь переспросят: завтра или сегодня?..»

Сильнейшая гражданская лирика! Эх, сейчас бы такое перо.

С уважением

25.05.2013

ИЗ КНИГИ
«ПРИЗВАНИЕ В ЛЮБВИ»
(1977 год)



ВЕТКА ВО ЛЬДУ

* * *

Сухая сосновая ветка –
 Обглоданной рыбы скелет.
 А, может быть, – живопись предка,
 Скучавшая тысячу лет?
 Не знаю... Бывает, но редко.
 Фантазии мелок полёт.
 Всё кажется: корчится ветка,
 Живьём замурована в лёд...

* * *

Птицы – стайей, а люди – страной.
 (Чем тесней, тем просторней отваге)
 Я бы выбрала сговор лесной,
 Равноправно-зелёные флаги!
 Но, моя человечья семья,
 Не держи наготове иголки –
 Ведь создатель палитры всея
 Не рассчитывал на кривотолки...
 Посмотри, как летят в небеса,
 Не сплетая ни сети, ни клетки...
 Не выходят леса на леса,
 Оголив саблевидные ветки.
 Не плетутся в хвосте жоака,
 Не жуют отвратительно пищу.
 Защищённость их больше близка
 К той одной, что зверёнышем ищешь,
 Замерев под крылом пиджака...

* * *

Неуловима та черта,
 Где жизнь проходит как лавина.
 Как странно тихо... Даль чиста.
 И страх – пуста... Неуловимо.

Как будто в комнату – враспloch.
 Такой порядок – даже зябко...
 И смехом вырвавшийся вздох –
 Да так, невысохшая тряпка...
 Коснуться дрогнувшей рукой,
 Неуловимо измениться:
 Над спичкой, речкой и строкой
 Не наклониться – надломиться...
 Склоняться вроде бы с лентой
 В полуулыбке полумаски,
 И зелень мокрая в лицо –
 Слепой щенячий поиск ласки.
 И грусть откуда ни возьмись,
 Но всё острее и постоянной,
 И чувство переходит в мысль,
 И ощущение – в состоянье.

* * *

На кладбище, особенно зимой,
 И осенью, и в месяце проталин,
 Когда его пейзаж глухонемой
 Настолько гол – едва материален,
 Видней родство деревьев и крестов
 И сходство лиц у нищего корыта –
 До братства всех, до спазма, до пластов,
 В которых тайна яблока зарыта...
 А за оградой – улица и дом.
 В оплывших окнах ссорятся, смеются...
 Как перед небом жить – и не о том
 Всё время думать, даже не свихнуться, -
 Не понимаю...
 Школа... Овощной...
 Завод, плакат о входе посторонним...
 Косяк теней – процессия с ночной...
 - Который час?
 - Чего? Кого хороним?
 - Да нет, который час?
 - Уже седьмой.
 (Ослышалась ли? Я ль оговорилась?)

На кладбище, особенно зимой,
И осенью, как божеская милость –
Трамвай... И позолота на трубе
Ржавяющей...

И протираешь веки
С оттенком уважения к себе,
Как в гулкой тишине библиотеки.
Заслуга тоже, Господи прости,
Склоняться над могилами чужими...
А снег водой становится в горсти,
И пустотою – при нажиме.
Откинись в кресле. Думай о своём.
Шути и спорь на службе и за чаем.
Мы все напротив кладбища живём,
Живём – и ничего.
Не замечаем...

* * *

Мне всё дороже отсвет, шелест
Беседы, ласточки, листвы,
И вместо дружеских нашествий,
И путешествий, и, увы,
Книг, даже книг – неровный почерк,
Что так единственно поник...
Всё то, что как бы между прочим –
Как музыка или дневник.
Скользящий лучик... Тёплый локоть...
Всё то, чего, собравшись в путь,
Не взять, и даже не потрогать,
А лишь коснуться – и вздохнуть...

* * *

Я живу высоко. Подо мною – простор и уют.
Человечки спуют. И мужчина дошкольного роста
Всё играет с машиной. И очередь знаком вопроса,
Препинаясь, стоит – всем не хватит, но что-то дают...
Сколько окон в окошке! Открыла однажды – и вот
Каждый вечер теперь удивляюсь простому закону:

Сколько в доме напротив прозрачных новелл законных,
 А в своём же, - напротив, - как будто никто не живёт.
 И когда невзначай (просто выдался медленный миг)
 Неприкованный взгляд подымается выше и выше,
 Вижу только: дрожит, зацепившись на краешке крыши,
 Жёлтый сморщенный лист или робкий космический
 блик.

Страшновато и странно висеть на такой высоте,
 Где уже в небеса переходит житейское небо...
 Только рифма спасёт –
 прощебечет ко времени: «хлеба»,
 И спускаешься вниз, занимать своё место в хвосте.

* * *

О, мякоть на корке арбузной –
 На кромке еловый закат!
 И дружбы, что стала обузой,
 Последний осенний каскад.
 Прощай, золотая нелепость,
 Устали глаза и душа.
 Воробушек, дождик, троллейбус, -
 Всего-то, а как хороша
 Прохладная наша погода –
 Чернение на серебре,
 Которой не больше полгода
 Отводится в календаре...
 И как мы с тобою ослепли,
 Забыли, что листья мелькнут –
 И в едком дымящемся пепле
 Очнёмся от ярких минут.
 И как мы с тобою решились,
 Отважились помнить досель...
 ...И головы сладко кружились,
 И листья, и вся карусель.

* * *

Осенних крон бенгальское свеченье,
 Цветных тропинок серпантинный шорох
 И конфетти из липовых кружков
 Не превратят распада в развлечение,
 Печальника – в Сочельник, пепел – в порох,
 И слёзы – в смех, и кладбище – в альков.

И что могу, когда живу - и слышу:
 То поминальный горький всхлип стаканов,
 То погребальный стон колоколов,
 Он был бы глуше, если бы не выше
 Столов, стволов унылых истуканов
 И куполов опущенных голов.

Ночной зернистой выси блеск недужный...
 О чём же я? И всё-таки – о жизни.
 Я не боюсь от свечки прикурить.
 Пью, где нельзя. Трезвею, где не нужно.
 И не могу закусывать на тризне.
 И не хочу с чужими говорить.

Про эту боль осеннюю у сердца,
 Про этот привкус горечи и воска, -
 Как будто танки вместо тракторов...
 ...Кленовый лист в кремлёвских заусенцах,
 Руины павшей крепости... И воздух
 Ещё клубится, едок и багров...

* * *

Лучше б ты уплыла, улетела, Юность;
 Лучше б не знала я, где
 Безоглядная музыка тела,
 Что идёт – как танцует - к воде...
 В брызгах чаячьих выкриков бодрых
 И мальчишских отчаянных стай
 Сумасшедшее солнце на бёдрах,
 Золотым хула-хупом летай!
 Чтобы вспомнилось в городе дымном,
 В сизом возрасте, тянущем в дом,

Как звучал эротическим гимном
 Каждый жест – и не ведал о том...
 Чтобы, если нечаянно брызнет
 Та же нота на той же волне, –
 Улыбнуться трансляции жизни
 И расправить цветок на окне.

**Г.С. СЕМЁНОВУ
 ПО СЛУЧАЮ КАПИТАЛЬНОГО РЕМОНТА
 ДОМА 13/13**

Хмурая помесь асфальта и неба.
 Жактовский замок Согбенного Глеба.
 Мимо – плащи по делам.
 Кустики вместо готических сосен.
 Что там, весна или поздняя осень,
 В снеге с дождём пополам?

Впрочем, без нас по законам сезона,
 Не вылезая за рамки газона,
 Сбудутся все чудеса.
 Сникнет, и снова воспрянет трава и
 Голые заросли веток трамвайных
 Зашелестят, как леса...

Мне ли туманной надеждой прельщаться...
 Что и умею - так только прощаться
 С горьким смешком на губе.
 Бродим как бредим ущельями улиц,

Ландыш болезненный светит, сутулясь,
 Офонареть – на столбе!

Благодарю за букеты иллюзий
 Эту судьбу, где растенья и люди
 Тянутся к небу, поправ
 Несоответствие разума с чувством,
 Зелени с осенью, быта с искусством,
 Роста деревьев и трав.

Несоответствие пальцев органных
 С дрожью вспотевших гранёных стаканов –
 Видимость или закон?
 Я же отчаянно не отличаю
 Дома – от храма и водки – от чаю,
 Окон друзей – от икон.

Благодарю это смутное время
 Даже за рифму унылую – бремя,
 Не говоря об ином...
 Что мы уже без трамвайной толкучки,
 По боку – Музы, и по небу – тучки
 Или «хвоста» в гастроном...
 Нам же, действительно, замки пожалуй –
 И ни строки не напишем, пожалуй,
 Будем вздыхать в потолок...
 Здесь-то и можем, поёжась брезгливо,
 Где Афродита выходит из пива,
 С Богом вести диалог.

Господи, вниз посылая Поэта,
 Видно, ему ты доверил и это –
 С лирой и жизнью за ней...
 Всё, до чего продираться годами
 Или на жижке кофейной гадаем –
 Знает с усмешкой зане...

Участь свою принимая как почеть
 Подвиг вершит, над столом скособочась,
 Ночь окрыляя плечом:
 Жить, совладая с душою соборной
 В доме 13 напротив уборной,
 Зная, что он обречён...

* * *

С неба звёзд не хватая, поймала я всё же одну,
 Как чахотку – студент, как повеса – калеку жену. –
 Чтобы теплился свет, защищённый бумажной
 скорлупкой,
 И привычная боль – морозящая даль сентября,
 становилась душой...
 Чтобы, серенький дым серебра,
 Зачарованный взгляд повисал, зацепившись на хрупкой
 Паутинке, прожилке, морщинке родного лица...
 Чтобы лёгким пером и бояться коснуться листа,
 И тянуться к нему –
 словно та безымянная птица
 над сверкающим озером...
 Сжаться в летящий комок...
 Холодок глубины...
 Это выстрел случайный помог
 Между двух плоскостей поневоле от стаи отбиться.
 Жить в таком измеренье, дышать в приближенье
 таком...
 Заводская труба промелькнёт сигаретным дымком,
 И листок на воде покачнётся спасательной лодкой...
 Эта плоская шутка про воду и про молоко...
 И не то что враждебна, но где-то в другом далеко
 Суета из-за крошек и гимны цветению – глоткой.
 Этот вечный сентябрь, пригибающий тело к земле...
 Этот лучик надежды на письменном чёрством столе...
 Этот шелест библейский листов, облетающих с дерева...
 И предчувствие, нет, - предвкушение новой беды,
 Разведённые руки – о, тщетные наши труды...
 Но и ваши труды – перестругивать деревья на дровяк.
 Как в собачке моей под луною взывает шакал,
 Всколыхнётся во мне фиолетовый гений – Шагал,
 Но прольются чернила, подсохнут анютины капли...
 Кроме «да» или «нет» есть союзники «если» и «но».
 На экране дождя – силуэты немного кино.
 Не робей, воробей – сам собой огорошенный Чаплин...
 Как за осенью осень шуршит за бедою беда.
 Это лист золотой или жёлтая наша звезда?

Это нимб или дождь над растерянной грустной
улыбкой?

Это ливень уже или просто всемирный потоп?

Где-то зонтик забыт. Всё равно не поможет потом.

Так стоять и стоять, как далёкой заслушавшись скрипкой...

* * *

Чуть-чуть незавершённости, чуть-чуть...

Продлись, изнеможение отлива...

И прожитым взволнованная грудь

Сравнивается с землёй неторопливо.

Так нежные и властные толчки,

Пронзая всю, всё выше отдаются –

До слёз... До звёзд...

И замерли смычки...

А звуки тают, тлеют... Остаются.

Чуть-чуть незавершённости – ну хоть

На выдох – как в берёзовом наброске

И в строчке, что нашёптывал Господь

Сквозь облачко потухшей папироски...

Я так боюсь, что этого лишись –

И всё, что строим или произносим,

Теряет смысл.

Пусть убывает жизнь

Как близость, как поэзия и осень...

И в чём её пронзительная суть:

В слиянье или в трепете разлуки?

Чуть-чуть незавершённости, чуть-чуть,

Над пропастью выпрастывая руки...

* * *

Не торопи меня. Не спрашивай. Не жди.

Не вздрагивай от всех мембранных баритонов.

Я скоро вся вернусь: до отзвука в груди

На каждый всплеск в твоей и в рюмчатых бутонах.

Спасибо. Пусть стоят. Подальше. На окне.

Ты их побереги в разлуке без отъезда.

Я очень далеко. Я рядом. Я – во мне.
 И не в чем упрекнуть. И нечего отрезать.
 И нечем утешать в запутанной судьбе
 (И так саднит лицо от масок Мельпомены):
 В себя уходит тот, кому не по себе,
 И, значит, не совсем без домысла измены.
 И, значит, не совсем без привкуса вины,
 Как наш вечерний чай без примеси лимона –
 С горчинкой золотой...

Не вслушивайся в сны.
 Не бойся в лунный час чужого баритона.

* * *

Как бледнеет лицо... Как сутулятся плечи – хоть плачь.
 Это всё-таки сердце: сжимается – горбится плащ.
 Это всё-таки сердце, которое всюду болит.
 Кто подымет перо – тот уже навсегда инвалид.
 Не помогут пилюли. Какого врача ни зови...
 У него ностальгия: по родине лиры – любви.

Он плетётся на службу, вникает в чужие дела.
 Осторожней, «Икарус», на вылете из-за угла!
 Уберите балконы дамокловы над головой!
 Почему без чехла наконечник Невы ножевой?
 Это ж только споткнись... Это ж только момент подлови.
 У него ностальгия: по родине боли – любви.

Всех от Евы до ивы – к услугам его и ногам!
 Всем чертям бы продаться и всем помолиться богам.
 Если нет подходящей, останется выход – люблю:
 Он меня научил, я из этого слова слеблю.
 Хоть бы кто-нибудь спас; хоть какой-нибудь
 Спас на крови...
 У него ностальгия: по родине жизни – любви.

* * *

У любви не бывает причин. Только повод –
невидимый провод осязания...

Осознанный довод –
Как по звёздочкам спутанный чин.

Вертолёт на ромашке.

Абсурд.

В логарифмы вдохнувший Спиноза
Шелест рифмы.

Заноза гипноза
наважденье.

...Опять самосуд,

Самодурство и самоотчёт,

Вы на части меня разорвёте!

И, разъятые криком, - в зевоте

Остановятся губы.

Течёт. Эта жизнь, в парапеты шурша;

Эта кровь, прохлаждаясь норманской;

Эта речь, избегая фламандской

Полноты, как торговли – душа.

Ну чего мне ещё подавай

Воробьиного дождика кроме?

И ошпарит последний трамвай,

Как пощёчина в брошенном доме,

Где давно уж никто не живёт,

Кроме слепка безрукой Милосской.

И сжимается ворот, и вот –

Повторяется

синей полоской...

* * *

Господи, что за напасть-благодать:

Солнце – сквозь дождик...

И греюсь, и мокну.

Это как письма чужие читать

Или заглядывать в спящие окна.

Стыдно – и хочется... Колется... Жжёт...

(Может, им хочется – зная, что стыдно)

Взгляд опустить – приоткроется рот...

Стоп. Оторваться. Но так же не видно!
 Господи, это же всё не моё:
 Дождик сквозь солнце... И листья... И лица...
 Мумию даже настой мумиё
 Не исцелит, - чтобы зашевелиться.
 Прошрое прожито. Вспрыснут бальзам.
 Нет ни того и ни этого света.
 Можно ли верить лучистым слезам:
 Солнцу сквозь дождик?
 Поблекшей траве-то?
 В прописях осени – почерк весны:
 Ветками – по небу, ветрами – по лбу.
 Вечная память – и вещие сны...
 Пар изо рта, повторяющий колбу.
 Господи, всё-таки это душа,
 Воспринимавшая форму сосуда,
 Вдруг воспарила.
 Стоять не дыша.
 Чувство стыда... И предчувствие чуда...

* * *

На отъезд Д.Я.Дара

Прощаться легче в аэропорту...
 Стекла и ветра проблески и всплески.
 Он весь – сквозняк, простор без занавески;
 И холодок у сердца и во рту.
 Аэропорт – бездомное окно!
 Конфетный вкус высокого сиротства...
 И то, что небом с небыли зовётся, -
 Одно на всех, со всеми заодно...
 Как будто некий космополитизм
 Уже в самой конструкции заложен...
 И лайнеры – как вымытые ложки:
 Черпни погуще – в космос полети...
 Как хорошо, что можно улетать
 И провожать, как будто улетаешь, -
 Кто различит, зачем в тумане таешь
 И мука это или благодать...

Так на одно размытое лицо
 Аэропорт прилёта и отлёта,
 И ничего не значащая нота –
 На праздник или траур письмецо...
 - Пишите мне...
 - И вы пишите мне...
 (Всё рядом, как на радиоволне.)
 Со всех сторон – дыханье миража,
 Подкова звёзд – верблюжья ли, оленья?
 Столбцы иного летоисчисления
 И лёгкость рук, лишённых багажа.
 Аэропорт прозрачен как намёк
 На ту другую, скорую разлуку,
 Где в пустоту протягиваешь руку –
 И слабнут пальцы, сжатые в комок...
 Где наша жизнь сжимается в петит
 И даже то, чего не досказала.
 Но горький дым отечества с вокзала
 Чужого к нам уже не долетит...

Прощаться легче в аэропорту.

* * *

Пореже в зеркало глядеться,
 Почаще вглядываться в детство –
 И не порежешься о те
 Царапины грехопадений,
 И взрослых драк, и наблюдений
 За смертью жизни в суете.

Побольше сна. Побольше леса.
 Вода и сон лишают веса
 (Но ближе к берегу держись...)
 Какая мелочь – век, эпоха,
 И даже собственного вздоха
 Не стоит собственная жизнь.

И вдруг проснуться – как родиться,
 Не потому, что пригодится

И этот пасмурный денёк.
Какая туча, Боже! Даже
Беднее мрамор в Эрмитаже.
И дождик рыцарский – до ног!..

РЕЦЕНЗИИ, ОТКЛИКИ, СТИХИ-АССОЦИАЦИИ

Елизавета Саморогова

До мурашек...
28.07.2010

Анна Хорватова

Прочитала эту многогранную и многосюжетную подборку. Кроме основных философских мыслей поражает обилие редких эпитетов и смелых рифм. Вчера, в Радуницу, я выполнила то, что обещала: была на Смоленском, положила гвоздики Виктору Кривулину, зажгла свечу.... На небольшом монументе с крестом наверху выбито в камне слово ПОЭТ, а с другой стороны - кому. Он прожил, оказывается, всего 57 лет. Я всегда мысленно общаюсь с ушедшими... Вот и на сей раз я рассказала ему об Ольге. Сейчас, читая эти стихи, я с новой силой пережила вчерашние ощущения от кладбища без зелени, как у Ольги описано, и слова «Мы все напротив кладбища живём. Живём и ничего не замечаем». Как часто меня посещали эти мысли.
С теплом. 04.05.2011

Александр Юргенсон

Длинно и нудно. Глеб посмеялся бы.
Ал.Юр.
16.02.2009

Елена Ительсон

Извините, не выдержала! Это я по поводу «Глеб посмеялся бы»... Глеб Сергеевич бы ужаснулся, что его называют Глебом. Просто Глебом.

*И Г.С. очень любил стихи О.Бешенковской.
Он всё-таки был настоящим РУКОВОДИТЕЛЕМ И
УЧИТЕЛЕМ. Каких достойных учеников он вырастил!
Я только один раз была у Г.С. на занятии. В качестве
гостя. Но я не посторонний человек в Ленинградской
литературе 80-х. Забытый, но не посторонний.
Ещё... всё время вспоминаю вечер Ольги в Доме Писателей.
Алексей! Огромное Вам уважение за то, что сохраняете
для широкого круга читателей Поэзию Ольги!!!*

Васильев Игорь

*Я тоже был знаком с О. Бешенковской. Однажды Ольгу
Юрьевну очень просили прочитать поэму «Иисус Христос»,
но поскольку время было ограничено, она отказалась. Я её
так и не слышал, даже не читал. Очень хотелось бы сейчас
прочитать.*

*Алексей! У меня в альбоме фотографии Оли Юрьевны с её
вечера в доме писателей, где она читает и ведет вечер с
Лурье. Если у вас есть, хорошо. Если нет, попробую
сделать и выслать.*

С уважением Игорь.

11.06.2009

Марина Шапиро

Очень точно замечено - так и есть. Аэропорт, как намёк...

13.10.2009

Алексей Логвинов

Настолько глубоко, прочувствовано...

«Но горький дым отечества с вокзала

Чужого к нам уже не долетит...»

*Это непередаваемо, слова только искажат чувства, такого
уже не перескажешь...*

С уважением, Алексей.

Михаил Ярохович

Просто не нахожу слов, чтобы выразить своё восхищение!

13.05.2009

Иноходец

Интересно, что «Конфетный вкус высокого сиротства...» сейчас звучит несколько архаично и почему-то как раз этим цепляет как то по-особенному, и придает восприятию интимность.

Елена Куприянова**ПРОЩАЛЬНЫЙ ВАЛЬС**

Прощаться легче в аэропорту..
О.Бешенковская

*Родные, прощайтесь, прощайтесь,
ну что же - метаться?
Простите обиды, нелепые ссоры, упреки.
Туда, в неизвестность, кому-то,-
кому-то остаться...
В мозаику памяти впаяны лица и строки.
Чего-то искали и ждали...
Устали смертельно...
Россия. Исход. Кто кого и когда остановит?
У младшего брата печалится крестик нательный,
У старшего тихо грустит на груди
могендовид.
Отечества дым, словно мОрок, -
и горек, и сладок...
Забрать бы его в самолетный
зияющий раструб.
Не надо, братишка... Но слёзы...
И нет с ними сладу,
Лишь глупо сияют осенние пёстрые астры.*

ПЯТЬ СТИХОТВОРЕНИЙ

1.

Если телу дать опомниться –
 Всколыхнётся и такая
 Острота прикосновений.
 Тяжелей взлетать становится,
 В сотах памяти таская
 Мёд спрессованных мгновений.

Память пор ещё коварнее,
 Чем дотошная, простая,
 В детских стоптанных ботинках –
 Что там доводы словарные...
 Дат и фактов не листая,
 Вдруг замрёшь как на поминках:

День – сквозь сон, а ночь – бессонница
 И запёкшиеся губы, -
 Всё случилось, всё похоже.
 Звон в груди? Да это – звонница:
 По всему, что было любо,
 Отпеванье из-под кожи.

Холоднее вырезвителя
 Память, бьющая из тела,
 Если навзничь не упиться.
 Чувства? Чек на предъявителя,
 Чтобы зеркальце потело...
 Вот и путаются лица.

Завяжи глаза – и тоже бы
 Поднялась температура,
 А под рюмочку – под 40...
 Сногшибательное тождество.
 Козни пьяного Амура.
 Сладок вдох – да выдох горек...

спирали
 застыли
 скорости.
 ... Осень и электричка
 стояли в Репине,
 Взглядом вослед вагонам –
 как будто скот пасти...

Пафос опавшей юности. Ночь. Куоккала.
 Листья ладоней – с плеч... Тошноватость ладана
 От фонаря, оплывшего лика около.
 Дачная незадачливость...

Видно, задана
 Эта судьба, в которой
 разлуки жёлтые
 И перегоны белые –
 даль блокнотная
 Сбудутся вспышкой зелени,
 песней в жёлобе
 Горла, - затем, чтоб снова
 брести банкротами,
 Краем пустой платформы –
 как вдоль Владимирки...
 ...Память задела тень твоя
 журавлиная –
 Вот мы и снова встретились,
 тот, родименький:
 Клин вышибают клином,
 А небо – дли-и-нны-я-а...
 Или трамплин платформы
 и жизни скошенной
 Приподымают к звёздам
 до их касания?
 Мне ворковали голуби,
 висли коршуны,
 А журавли – казалось –
 уже сказания...
 Вот и вернулся ты
 не весной – осенью.

Зря я тебя пустила
 в такие странствия:
 Сколько-то лет плутать
 в закоулках сосенных –
 Время как сердце сжалось.
 Другая станция.
 Лист опадает в профиль.
 Похожим именем
 Через десятилетье
 окликну рощу я...
 Над пограничной линией
 круглым выменем –
 Маятником качает
 корова тощая.
 Где ты, граница памяти
 и реалии?
 Чёрточка мелом,
 смятая под коровою...
 Надолбы ног.
 И поровну все регалии:
 Репино – где рогатая...
 ...Комарово.

4.

Магазины пустых кроватей –
 Чьих-то будущих свиданий
 Пахнет осенью и грустью...
 Ни греховной благодати,
 Ни грехов за дымкой дальней
 Продавщица не отпустит.

Здесь не то что бы неловко,
 Как на выставке интима, -
 Даже странно: как-то проще,
 наших бед нивелировка...
 И судьба неотвратима,
 Как поваленная роща.

Неуклюжая эскадра
 Вместо парусного флота,

Мебель – дому, отмель – встречаю...
 Можно вырезать из кадра
 Обиходное болото.
 Пустоту заполнить нечем.

И какие нам объятья...
 Ни матраса и ни луга –
 Лишь волна стихотворенья.
 Перед зеркалом распяты,
 Чтобы спихивать друг друга
 С чувством удовлетворенья...

5.
 Золотиста пыль над головой,
 А подвал – как вымазанный дёгтем...
 Друг мой бледный, возраст роковой.
 И скатёрка морщится под локтем.
 В темноте – бумагою чиста,
 Не считая ранки от портвейна.
 Вот уже и пережил Христа –
 Как теперь смотреть благоговейно...
 Вот уже прищурился Дантес
 В сердце непутёвое как чудо...
 А у нас - всё тот же диатез:
 Россыпь дел и судорожность зуда.
 Слава богу, выше не взошли
 (Слава той, что ставила барьеры...),
 Что сидим на краешке земли
 В стороне корриды и карьеры,
 Свесив ноги в сумерки...
 Ну что ж,
 В наши дни и этого немало.
 Стисни зубы, годы не итожь,
 И забудь, как небо обнимало
 На платформе юности...
 Пуста,
 Как проформа, - серая платформа.
 Не спасёт, что тёплые места
 Не для нас, простившихся повторно
 В эти дни, щемящие, как те:

Звёзды в щёлке общего барака,
 Голод рук по спящей высоте...
 Прочность «производственного брака»...
 Сотвори хоть что-нибудь: женись!
 Это просьба, а не разрешенье.
 Мы уже соскальзываем вниз...
 Ворот жмёт, как при смерти – ошейник
 Волю вспоминающих дворняг,
 С хрипом уползающих из дома.
 Одарённый крыльями бедняк,
 Сгубит нас по воздуху истома!
 Мы ещё и не были совсем
 Там, где наше истинное место.
 Роковая цифра – 37.
 Каземат уютнее насеста.
 Горка яблок.
 Хмурое клише.
 Холодок железный учрежденья.
 Мышь под полом.
 Кошки на душе.
 День поминок первого рожденья...

РЕЦЕНЗИИ, ОТКЛИКИ, СТИХИ-АССОЦИАЦИИ

Екатерина Маркова-Байрач

Прочтала стихи. Они такой силы и остроты, будто на краю пропасти, где фальшь совершенно не уместна.

С ув.Екатерина.

20.07.2010

Елена Сомова

Я очень люблю стихи Ольги Бешенковской. Стихи Ольги Бешенковской, напечатанные в журнале «Знамя», я берегу, и, каждый раз прочитывая, удивляюсь её силе и радуюсь, что есть такой поэт, которым можно гордиться и упиваться ее беспощадной правдой бытия.

Вечная память великому Поэту Руси Ольге Бешенковской.

26.05.2010

ОСТАНОВЛЮСЬ ПЕРЕД НЕВОЙ...

* * *

Остановлюсь перед Невой
Невольню.
Красиво... Сразу с головой...
Не больно...

А грузовик не подойдёт –
Препятствий масса:
Водитель знаки подаёт...
Тошнит от мяса...

И хлорофос – какой конфуз –
Краснеть знакомых:
Возложит венчик профсоюз
От насекомых.

Верёвка? Бритва? Люминал?
Назло желанью
Белохалатный персонал
Вернёт к жеванью.

И чёрный клюв не долбанёт,
Чтоб точкой – рана.
Поскольку снят железный гнёт
Как фильм - с экрана.

Ночами на смерть номерки
Дают в ОРУДе.
Неблагородны и мелки
Её орудья.

Одна отрада – блеск Невы,
И тот – отрава...
И крикнуть некому, увы,
Вдгонку «Браво!»

Взасос не балуйся, Нева –
 Губа не дура.
 О, жизнь и смерть – слова, слова...
 Литература...

* * *

Вдвоём на палубе пустой.
 На перекрёстке струй и молний.
 Ещё мгновение постой...
 Спасибо. Хватит. Взгляд запомнил
 Себя в тебе. И этот свет
 Со всех сторон...

Капкан.

Свобода.

Парнас.

Голгофа.

Мокрый бред.

И скрип речного тихохода.
 Где наши мальчики? Увы...
 Хотя имеет ли значенье,
 Что страсть поклонников Невы –
 Её державное течение.
 Не дай-то Бог сойти с ума,
 Перехлестнуть через перила...
 Смотрю. Завидую. Сама
 Не раз об этом говорила.
 Себе.

И царствовала тишь –
 Ползите, подданные, к трону...
 ...Какому гению ты мстишь,
 С тебя сорвавшему корону?
 Помилуй, Бог – вселился бес,
 Воды – раскрыченным кореньям!
 О, этот ливень!

Этот блеск!

Гранит зарёван озареньем!
 О, танец молний!
 Хохот жертв!

Да не обманешь (где уж нам уж...)
 И так надломлен взлётный жест –
 Что хоть за Хаустова замуж...

Смотрю.

Сочувствую.

Сама

Вздохала, прячась за ресницы:

Один (всего...) сошёл с ума,

Другой грозитя утопиться...

Не мне рассказывай. Не мне.

Не заливай – весь город залит.

Топиться – нам, и то в вине,

В ночном буфете на вокзале.

Платить по счёту нам с тобой

За весь тираж, хотя чуть живы:

И ты - свою размножив боль,

И я – помножив на чужие.

И жизни течь.

И ливням лить.

И строки скрестятся, блистая.

Нам целый мир не поделить,

Но светит палуба пустая...

* * *

Нет, не взовьюсь – уже не та игра –
 Себе назло с транзитным прощельгой.

Переломлюсь над речкой или книгой,

Не отличая завтра от вчера.

Линяют связкой зайцев ползунки,

Притянутые за уши к верёвке.

Две божи, в отточиях, коровки

Знакомятся с угожьями руки.

Поблескивает куполом редис.

В песке искрится лунная порода.

И в нимбе пыли велосипедист

Выскальзывает из-за поворота.

Какой покой на радость старикам,

Приятелям – не раз очарованья

И на прохладцу разочарованья.

строки, дышат вечностью...

И дыхание Ольги чистое и прекрасное. Дай ей Господь Света в пути и возрождения счастливого.

Моя признательность ТОМУ, кто ведёт страницу. Смерти нет, - Ольга ЭТО знала.

27.09.2013

Екатерина Маркова-Байрач

Мудрые стихи, полные чувства!

17.07.2010

Мартемьянов

Очень сильные строки. С Уважением М.

30.06.2010

Маруся Мочалкина

Здравствуйте! Потрясающие сильные строки Ольги берут за душу и, думаю, не оставят никого равнодушным. Светлая ей память.

* * *

мне почему-то хочется

крикнуть

время постой

ласковой солнечной

лисочкой

вымести зал голубой.

выстирать выгладить

выбелить

снова наполнить тобой

памяти горькой

и искренней

флаг над моей головой.

25.01.2013

Ещё глоток...

Уже спокойней.

Так-то...

И вспомнить роль:

безмолвствует народ...

* * *

И струйкой дыма выполоскать рот
От боли в сердце, стиснутой в зубную,
Но сигарету взять наоборот,
На вкус огня:

завидую?

Ревную?

На красный свет отчаянно иду

И щёки загораются ответно?

На отражение памяти в бреду?

Листвы - в пруду,

ожившее от ветра?

* * *

О, свет мой, лист - зеркальная тоска...

Смотрю и слепну, глаз не прикрывая.

И буква Л как жилка у виска

Дрожит на белом - синяя...

живая...

Не замерзай! -

Вот пригоршня других.

Прошла пора парадов и парадных,

Шагов бравурных, пуговиц тугих,

Чеканных фраз,

блестящих и прохладных.

Люблю.

И как строкою ни юлю,

В семи грехах готовая признаться,

Своих и чуждых,

Всё-таки - люблю.

Хоть на листе об этом распинаться,

Хоть на кресте.

В лазейку эту, первую, люблю...
 (Безумствам всем - беспомощность виной).
 Ну как же так...

Ну пусть хотя бы так:
 Как с тенью - тень, с растением - растение,
 Сольются строки в солнечном сплетенье
 До боли были...

Навзничь - и во мрак...
 Как хорошо, что выключили свет -
 Почти на том...

На обморок похоже.
 Не видно лиц.
 И рвётся вон из кожи
 Душа, которой - выдумали - нет.
 Как жаль, что ночи наши коротки.
 Как пахнет кофе - горький сгусток ночи...
 И как щемит:
 ещё, вдвойне короче
 И ночь его, и линия руки...

* * *

Что происходит в лунной полутьме?
 Предтеча мёда - рук пчелиный танец?
 При всём своём таланте и уме
 Она ещё дитя, неандерталец
 Душой неловкой - там, под янтарём
 Прозрачной кожи солнечной шлифовки
 (Пришельца - в щёку - как под фонарём...),
 И не поймёт отчаянной шифровки,
 И слава Богу, если не поймёт
 Своей крестовой миссии (О, гонор..):
 Переливанье юности - не мёд,
 Здесь неотложкой пахнет...
 Руку, донор!

На дружбу - мне,
 И на руку - ему:
 На счастье.
 На спасенье.
 На здоровье.

РЕЦЕНЗИИ, ОТКЛИКИ, СТИХИ-АССОЦИАЦИИ

Анна Хорватова

Прекрасно! Вот она поэзия - смыслы рождены приходящими откуда-то словами, иногда не связанными жёстким смыслом, но сближенными чёткими ассоциациями. Слова... Но как непросто, чтобы они ТАК легли вместе...

*«Но легка ради них-то одних
Эта крестная мука.
Разве что-нибудь нужно от них,
Кроме света и звука...»
Это про них, про творчество, про поэзию.
02.08.2011*

Наталья Дорофеева

*«Мельчает жизнь.
Но в полночи над ней -
Совпавших тел сияющие стрелки...»
Ничего не хочется говорить - просто замечательно, и всё...
26.01.2010*

Елизавета Саморогова

** * **

*Не надо слов,
Они тут неуместны.
И только стон души я подавлю.
Прекрасные слова...
О жизни и печали,
И о любви и смерти...
На краю.
28.07.2010*

Светлана Шильникова

«Себя - в стихи, стихи - ещё в себе» - это потрясающе и так определяет всё написанное Поэтом и сейчас мною услышанное. И буква Л... Спасибо! 26.08.2010

Василий Толстоус

«Да не обжечь бы издали губами его руки, застывшей на столе», - и далее, далее, далее... Всё превосходно, без единого изъяна. Серебряный век. Воздушный, колеблющийся, огненный и холодный. Снимаю шляпу перед памятью Мастера.
26.07.2010

Наталья Глухушина

Хулиганка, интеллектуалка, умница. Творит и вытворяет! Наслаждение от прочитанного. Оленька, спасибо. Это я к ней ТУДА обращаюсь. Светлая память Оленьке.

Нина Уральская

*Ярко! Классные образы! Понравилось!
С наступающим!!!*
15.12.2013

АССИМИЛЯЦИЯ ЛЮБВИ

* * *

Что, явившись, познать и взрастить
На прожжённой земле?
Звук б отзвуком не извратить
Как берёзу – в золе,
Света – отсветом, жизнью – судьбы,
Жизни – смертью шута.
Хоть свистулька, хоть пафос трубы,
Лишь бы – нота чиста.
Да не застил бы свет бытия
Быт румяных калек...
Я – беспутная совесть твоя,
Мой безнравственный век! –
Где двухглавы осёл и орёл
На единой шкале;
Где над Зоей петля – ореол,
Над Мариной – колье.
Где над миской поднять головы

Косяки не велят;
 Где последний музей синевы –
 Новорожденный взгляд.
 Девальвация Бога и спрос
 На копеечный рай,
 И под окнами – хрюканье роз...
 (Только знай, удобряй).
 Я не знаю, какой холодок
 Под лопатку скользит...
 Страшно только, что небо – глоток,
 И что тело – транзит.
 Чем такую судьбу выражать:
 Реактивным мелком?
 Мельком? И на крутых виражах
 Стоном под языком?
 Кисло-сладко дорогу бранить,
 Не меняя билет...
 Обрывается лайнера нить
 Или ангела след?
 Век мой сизый, тебя не виню.
 Ключ с панели, как все.
 В переулках и на авеню
 Небо в звёздной росе!
 Я сегодня такое смогу –
 Океан переплыть!
 Рвётся вена –
 к бумаге –
 в строку
 Синеву перелить...

* * *

Расширяются щёлки глаз...
 Мир подробней... Слабее жонье...
 Будто заново родилась,
 Перевернуто отраженье.
 Всё навыворот, наоборот,
 В крыльях мошки – размах событий...
 Было модно ходить в народ –
 Стало вдруг из народа выйти...

Дрожь либидо в объятиях драк,
 Парят сауна и саванна,
 В Соломона – Иван-дурак,
 Соломон – в дурачка Ивана –
 Все играем, и все – живём.
 И не вижу я, где граница:
 Над посевом и над жнивьем
 Одинаково наклониться.
 И склоняюсь лицом к лицу,
 Не померкшему ни на йоту
 К беспросветному мудрецу –
 Одиозному Идиоту.
 Наши вспышки, и мрак, и боль –
 Замыкание по схеме Феба.
 Вертикальна, увы, любовь,
 Но зато и субстратом в небо!
 Бьётся зеркальце – быть беде...
 Бьётся сердце – должно быть, к чуду...
 Но откуда мы знаем, где
 Упадём и взойдём – откуда!
 Перекошенный криком рот –
 Поворот родовой улыбки.
 Продолжать человеческий род,
 Размножая свои ошибки...

* * *

Это мне леса накуковали
 Или же цыганка сочинила:
 Осенью уместные едва ли
 Звонкие
 зелёные
 чернила!
 Так ли уж набаловалась всеми,
 Чтобы как молитву – опечатку,
 Или незамеченное время
 Бросило кленовую перчатку?
 Метрикой от Понтия Пилата,
 Выдержав и взгляды, и каленье,
 Я перед иконкой циферблата

В жизни не вставала на колени.
Часиков сервизные тарелки –
В брызги, чтобы в космос или к Данту!
Их самоуверенные стрелки
Сводятся к тоске по секунданту...
Вскинься над секундною и ржавой,
Солнечная встречная рапира!
Скованы квартирой и державой,
Дома – от пещеры до ампира,
Времени всё – жалуемся – нету,
Всё не успеваем, что хотели...
Нет его!
Закутали планету
Тополя июльские метели!

* * *

Какая роскошь в наши дни:
Без дела как без тела,
Брести на дальние огни,
Куда душа глядела,
Куда внутри себя идём,
Когда пути не гладки,
В прошитой ветром и дождём
Клеёнчатой крылатке.
И будь что будет впереди,
И мерить расстоянья
Созвучьям всюду и в груди
Осеннего сиянья.
По городам ли, по годам
С пометкой «прибыл – выбыл»...
Спасибо, деревце-Адам,
За рёбрышки на выбор,
Но я – уже, но я сама
Законченность скелета!
И все дымы - мои дома,
И с плеч стекает Лета.
Который век меняю вид,
Захлёбываясь небом –
И ничего не удивит

В столетии нелепом:
Ни ограниченность реки
Помпезностью гранита,
Ни вдоль гранита дураки,
Как будто кто хранит их;
Ни даже тот, кого люблю,
Наивно искушая...
Эпоха сводится к нулю,
Когда судьба большая,
Когда сплетаются в крови
Тельца из миллионов:
Ассимиляция любви –
Борьба хамелеонов
За жизнь бессмертную свою
Во цвете поколений.
Который век вот так стою
Под знаком бакалеи...
И водку пить, и как-нибудь
До хаты добираться...
Ты, верно, помнишь этот путь,
Беспутный брат Гораций?
Взводить будильник на рассвет –
Замедленная мина...
Мы с Вами, кажется, в родстве,
Камея у камина –
Заслонка медная в печи
И в памяти чеканка...
И взрыв! И вспыхнула в ночи
Подорванная танка...
Японский бог, пора вставать,
За труд сизифов браться.
Скрипит прокрустова кровать,
Изложенная вкратце...
Пора, и силушь, и могу,
Запрыгивая в джинсы,
На сером невском берегу
В косяк джинсовых вжиться,
И, как сограждане хотят
В печатях голубиных,
Стихи – непрошенных котят -

Топить в своих глубинах.
 И, как сама того хочу,
 Не взвиться и не топать –
 Скользить по узкому лучу,
 Неузнанная в толпах.
 Но веной скрытая любовь –
 Не памятью в пожитках.
 Клочок её – листок любой
 В трепещущих прожилках.

* * *

На мизинце атланта –
 Пилигрима сума.
 Не доливший таланта,
 Не давал бы ума,
 Обозначенный Богом,
 Чтобы в небо пенять,
 Чтобы вымычать слогом,
 Всё, чего не понять;
 Чтобы звать, не надеясь;
 Кто-нибудь! (кем - ни будь...)
 Так пустышку младенец
 Принимает за грудь.
 Губы ширятся в «мама»
 И пространство сосут...
 Так - векам телеграмма:
 Папирус – в сосуд...
 Слепо тыкаясь в небо
 (Оттого и на «ты»),
 Не ропщу я, что нету
 В пустоте – полноты.
 Упиваюсь послушно
 Изверженьем строки.
 До рассвета подушка
 Не погасит щеки.
 Славься, с буквы высокой
 Прописная любовь!
 Но толчками висок мой
 Насилует кровь.

И припухшую glandу
 Потирая, - пойму:
 Полуумность – таланту,
 Бесталанность – уму.
 Упаси меня, Боже,
 От назойливых просьб.
 Мне бы меньше – не больше,
 Отбери, а не сбрось...
 Под стеной Эрмитажа
 Притаившись, как мышь, -
 Не гармонии даже,
 Соразмерности лишь...

* * *

Чем бесплодность раздумий
 И бесплотность объятий –
 Лучше глобус, раздутый
 До размытости пятен...

Открывать континенты
 Разноцветной печали –
 Не вторичность аренды,
 А Колумбом причаля!

Наша жизнь монотонна,
 Как любовь по сонету,
 Но ушибом Ньютона
 Потрясает планету!

Притяжение хлеба,
 Но едва надкусила –
 Бросит в сторону неба
 Центробежная сила.

Оттого-то по сути
 Остаёмся на месте.
 Эпохальные судьбы –
 Как досужие вести.

Не пожарные каски
Фрески новенькой парты –
Колупание краски,
Реставрация Спарты.

Не слои мармелада
Под кристаллами снега –
Черепками Эллада
И погибель Олега.

Лебединые торсы...
Лебединые песни...
И к зелёному ворсу
Не прижмётся: воскресни...

Не помняшь, а сиречь
Осязаются снова
И Библейская горечь,
И горячее Слово.

Чтобы гибелью славной
Отчеканились оба,
Коченеть Ярославной
На стене небоскрёба.

Через тел полигоны –
Перекрёстные спектры:
Антипод Антигоны
Или отблеск Электры?

Из пастушки - в Джульетту,
Из царицы – рабою
Кочевать и при этом
Оставаться собою.

В саркофаге квартиры,
В колеснице трамвая,
Золотые пунктиры
Пальцем прикрывая...

* * *

Превосходство донкихотства,
И блаженство донжуанства...
Гордый почерк пешеходства –
И удобство дилижанства...

Суверенный свет разлуки –
Сувенирный глянец встречи.
В пустоту густые звуки –
В гулкий зал пустые речи...

Разве хочется в герои...
Что мне мудрость вековая!
Полыхнёт над пеплом Трои
Гребнем третья Мироя.

Память копит, сердце тратит:
Жизнь – за миг, века – за годы.
В бесконечном результате –
Ветер нищенской свободы!

О, бродяги и поэты,
Без гроша и вне закона,
Ваши первые портреты –
Византийская икона.

Солнцем высмуглены лица
Человеческого детства...
Легче издали молиться,
Чем воистину взглядеться:

Проступает – не сдержаться –
Неожиданное сходство:
В донкихотстве – донжуанство,
В преклоненье – превосходство.

Справедливость Моисея:
Всем по крошке от ковриги.
Равновесью фарисея –
Наши крылья и вериги.

Из России – иудеи,
 А сюда сумел добраться
 Сквозь века – клочок идеи
 Галактического братства.

Палестины снятся странно:
 Вижу, как в цветном осколке,
 На песках Туркменистана
 Гвалт одесской барахолки...

И равно кричать со Спасской
 Или Эйфелевой башни,
 Что зачёркнут свежей краской
 Лист опавший, день вчерашний...

В люстрах метрополитена –
 Крон сентябрьских напряженье.
 В камне – родине Родена –
 Мысли вечное движенье...

Проживу по номиналу,
 Предпочту, покой лелея,
 Цицерона – люминалу,
 Аполлону – Апулея;

Речи сладкие над ухом –
 Слову чёрному в конверте.
 И земля мне будет пухом
 В полужизни-полусмерти...

Но кольнёт в груди, что не был
 Голос в горестной отчизне...
 И земля мне станет небом
 В полусмерти-полужизни...

РЕЦЕНЗИИ, ОТКЛИКИ, СТИХИ-АССОЦИАЦИИ

Татьяна Тареева

Эти стихи настолько насыщены, что заставляют возвращаться и возвращаться. Концентрация просто зашкаливает. Заставляет думать и работать. Автор живёт и продолжается, пока его стихи находят отклик у читателей.

20.02.2011

Владимир Гоголицын

Спасибо за публикацию. После таких стихов и на Стихире только сюда заходить хочется. А ведь и на сайте есть замечательные поэты. Почему они не принадлежат к роднику высочайшего уровня лирики? При жизни нельзя себя считать великим. После смерти - можно, если читатели также считают. С благодарностью, В.Г.

20.02.2011

Людмила Баневич-Гаврилюк

Настоящие ПОЭТЫ не уходят, я имела ввиду из поэзии сегодняшнего дня, когда на многие события (а время очень непростое), последовал бы такой животрепещущий и проникающий в душу отклик, какой может исходить только от истинного большого ПОЭТА, каким является Ольга, потому что «глаголом жечь сердца людей» далеко немногим удаётся. С уважением.

25.01.2015

СТИХИ, НАПИСАННЫЕ В ЭМИГРАЦИИ

**ИЗ КНИГ
«ПЕТЕРБУРГСКИЙ АЛЬБОМ»
И «БЕЗЗАПРЕТНАЯ ДАЛЬ»**



ГИМН ЛЮБИМОМУ ГОРОДУ

(300-летию Петербурга посвящается)

* * *

Этот город, этот город, этот город
 смерч не тронет, Бог по-прежнему хранит.
 Этот говор, благородный тихий говор –
 как волной отполированный гранит.

«Петербург! Я ещё не хочу умирать,
 У тебя телефонов моих номера...»
 Петербург, здесь повсюду цитаты цветут,
 будто солнце и впрямь похоронено тут...

Этот город, этот гордый бледный город
 смерч не тронет, Бог по-прежнему хранит.
 Этот говор, благородный тихий говор –
 как волной отполированный гранит.

Петербург, здесь кладбищенский ветер кружит.
 Рядом с Ксенией – Виктор Кривулин лежит.
 Ночью камни кладут – создается храм...
 И уходят обратно к Христу по утрам.

Этот город, этот город, этот город
 бесы жалуют и Ксения хранит.
 Этот говор, благородный тихий говор –
 как волной отполированный гранит.

Петербург, здесь прославлен любой уголок.
 Здесь вдоль Пряжки гуляли и Бродский, и Блок.
 А по Невскому гоголем ходит поэт,
 у которого всё ещё имени нет...

Этот город, этот город, этот город
 недобитая Поэзия хранит...
 Этот говор, благородный тихий говор –
 как волной отполированный гранит.

Петербург, хорошо, что не здесь – мавзолеей...
 Что не так уж ты стар в свой седой юбилей.
 Петербург, у тебя ещё всё впереди!
 Петербург – и торопится сердце в груди:

В Петербург, в Петербург, город пург, Петербург,
 Петербург....

Этот город, благородный строгий город
 Танк не сломит, Бог и музыка хранит.
 Этот говор, многолюдный тихий говор –
 как волной отполированный гранит.

Этот город, златошпильный этот город
 чёрт не купит, если мэрия хранит...

Этот город, трёхсотлетний этот город
 дождь не смоеет, Бог и молодость хранит!
 2002

ИЗ ЦИКЛА «ДВЕНАДЦАТЬ ПЕСЕН»

* * *

Чтобы все флаги были у нас в гостях,
 Город великий строится на костях.
 Но и царю великому не перечь:
 Сгинем в болоте, если костями не лечь.

Восемнадцатый век начинается здесь:
 У лиловых разливов Невы.
 И, глядишь, поубавится шведская спесь
 И боярская ярость Москвы...

Чтобы все флаги были у нас в гостях,
 Город великий строится на костях.
 Но и царю великому не перечь:
 Сгинем в болоте, если костями не лечь.

Позже время придёт купола золотить,
 Нынче – потом скрепляй кирпичи!
 И не жалко за город такой заплатить
 Светом тоненькой жизни-свечи.

Чтобы все флаги были у нас в гостях,
 Город великий строится на костях.
 Но и царю великому не перечь:
 Сгинем в болоте, если костями не лечь.

Петропавловской крепости прям силуэт,
 Пушки полдень торжественно бьют.
 И не скоро ещё зашуршит парапет –
 Ленинградских влюблённых приют.

Чтобы все флаги были у нас в гостях,
 Город великий строится на костях.
 Но и царю великому не перечь:
 Сгинем в болоте, если костями не лечь.

Отраженья и листья дрожат и горят
 И скользят в тишину глубины.
 И двенадцать Коллегий построятся в ряд,
 Как двенадцать элегий, стройны.

Чтобы все флаги были у нас в гостях,
 Город великий строится на костях.
 Но и царю великому не перечь:
 Сгинем в болоте, если костями не лечь.

Город в скобках мостов и в кавычках эпох
 Станет лучшим безумствам виной:
 Достоевского хрипы и пушкинский вздох
 Будут слышать жильцы за стеной...

Чтобы все флаги были у нас в гостях,
 Город великий строится на костях.
 Но и царю великому не перечь:
 Сгинем в болоте, если костями не лечь.

Он взойдёт, восхищённый твореньем, творец
 На звенящего медью коня,
 Чтобы узреть диковинный Зимний дворец
 И на Невском – тебя и меня...

Чтобы все флаги были у нас в гостях,
 Город великий строится на костях.
 Но и царице попусту не перечь:
 Сгинем в болоте, если костями не лечь.

Катерининский век, Лизаветинский век –
 Это детство твоё и моё.
 И с почтеньем садится сиятельный снег
 На чугунных узоров литьё.

Чтобы все флаги были у нас в гостях,
 Город великий строится на костях.
 Но и в чахотке - зодчему не перечь:
 Сгинем в болоте, если костями не лечь.

Это больно, когда вырубается бор
 И доносится стон каторжан.
 Обними же нас крепче, Казанский собор, -
 Всех твоих горожан-прихожан!

Чтобы все флаги были у нас в гостях,
 Город великий строился на костях.
 Здравствуй, окно в Европу, - смотри, страна!
 (Шведу грозить не станем – нальём вина...)

КОНИ КЛОДТА

Всяк кулик – своё болото,
 Вот и я безмерно чту...
 Кони Клодта, кони Клодта
 На Аничковом мосту!
 Чем вы дальше – тем вы ближе,
 Теплокровнее, родней.

Хоть в Берлине и в Париже
 Столько вздыбленных коней...
 Но сквозь мира позолоту
 Проступают налету
 Кони Клодта, кони Клодта
 На Аничковом мосту!
 Память сердца – наше иго.
 Только выдохнешь, греша:
 Над Венецией квадрига
 Вероломно хороша...
 А в виски стучится кто-то:
 Это значит, - на посту
 Кони Клодта, кони Клодта
 На Аничковом мосту...

У степных – такие лица!..
 (Пастернаку ль – не родня?..)
 Можно запросто влюбиться
 В грустноглазого коня...
 Распахнуть ему ворота!
 Но – врываюся в мечту
 Кони Клодта, кони Клодта
 На Аничковом мосту...

И – сошедшей капитанкой
 С корабля уплывших лет -
 Надломить бы над Фонтанкой
 Свой прощальный силуэт..
 Лист осенний... Чья-то лодка...
 Но...
 Не пустят за черту
 Кони Клодта, кони Клодта
 На Аничковом мосту...

Город мой, твои таланты
 Разбрелись по всей земле...
 Но вернутся иммигранты
 Строить новые пале!

Здесь высокой жизни нота!
 И звучит, вплетаясь в быт,
 Имя Клодта, имя Клодта –
 Стук
 приглушенный
 копыт...

ВЕРСТОВЫЕ СТОЛБЫ

Верстовые столбы, верстовые столбы
 от Фонтанки – до Средней Рогатки.
 Это в книге моей бесприютной судьбы
 на счастливую память закладки...

Город Родины был, а не гордый союз,
 как матрёшки, лукавых республик.
 Здесь Растрелли растлил мой неопытный вкус
 и Филипповской булочной бублик...

Верстовые столбы, верстовые столбы
 от Фонтанки – до Средней Рогатки.
 Это в книге моей бесприютной судьбы
 на счастливую память закладки...
 Я хочу, чтобы город меня вспоминал,
 как на мост опоздала к разводу,
 Как обвёл нас вокруг пальца Обводный канал
 и как вывел на чистую воду...

Верстовые столбы, верстовые столбы
 от Фонтанки – до Средней Рогатки.
 Это в книге моей бесприютной судьбы
 на счастливую память закладки...

Завяжите глаза, - я приду наизусть
 с Петроградской – к подножью атлантов.
 И в шершавую тёплую стену уткнусь
 тихой девочкой в бабочках бантов.

Пряча профиль зловещего Данте
И Ахматовой смертную грусть...

РЕЦЕНЗИИ, ОТКЛИКИ, СТИХИ-АССОЦИАЦИИ

Элла Гоник

С любовью к великому городу...

Очень сожалею, что автора нет в живых, и нельзя лично ей выразить восхищение строками...

15.04.2011

Олег Малашенко

* * *

*...Нева, как дама на балу,
Волнуется в привычном блеске.*

У парапета – Достоевский...

Как перст.

Один.

На всю страну!

23.08.2011

Светлана Самарина

Моё огромное спасибо!!!

Я не ленинградка, живу в Днепропетровске а если вспомнить историю - то в Екатеринославле!

Тяжело писать автору, которого нет в живых, но во мне

есть уверенность, Вы Там тоже почувствуете моё

восхищение - Вашей любовью к городу (была там единственный раз в жизни) мне захотелось (и за это Вам отдельное спасибо) воспеть мой город!

Да, хочется приехать!

13.11.2010

Гавриил Тишкоев

Ясно чувствуется верный классический почерк, живое слово. Да будет светлая память и вечная блаженная Жизнь

- Ольге!

*С уважением и признательностью ко всем, кто помнит,
любит, чтит память...*

22.10.2015

Елена Куприянова

Верстовые столбы, верстовые столбы...

О.Бешенковская

* * *

*Расшибаются лбы о версты столбовые,
И межа на меже, и империя - в прах,
И рыдают по мёртвым пока что живые,
И везут снова деток в закрытых гробах.*

*Верстовые столбы на прозрачных границах,
Где колючкою ненависть в душах людей.
И такая война, не сказать, не присниться,
А гордились Союзом - матрёшкой своей...*

*Даже маленькой хочется быть самостийной,
Пусть Матрёна, Матрёша, Матрулька она,
Но обижена та, что была самой сильной,
Что сестёр покрывала до самого дна.*

*Нет столбов верстовых, есть шоссе-танкодромы.
Всё нещадней орёт и грозит вороньё.
Сиротливо окно разбомблённого дома
Смотрит в небо: «Господь, где же слово твоё?»*

Мария Магур

Как приятно читать настоящую поэзию.

Спасибо Алексею, ведущему страничку БОЛЬШОГО ПОЭТА!

03.02.2010

Теней друзей порука круговая...
 На честном слове держится душа.
 На честном слове...
 Крепче - не бывает.
 2001

* * *

Помню, как это было: письмо - из-за рубежа...
 Ну, конечно, разрезано... (Эти ли станут стесняться...)
 В коммуналке соседи, на штемпель косясь, сторонятся
 и швыряют картошку в кастрюли, от гнева дрожа.
 Этот странный придуманный мир... Даже чуточку жалко...
 Этот люмпенский пафос то ярости, то доброты.
 Если кто-то помрёт - в шесть ручьёв голосит коммуналка,
 и несёт виногрет, и дерётся за стол у плиты...
 Где теперь вы, соседки, чьи руки пропахли минтаем,
 а песцы - нафталином... Да живы ли? - Ведает кто...
 Иль сердца разорвались, узнав, что, хоть в космос
 летаем,
 но в других-то мирах: что ни осень - меняют пальто...
 Донесли ли до вас басурманского Запада ветры?
 Вот и нет уже в «Правде» размашистых карикатур
 на чужих президентов... Я помню квадратные метры,
 По четыре - на жизнь... (Написись-ка на всех кубатур...)
 Эта горькая честь, эта гордая участь Победы ...
 Как блестяли медали, и слёзы, и ткань пиджаков...
 А ещё был алкаш, он без вилки - руками - обедал,
 и мечтал, что весь мир скоро освободит от оков...
 Он дверьми громыхал на крамолу моих разговоров...
 Телефон - посреди коридора, прибитый к стене -
 на бордовых обоях среди золотистых узоров,
 что поблекли давно и достались дописывать - мне...
 Может, так и пестреют друзей номера... Или всё же
 Разразился ремонт и явился хозяин всему...
 И - конец коммуналке. И сгнули пьяные рожи.
 Как вишнёвый мой сад... Так затеплю хоть строчку ему...
 2001

* * *

Как проста в России нищета:
 Нету хлеба - понимай буквально...
 Блюдо ослепительно овально,
 Как ночного тела нагота.
 Вот и эта пройдена черта.
 Время - вспоминать сентиментально...

Уходя - не медли, уходи -
 Или мозг взорвётся в одночасье...
 Господи, какое это счастье,
 Если только юность позади...
 А теперь - и родина.. В груди
 Как в стране - разруха междувластья.

И куда мы каждый со своим
 Скарбом скорби... Тёмен сгусток света.
 Постоим. Рука в руке согрета.
 Зябко, но не холодно двоим.
 И услышим в шорохе руин
 Лепет листьев будущего лета...
 1996

* * *

У эмигрантов не было взрывчатки,
 Им было всё - действительно - равно...
 Они меняли страны - как перчатки,
 И всюду пили терпкое вино.

И сторонились праздников народных,
 И если шли - то в смертный батальон,
 Чистопородных предков благородных
 В непропитый защёлкнув медальон...

А если Бог давал ещё попытку:
 Гарсоном - в бар, извозчиком - в такси, -
 На ветровое клеили открытку,
 Шепча почти молитвенно: «Росси...»

Я тоже здесь, мне тени их всё ближе...
 Горчит лимон, изранивший вино...
 И я, ночами шляясь по Парижу,
 Не проиграю память в казино!
 1997

* * *

Право, славно - выпить православно,
 Захрустев огурчиком огонь...
 Как вы там Петровна, Николавна
 И другие образы тихонь?..
 Как вам спится на железных буклях?
 Также ль тянет свежестью с реки?
 Ваши руки тяжестью набухли
 Как на ветках - яблоч кулаки...

Вольно вам в предутреннем тумане
 Путь заветной тропкою продля...
 ...Никаких Америк и Германий:
 Лишь деревня Редькино - Земля!..
 Мне за вас и радостно, и жутко;
 Вот звонит наш колокол по ком...
 Ну а дочки... Дочки ...в проститутки
 Убегли - как были - босиком...
 1997

* * *

Плохо человеку - одному.
 Жмётся к церкви. Просится в тюрьму...
 (Так и сублимируются семьи...)
 Хоть к какой-то общности примкнуть,
 закурить, налить и помянуть
 на одном дыхании со всеми...

И когда б Христос ни пролетал,
 наши даты – только ритуал,
 ибо все мы жаждем ореола
 над его измученным челом.

Ибо он, боровшийся со злом,
сам же стал и жертвой произвола...

Человек не так уж виноват,
что кричит восторженно «виват!»
в дружном хоре, к коему приткнулся.
И, конечно, вовсе не подлец
гений нибелунговых колец, -
просто он с другими разминулся...

Что там Заратустра говорил?
Говорил, что мы не из горилл,
но столкнулся с обезьяним веком...
Кто дожить сумеет до седин,
гордо и несомненно, один, -
должен быть и впрямь сверхчеловеком...
Радуюсь нечаянной судьбе:
мне везде чуть-чуть не по себе –
и не кошка, и не канарейка...
Песнь моя царапает, летя.
Кто я? Духа блудного дитя:
русская – в Германии – еврейка...

Плохо человеку одному?
Вот и славно: мысли по уму
подберём, и чувства – по карману
на груди... А праздновать? - Бог весть,
с кем, когда...

Покуда силы есть,
Не поддамся сладкому обману...
2004

* * *

Провинция, ты рай для Хлестакова,
Весёлого, хвастливого такого,
Он даже обаянья не лишён
В провинции, лишённой обонянья...
Всё кстати: и подцепленные знания,
И скользкий, на закуску, корнишон.

Я думаю, что Гоголь от героя
 В восторге не был, но ему порою
 Благоволил, подначивал: - Чеши!-
 Они давно заждались ревизора...
 А ты, мой друг, не сбрендишь от позора -
 Я не вложил стыдящейся души...

И Пушкин, подсказавший эту тему,
 Злорадствовал: - Примите хризантему,
 Мамамы, недостойные любви
 Смущённого российского пиита,
 Кто знал, чем зажигаются ланиты...
 Но... ум и злость! И честь, её язви...
 И я в своей неметчине унылой
 Всё не могу собраться с новой силой,
 Да и зачем - ведь сказано уже...
 Всё как всегда на этой тверди зыбкой...
 Перечитаю Гоголя с улыбкой -
 И жизнь светла, и ясно на душе.

Поглубже втянем дым - и приглядимся:
 Благоухают наши проходимцы
 По всей Земле в салонах дураков.
 И в глубине гогочущих провинций
 Кончают век российские провидцы,
 Лелея боль от сорванных оков...
 1998

РЕЦЕНЗИИ, ОТКЛИКИ, СТИХИ-АССОЦИАЦИИ

Головин

«Как вы там Петровна, Николавна,/ И другие образы
 тихонь?..»

*И другие пронзительные и пронзающие строки -
 перечитывать и перечитывать.*

Алексей, спасибо. Благодаря вам Ольга с нами.

03.03.2011

Александр Сафронов

Это - настоящее. Даже как-то боязно после повседневной лжи, мишуры.

26.03.2011

Георгий Лагутин

«Поглубже втянем дым - и приглядимся:

Благоухают наши проходимцы

По всей Земле в салонах дураков...»

Концовка великолепна! ...аллитерации просто великолепны:

«гогочущие провинции...» - вкусный образ.

27.03.2011

Ольга Панина

Сложные, проникнутые чувством стихи... Видно, радостно нам надо научиться жить здесь и сейчас, чтобы не было больше «Вишневых садов». Разница лишь в том, что тогда мы просто (не в смысле быта, а в смысле чувства) жили, а сейчас думаем про то - как и чем живем... Видно пришло время анализа - и жизни своей, и судьбы Родины, и всех нас... Спасибо за ностальгическое щемящее чувство.

Ольга.

16.02.2013

Владислав Свещинский

Спасибо ей за то, что легче жить становится, когда стихи читаешь, которыми она жила...

18.12.2013

Наталья Мурадова

Как проста в России нищета...

О. Бешенковская

А в России нищета – тщета,

Родины особая примета.

Хотя вроде щи есть и котлеты...

*В охладелом сердце пустота.
А надежда нищенкой с моста,
Прыгнет, нет ли - донага раздетой?
Иль судьбы ещё одна верста,
Заслонит её от жизни ветра?*

*А в России нищета - тщета.
Сколько ты на жизнь свою не сетуи,
За границей не спасут счета,
Если глухо сердце к чужим бедам.
А в России нищета – тщета,
Если вдруг завидуешь соседу,
Если исчезает простота,
Незнакомца пригласить к обеду.*

*Только даль небесная чиста,
Полномочий к пересудам нету.
Русь, ты у художника с холста
Мне откройся... я к тебе приеду.
А в России нищета - тщета.
Только красоте природы верю.
Верю в то, что счёт моим потерям -
Словно гроздьям, сорванным с куста.*

*А в России нищета – тщета...
Но наступит время, я уверена,
Вновь сердца наполнит доброта,
Солнца луч откроет счастья двери...*

*Не судите строго. Вот такие стихи родились у меня после
прочтения стихотворения Ольги Бешенковской.
Светлая ей память!*

ПАМЯТИ ПОЭТА

* * *

Слава богу, что так, в Елабуге,
 а иначе бы шли за гробом
 равнодушно смурные лабухи,
 каждый – нанят, и каждый – робот.
 А в Париже или в Берлинии
 провожали бы языками
 злыми. Платьями – сплошь павлиньими.
 (Время – бросить последний камень...)
 Кто травил – тот бы первый – плаксою
 над челом, что уже увенчано...
 Если мазал при жизни ваксою,
 возопил бы: «Святая женщина!»
 Ты и так им, как Богородица,
 отдала всё своё святое...
 Не страдают от безработицы.
 Не бывает у них простоя:
 расшифровывают, печатают,
 набиваются в фавориты...
 Хорошо, что ушла, печальная,
 прямо к Богу! – Без волокиты...
 И - поклон тебе от поэзии.
 И – ночной мой дрожащий шёпот...
 Мне легко танцевать по лезвию:
 у меня – твой бессмертный опыт...
 2004

* * *

Провинциальный мой покой
 встревожит разве телеграмма...
 Пригубить три бодрящих грамма
и надломиться над строкой...
 Да не своей, а Мандельштама.
 Наверно, я уже в раю,
 поскольку так и представляла

обитель тихую свою,
 где кружка, книжка, одеяло.
 А если кто-то скажет: «Мало...» -
 Глупец! Над бездной... На краю...
 Спартанский, нет, германский дух,
 нет, философия солдата
 в любом бою: обнимешь брата - и рад.
 И жизнь - жужжанье мух!
 Вон, заплутавшая, одна
 все бьётся в свет, слюду ломая...
 Какая разница, какая
 эпоха, непогодь, страна...
 Немного красного вина,
 немного памятного мая...
 Вздохни. К окошку подойди...
 А там - там целые романы:
 голубоватые дожди,
 голубоватные туманы...
 И в белой плесени платаны,
 как в седине... Как - позади...

* * *

*Лене Дунаевской,
 кухне Полины Беспрозванной
 и подвальной кошке Тине,
 нашедшей приют.*

На кухне, в полночь, о Цветаевой -
 Какое счастье, мы в России...
 Друг друга потчевать цитатами
 И задыхаться от бессилья,
 Рискуя доказать, что гении
 Не подчиняются порядку...
 ...Здесь всё ещё местоимения
 Ночами делают зарядку.
 Мне хорошо. Я снова думаю
 О сути, а не о сутяге.
 Храни, Господь, каморку дымную,
 Не позабывшую бродяги,

Что в жизнь пустившись карнавальную,
 Мечтал, напрыгавшись по миру,
 Ласкать чумазую, подвальную,
 Свою взьерошенную лиру...

* * *

Будто в царстве теней – так тиха эмигрантская жизнь.
 Только – чу – за спиной – хитроумные шорохи лисьи.
 Вот и осень опять. Разноцветная память, кружись!
 Прижимайтесь к ногам, потерявшие родину листья...
 Это время моё: золотая, без грязи, печаль.
 Паутинка блестит... Обойти, не задев паутинку.
 С неуютом в крови не Господь ли меня повенчал?
 (Если тесно ступне, то едва ли просторно ботинку).
 Что-то исподволь жмёт... Может, строчка о Царском селе,
 Где лицейское братство бродило в дешёвом портвейне...
 Оголилась душа. Разметало друзей по Земле.
 И не верность в цене, а наёмный убийца – ротвейлер.
 Я породы не той. И не тех предприимчивых вер,
 Что идут нарасхват: кто – в сутаны, а кто – в бизнесмены...
 Мне явилась звезда, полуночный небесный курьер,
 И велела не знать сотрясений плебейской арены.
 Молча в чашу уйти, чтоб и солнечный луч не сыскал,
 Чтобы вечнозелёной тоскою душа искололась:
 И сверкнёт, и окатит такой колокольный вокал,
 Что отпрянешь на миг, не узнавшая собственный голос...
 2002

* * *

Интернет заменяет книгу, как интернат - родителей...
 Оказалось, шелест страниц был её содержанием.
 Что там лепечут листья?
 Ваятелей и воителей
 мир вспоминает позже, занят подорожанием.
 Вот ведь какое выпало: дальние трогать страны...
 Мало того, - эпоху, прежде невероятную.
 Впрочем, как все эпохи...

Осенние ветераны
 роняют медали наземь. И клятву, уже невнятную...
 Кто победил? Не знаю. Наверно, размах строительства.
 (Поле, о, поле, кто тебя усеял сплошь лагерями...)
 Если в отставку выйдут все на свете правительства,
 Бог и сам разберётся... (Я ему доверяю.)
 Буквы дышат под пальцами, как позвонки под кожей.
 Помнит ли клавиатура о родстве с фортепьяно?
 Впрочем, все формы жизни друг на друга похожи,
 как и её герои: Чапаев - на Дартаньяна...
 Скушно мне, брат Пелевин, чаянья насекомые
 не увлекают. Живопись? Чёрен квадрат монитора.
 Дети учатся падать, упрямые, босикомые...
 Не в этом ли смысл страдания: саднящий восторг повтора?
 Шуршат биржевые верлибры. Поэт начинает ёрничать.
 Торговые люди крутятся у Библии и Корана.
 И вдруг вослед Вавилонской - заносчивые нью-йоркские.
 О, мир, отшатнись от зеркала - в нём жертвенный взгляд
 барана.
 А как ведь всё начиналось... Как это стихотворение:
 с технического прогресса и щепотки иронии...
 Верни нам слухство и зрячество, Господь, и крупинку
 Времени:
 Всё прочее - только к распрям... Имели - да проворонили.
 2004

* * *

В полвека век свой доживать -
 Какая, в сущности, банальность...
 Вот - стол, вот - лампа, вот - кровать,
 В родимых пятнышках бананы...
 Как благодарны все за них ...
 (Для обезьяны нет чужбины...)
 А мне и стопка новых книг
 Не в силах скрасить именины.
 Там - Ангел мой, где был мой чёрт,
 Где неба синего - с овчинку,

Где по лицу ливня течёт,
 Где счётчик Гейгера стучит,
 Где слову русскому - почёт
 И робкий лист преник к ботинку...
 1999

* * *

Кладбищенский Ангел мне дверь отворил,
 Велел подождать за оградой...
 Родители вышли, касаясь перил
 невидимых, вея прохладой...
 Дыханье - как взрыв у высоких ворот
 в незримом присутствии Лика...
 Ну что вам сказать? Продолжается род,
 и нежно цветёт земляника...
 И совестно вымолвить что-то ещё
 И на этом наречии бедном...
 И сходит заря, как румянец - со щёк,
 и небо становится бледным...
 И с места - не сдвинуться, будто нога
 вросла... Онемевшие чресла...
 И женщина в чёрном торопит, строга...
 А женщина в белом - исчезла...
 1997

* * *

Как хочется, отринув графоманов,
 перечитать восторженно словарь...
 Он сам – роман (взаимней всех романов),
 он в полутьме блистающий алтарь.
 Я подхожу с волнением к полке книжной,
 протягиваю руку наизусть...
 И больше нет назойливой, облыжной,
 придуманной реальности... И пусть
 слова бессвязны, - так ещё острее:
 последний шёпот... нежный монолог...
 И это жизнь. Галоп её хорая.
 И взорванный дыханьем потолок!

Я все пятьсот страниц читаю слитно,
И смысл, и ритм, и фабулу нашед...
Осколки слов, сверкнув метеоритно,
опять срослись в Божественный сюжет.
2002

РЕЦЕНЗИИ, ОТКЛИКИ, СТИХИ-АССОЦИАЦИИ

Анна Хорватова

Да, «гении не подчиняются порядку»: у Ольги своя ритмика, сплошь редкие эпитеты, не говоря о метафоричности... А какой словесный поток! И в то же время всё понятно - о той жизни поэтов андеграунда...

*Стих «На кухне в полночь о Цветаевой» меня особенно заинтересовал ещё и потому, что в посвящении увидела имя Полины Беспрозванной. Сразу вспомнилась юность, стройотряд, где мы с ней жили в одной палатке. А на память она вписала в мой дневник чудесный стих и к нему набросала зарисовку: образ юной девы. И Полина, будучи физиком, стала Поэтом... Сейчас я нашла её страницу в «Контакте», почитала стихи (заодно и Елены Дунаевской), узнала о широком круге интересов... Как тесен мир! С уважением. Анна
28.02.2013*

Наталья Мурадова

Интернет заменяет книгу, как интернат - родителей...
Ольга Бешенковская

* * *

*Так трепетно, так мудро и легко
Способны говорить не многие поэты.
Вычерпываем мир из Интернета...
А за окном листвы уж молоко*

*Бурлит и пенится...
И странные сонеты ко мне летят.
Ловить душой легко
Случайных строф осенние приметы.*

*Так искренне, по-детски, так легко
Мы доверяем чувства Интернету.
Но наше одиночество при этом
В душе свивает прочное гнездо.*

*И скажет кто-то, мне не повезло,
Быть понятой лишь на Планете Интернета,
Я докажу, что верю в ремесло,
Служа ему душою беззаветно.*

*Как трепетно, как мудро, как легко,
Раздарит осень листьев амулеты,
И ветви их поднимут высоко,
Со стаей журавлей прощаясь в небо.*

*Мир вечной красоты недалеко,
Коснуться чуть его душою мне бы,
Мешает лишь оконное стекло
И песнь тревожная степного ветра.*

Елена Куприянова

А как ведь всё начиналось... Как это стихотворение:
с технического прогресса и щепотки иронии...

О. Бешенковская

*Круглые даты множатся,
Одна к одной - позванивают!
У прогресса новинок множество,
Всё названья, названья, названия...*

*И тут без щепотки иронии,
Согласна, никак – нельзя.*

Гордость свою уроним ли,
Профукаем ли ферзя...

Уходят и слух и зрение
(Зрячество и слухство),
А биржевого мышления -
Как не было, так и нет.

Зато вот - моё почтение
И поклоненье – искусству:
Саднящий восторг - парения
И строчек шальной пируэт.
04.09.2014

Гейя Коган

«Я ему доверяю...» И я доверяю тоже.
Лишь потому, что больше некому просто.
Читаю стихи - и мурашки бегут по коже.
Это озноб души как болезнь роста.
14.03.2015

Нина Уральская

Жива страница автора, значит и жив Он сам!!!
Спасибо огромное! Очень хорошие стихи!! Трогают!!! То
тревожат, то радуют... Не оставляют равнодушной!
23.01.2013

Владислав Свещинский

Так хорошо, что и сказать не умею.
04.09.2014

БОЛДИНСКАЯ ШТУТГАРТСКАЯ ОСЕНЬ

* * *

Болдинская штутгартская осень...
 Тютчевские мюнхенские зимы....
 Мы – невыразимы, и не очень
 Сами на чужбине выносимы.
 Всё нам здесь не так и не такое...
 Вот ведь и шампанское – с обманом:
 Видите, написано «сухое»?
 Мокрое, коль плещет по стаканам...
 Что это, скажите, за томаты?
 Дутые, на химии тепличной...
 (Наши пестициды и нитраты
 Выглядели всё же симпатичней...)
 Тонкие язвительные жала
 Тихого немецкого уюта...
 Вот ведь и Цветаева сбежала...
 В петлю, но сбежала почему-то...
 2000

* * *

В нелюбимом городе жить,
 ненадёжные руки жать.
 А во сне - над страной кружить,
 из которой мечтал сбежать...

По делам беглецу – уют,
 поделом ему грусти яд...
 Тут скучают, а Там – поют,
 И всю купола сият!

Православного слова мёд
 всё течёт по моим устам.
 Всяк услышит, а кто поймёт?
 Первый встречный: не тут, а Там...

Кто в свободу купил билет,
 знает, как цена высока...
 Вон и рифма как пистолет
 взмыла, вспыхнула у виска...
 2004

МОНОЛОГ

Пожелайте мне долгие лета!
 Я – песчинка нездешних морей,
 Неприкаянный житель планеты,
 Заблудившийся русский еврей...
 Всё чужое: и паспорт, и говор,
 Всем чужое – куда ни приткнись...
 Без названья кубический город
 Громоздится и светится ввысь!
 Не почетно, но и не позорно
 Поискать своё счастье вдали.
 Прорастают прогорклые зёрна
 Из растресканной жаждой земли
 Сквозь песок, через дыбу и дамбу...

И однажды, шагнув напролом,
 Смуглый воин из племени Мамбу
 Прослезится, и скажет: «Шалом!»
 2000г

* * *

И как будто опять сотворенье начал:
 виноградная дрожь и сгущение красок...
 Но всего только шаг до срывания масок
 и уже не Венеция - голый причал...
 Никогда не стремилась, «чтоб как у людей...»
 Может, Ангел Судьбы за терпенье потрафил...
 И клюет с бело-розовых рук площадей
 ястребиное зренье российских метафор.

Я пила и хмелела полночный Нью-Йорк
 из высотных бокалов (навыдумал зодчий...)

И теперь если сердце отчаянно «ёк» -
значит, в доме случайном почудился отчий...

Я читала размытых огней письма
в перевёрнутых книгах и Сены, и Темзы...
Отпусти мою руку. Шершава она.
Это в детстве...Чернила... Напильником пемзы...
1997

* * *

Черепичные крыши, угрюмые башни
и сомкнувшие плечи холмы.
Здесь недавно сверкали щиты в рукопашной
и сандали не знали зимы...
Прохожу я – буквально – историю Рима,
негодую, ликуя, устав.
Слишком поздно ты выпал мне, путь пилигрима –
Острой болью пронзает сустав.
Эта жизнь интересней любых описаний:
Сноски ветра и шелест цитат...
И случался не раз под ея небесами
Соблазняющий ангелов сад...
Все пути неизбежно приводят к началу
и к ногам заскоружлым Творца...
И поскольку я душу ни с кем не венчала –
От Сиянья не спрячу лица...
Расскажу, что грозы накопились в природе,
что на брата – по-прежнему – брат...
Но сандали римские всё ещё в моде,

и течёт золотой виноград
по щекам, по рукам, по древесному телу –
здесь, на склоне, замру и вращу...
Нет сил добираться к иному пределу
и судьбы – на другую мечту.
Растопырены ветки, со словом не сладить.
(Хорошо хоть, - жила налегке...)
Бог услышит меня из моих германландий
и на русском поймёт языке...
2004

* * *

Кизила яркие молекулы,
 Кровинки, красные тельца...
 И пахнет возрастом календулы
 И назиданьями отца...
 Мне летний Крым - всегда каникулы.
 Забыты происки Калигулы,
 Бонжюр, повадки сорванца!..
 И вот, наивней Пиросмани, я
 В Европу радостно лечу.
 Мне дарит Южная Германия
 Кизил, каштаны, алычу.
 И немцы - нет, не виноватые,
 Заносчивые - по домам...
 И слёзы слив продолговатые
 Текут лилово по холмам.
 С балконов пряно пахнет грилями,
 Стоит пожарами герань.
 А по холмам - ступали римляне,
 В ту, догераневую, рань...
 Подсолнух медленно вращается,
 И воздух жадно ловит рот...

А детство - нет, не возвращается...
 И ничего не воспрещается...
 И сердце скорбно причащается
 Судьбе бездомных и сирот.
 1999

* * *

Раньше снился Париж:
 весь в дрожащих огнях -
 разноцветных драже...
 (Что, наскучил уже?..)
 Сладкий привкус мечты,
 конфетти Писсаро
 и дождей мулине,
 и Моне...
 Сквозь сиреневый сумрак,
 скупясь, проступали черты...

Инна Гаврилова

*В нелюбимом городе жить и над старым гнездом кружить,
где во сне даже не избыть той разлуки печаль... Спасибо
Ольге за её правдивое слово и трепетную душу. Светлая
память! С поклоном, Инна.*

11.03.2016

Валентина Кайль

*Светлая, добрая, вечная память замечательному русскому
Поэту!*

С любовью и скорбью,

27.05.2013

Ирина Константинова-Збарская

* * *

*Сколько нас разметало по свету...
Поиск счастья - конечно причина.
Но намного важнее поэту -
Быть услышанным в хаосе мира.
Отозваться ответною строчкой
И слезинкой, и доброй улыбкой.
Смерть не будет поставленной точкой
В многоточии вечности зыбкой.
Надеюсь, ещё не раз буду возвращаться на эту страницу.
Стихи Ольги требуют вдумчивого, серьёзного
прочтения.... И перечтения, перечувствования.
С уважением. Ирина*

03.08.2012

Елена Куприянова

* * *

*Расскажу, что грозы накопились в природе,
что на брата – по-прежнему – брат...*

О.Бешенковская

*Нам такая жестокая выпала карма,
Что на брата, по-прежнему, - брат,*

И страна наша снова - большая казарма,
 Сапоги и портянки где - в ряд.
 Ничему нас не учит история Рима,
 Да и прочих империй обвал.
 Депутат из Москвы мчит в объятия Крыма,
 По европам детей расовав.
 Перепуталось всё. Сталин бродит в народе.
 Бьется батько-рубака Махно,
 И грозы до краёв накопилось в природе.
 Польшнёт? Громыхнёт? И не всё ли равно?..
 13.10.2014

Владислав Свещинский

«Раньше снился Париж...» - как перекликается с великим
 Доном Аминадо - про узкоколейку из Парижа в Елец... Как
 это понятно и со-чувствуемо, а, значит, близко. И при всём,
 притом, прекрасно написано.
 Дал Бог таланта и печали...
 25.12.2013

Анна Хорватова

Здравствуйте, Алексей! Давно не общались: и я стараюсь
 не отстать от времени - пишу о насущном... Последнее
 предложение: «Всё прочее - только к распрям... Имели - да
 проворонили» - как нож по сердцу: да, проворонили, утопили
 в распрях и спорах. Истинный поэт - провидец: кажется,
 что Ольга и там держит руку на пульсе... Есть у меня и
 «насекомые» Пелевина, нисколько не затронувшие. А вот
 этот стих не отпускает - мир «занят подорожанием»,
 «правительства запросто можно отправить в
 отставку»...
 Всё на злобу дня и в предвкушении всемирного ужаса...
 Прочитала и другое из нового - спасибо!!!
 13.03.2015

Людмила Баневич-Гаврилюк

Очень масштабное, философское, глубокое. Всё – на злобу
 и боль дня. Низкий поклон автору!
 15.02.2015

Владимир Крек*...Великолепная, глубочайшая поэзия. Очень актуально!*

06.02.2015

СТИХИ НА ПЕСКЕ
(Израильский дневник)***Всем друзьям посвящается***

* * *

И горы облаков, и кактусов отары,
 двугорбый божий бомж над папертью песка...
 Здесь так чисты цвета... И мы ещё не стары.
 И птица на лету касается виска.
 О, родина всего! О, пафос Палестины!
 О, живопись пустынь - причудливей Дали!
 Льдовеющая соль. Блаженные крестины
 в Отеческих руках... Купель. И корабли
 исчезли. Стёрт прогресс. Ни дыма. Ни детали
 терновых наших дней. Вернулся в окоём
 первоначальный смысл.

И след Его сандалий
 впечатан в твердь воды и солнцем напоён...

* * *

Сколько в компьютере божем оттенков зелёного -
 я никогда ещё в жизни не видела столько!
 Здесь, в Галилее, спасенье от времени оного,
 словоубежище... И кисло-сладкая долька
 (не леденец химиядный - плоды трудовитые...)
 Солнце гончарное, скрипнув, за кадр опускается.
 Овны библейские, к жертве любовно завитые,
 так безмятежны, что фотозатвор спотыкается...
 Патриархальное, ветхозаветное, горнее
 ширится небо - чем выше тропинка топорщится.

Совестно в рифму, - изыди, как бизнес - игорная...
 Дай надышаться псалмами...
 (Примолкла, притворщица.)

* * *

Мой друг опять невыездной -
 Как много лет тому...
 И не заполнить обходной
 В пылающем доме.
 «Наш дом – Израиль» - говорит.
 Бездомный бледный грач...
 Щебечет весело иврит
 И прячет вечный плач.

Он не банкир, не спекулянт,
 Мой старый добрый друг,
 Лишь любопытный эмигрант,
 В пески - из белых вьюг.
 И вот сидит он, весь в долгах,
 В компьютере сидит..
 Мешает думать о богах
 Профуканный кредит.
 Мой друг ни в чём не виноват,
 Он - из породы птиц...
 И если завтра новый ад -
 Он первый в Аушвиц.

Он входит в Кнессет, глух к речам,
 Неловкий, как верблюд.
 И люб Шагал его очам,
 И скушен прочий люд.

Он отвечает невпопад,
 Но встать «в ружьё» готов
 Мой друг - печальный депутат
 От партии цветов...

* * *

То ли ломится бешеный яркий ландшафт,
 то и дело меняясь, в стекло ветровое?
 То ли фрески Шагала до звона в ушах
 разрослись, и смыкаются над головою?
 Всё возможно под куполом этих небес,
 где в прищуре солдата - печаль Авраама,
 где пилястрами стройными лепится лес
 и однажды в столетье скворчит телеграмма.
 Как лиловы оливки и как апельсин
 нестерпимо оранжев, на зависть Манджурий...
 Над слепящим песком - паруса парусин
 и араб в неизменном своём абажуре...
 Все мы родом из этих горчичных земель,
 что являют прообраз и ада, и рая,
 где, как в детстве бронхитном, палитровый хмель
 и восторг сотворенья... И сбылся Израиль!
 Я намокшую прядь поправляю крылом
 и не ведаю, сколько веков отмахала...
 И венчает картину, мелькнув за стеклом,
 смуглый ангел пустыни, патрульный ЦАХАЛа...

* * *

Дождик. Муторно. Жди гостинца
 от безумного палестинца...
 Неужели же всё заране:
 брань соседей и поле брани?..
 Бог - он каждому понемногу:
 флягу влаги и хлеб в дорогу.
 Иудею и христьянину.
 (Износилось бельё в рванину.)
 И араба арба палима
 белым солнцем Ерусалима.
 Что же ты натворил нам, Боже!
 Что ни век - то одно и то же:
 кровь и пепел, руины мести...
 Люди жить не умеют вместе.
 ...Я вернусь в свои палестины,
 ребятне раздам апельсины.

А родня мне - борща половник:
 мол, хлебай, отощал, паломник...
 Шагом-шёпотом выйду в город,
 приподняв - от прохожих - ворот.
 Тихо-тихо. После террора
 отдыхает крейсер «Аврора».
 А в парадных того построя
 пьёт народ, разоидясь по трое,
 пьёт и плачет: «Помилуй, Боже...
 (И жидовскую морду - тоже...)»
 Потому-то и ждять Мессию
 не куда-нибудь, а в Россию, -
 где бродяга в лохмотьях ищет
 Книгу Бога на пепелище.
 Скрипка ль плачет? Скрипит телега?
 Острый свет над пустыней снега....

* * *

...Земную жизнь пройдя до половины,
 верней, почти до самого конца,
 я знаю: в птичьих шапочках равнины
 не заслонили Божьего лица.
 Тому, кто нам наказывал: не целься,
 не обмани, будь страждущему - брат,
 милей и ближе ряженных процессий
 поэт, стихи слагающий в шабат...
 Космополит, что пьёт арабский кофе,
 смакуя горечь, сжав до синевы
 осколок моря... Этот на Голгофе
 не отшатнёт от плахи - головы...
 Да, не любил катания на танках,
 чурался пейс, - зато наверняка
 арабских цифр в швейцарских мутных банках
 не прикрывала алчная рука...
 И если все мы, Господи, повинны,-
 прости тобой придуманный народ...
 Земную жизнь пройдя до половины,
 я слышу скрежет Дантовых ворот...

* * *

Лена, Володя, Наташа и Миша.
 Над головой - сионистская крыша.
 А на столе - православная водка.
 (Задраны вверх и кадык, и борода.)
 Из пенопласта двойник Арафата,
 он исподлобья следит воровато...
 Что тебе, чучело? Будешь из банки?
 Мы никуда не въезжали на танке.
 Мы согревали полжизни в котельной
 и Могендовид, и крестик нательный.
 Новый Завет вслед за Ветхим Заветом
 полнили душу терпения светом...
 Спали с лодыжек галерные гири.
 Не потеряться бы в яростном мире!
 Юра и Вася, и Боря, и Лена -
 все мы Петра и арапа колена...
 И отовсюду спешат катастрофы
 в наши до слёз петербургские строфы.
 В мире безумном воинственном этом
 нет закутка бесприютным поэтам.
 Всюду бездомна ты, братия наша -
 Витя, Серёжа, Олежка и Саша.
 Хоть и пришли заповедные сроки
 и из юродивых вышли в пророки...
 Песах ли, Остерн - рванём без закуски...
 Это по-божески. Это - по-русски.

* * *

Храни друзей моих, Господь,
 и в Петербурге, и в Нью-Йорке,
 и во дворце, и во каморке
 крепи их дух, щади их плоть.
 Нам не дано предугадать,
 где нам даровано свиданье,
 на Рейне или Иордане
 окатит светом благодать.
 Я скрытной верою живу,
 что вдруг расступится кромешность,

как тайна жизни, как промежность
и - в звонкий обморок, в Неву!
Не оттолкнёт счастливых слёз,
сомкнёт утешные объятия...

И встретят в белом сёстры, братья...
И впереди - Иисус Христос.

Да, мы и грешны, и слабы,
а всё ж друзей не предавали.
Достойны райских кущ едва ли,
но - взблеска ангельской трубы.
Хотя б за то, что бедовали
и были всюду, где бывали,
лишь бедуинами судьбы...

18-25 февраля 2001. Штутгарт.

РЕЦЕНЗИИ, ОТЗЫВЫ, СТИХИ-АССОЦИАЦИИ

Ефросин Лунёв

«Мой друг - печальный депутат/ От партии цветов...»

*Да, замечательная бы была партия - партия цветов и уж
определенно эта партия - всегда бы была у власти, из-за
многочисленности её поклонников.*

*«Мы согревали полжизни в котельной»... Как особенно мне
близки вот эти строки, потому что и сам я вплоть до 1989
года работал и в котельной, и дворником....*

06.12.2011

Борис Бем

*С Ольгой Бешенковской я познакомился в эмиграции, хотя
наши судьбы в Ленинграде шли по касательной. Мы были
журналистами заводской многотиражной прессы. Прочитав
этот цикл стихов об Израиле, я вспомнил 2006 год, когда
по специальной волонтерской программе служил на
протяжении двух недель в тыловых частях Армии обороны
Израиля ЦАХАЛ. Эта маленькая страна оставила в моём
сердце неизгладимые впечатления. Я постоянно вспоминаю*

личные встречи с Ольгой на творческих вечерах и перечитываю её книги. Мне очень не хватает творческого общения с этим светлым человеком!

17.09.2011

Екатерина Чаусова

Увидела в списке фамилию «Бешенковская» и вздрогнула невольно... Читала её стихи последний раз в журнале «Партнёр», незадолго до того, как её не стало. Долго ходила под впечатлением... Ясно было, что это одни из последних...

27.03.2009

Юрий Колясников

*Светлая память поэтессе!
«Бог - он каждому понемногу:
флягу влаги и хлеб в дорогу»*

С добром! Юрий

05.09.2013

«ДИАГНОЗ» - ПОСЛЕДНИЕ СТИХИ

Цикл «Диагноз», это самая последние стихи, которые Ольга Бешенковская написала уже как прощание с жизнью, зная, что дни её земного существования практически сочтены. Больше о них говорить и не хочется, да и нечего. Эти страшные и прекрасные строки говорят сами за себя...

Алексей Кузнецов

* * *

Ну не торопить же эту дату...
Просто жить, любуясь на зверей.
Белка, лира тёплая, куда ты?
Мы с тобой придумаем хорей!

Сочинить бы солнечную книжку,
Чтобы листья на деревьях – в пляс,
Чтобы кошка в рыженьких штанишках
С холмика за домом поднялась...
Но опять нездешним острым светом
Взгляд мой тихий режет и болит.
Отчего суров Господь к поэтам,
А подонкам так благоволит?
Не ропщу – сравнив судьбу с другими,
Просто жжёт навязчивый вопрос...
Пусть моё бесхитrostное имя
Станет маркой новых папирос:
Господа, курите на здоровье,
Пейте жизнь! Танцуйте в гололёд!
Опрокинет шприц с нечистой кровью,
Или в небе лопнет самолёт.
У Неё в богатом арсенале
Войны, наводнения, слова...
Ну а душу – как бы ни пинали,
Всё равно, упрямая, жива!
07.12.05

* * *

По небу ангелы бегали
и оставляли следы,
лёгкие, розово-белые,
тоньше морозной слюды.
Яркое солнце ноябрьское
тихо за крыши скользят,
было похоже на яблоко,
так, что банальней нельзя.
Вот ведь какая идиллия,
если о жизни всерьёз.
Кремль, и Рейхстаг, и Бастилия
ниже, чем уровень слёз...
07.12.05

* * *

Всё будет так же, как при мне,
 хотя меня уже не будет:
 щербинка эта на луне
 и суетящиеся люди.
 И золотое Рождество
 с его цинизмом, китчем, сказкой,
 и детской правды торжество
 в тетрадке, названной «раскраской».
 Мы наполняем трафарет
 беспечной зеленью надежды.
 Шальной прибой, полночный бред,
 зимы весёлые одежды.
 И вдруг в предчувствии конца
 печаль под сердцем шелохнётся.
 И от Небесного отца
 лицо к земному обернётся.
 Какой отчаянный бедлам
 трудов и дней беспутно ленных...
 И сердце рвётся пополам
 на Здесь и Там, на две Вселенных...
 09.12.05

* * *

Белка считала кошку мою – разбойницей.
 Кошка считала, что белка была нахалкой...
 А по-моему, в мире всё ещё успокоится,
 успокоится, просвистев
 в воздухе
 яркой скакалкой.
 У меня уже очень мало осталось времени:
 90-й Псалом звучит сурово и просто...
 Разбирайтесь сами. Мне дороги оба имени.
 Распахать бы поле, успеть бы посеять просо...
 09.12.05

* * *

не хочу заведовать
 не могу завидовать
 я люблю загадывать
 горло в шарф заматывать
 выйти в город ветренный
 мне одной доверенный
 дождиком пропитанный
 вежливый воспитанный
 где у всех стаканчики
 будто одуванчики
 мне ж ладонь – посудницей:
 выпью каплю –
 сбудется

09.12.05

* * *

Мне опостылела кровать
 И смиренный саван шить...
 Мне надоело умирать –
 И я решила – жить!

Вернуться к прерванным делам,
 К укладке кирпичей
 Наперекор антителам
 И выдумкам врачей.

Любой нарост – не больше гланд,
 И, значит, скажем: нет!
 Что знает бледный лаборант
 О силе наших недр...

О сопромате от Стиха,
 О рифмах начеку...
 Проснёмся раньше петуха:
 Весна, ку-ка-ре-ку!..
 10.12.05

РЕЦЕНЗИИ, ОТКЛИКИ, СТИХИ-АССОЦИАЦИИ**Татьяна Пешкова**

Спасибо... иногда к памяти нужно прижиматься лбом, как к
холодному стеклу... пом-нить... нить помощи - нам
оставшимся...

27.07.2010

Людмила Бенёва-Колегова

* * *

За ней не напишешь и строчки.

Любимый! Я больше не та,

Я вижу моря и листочки.

Ольга Бешенковская

Твои стихи -

нам Школа Жизни.

Как надо верить и любить,

И как над пропастью бездонной

Во ржи любовь свою хранить...

Тебя уж нет...

а мы приходим...

и снова учимся дышать,

когда уж вороны кружатся,

и злая собралась рать...

И здесь, набравшись силой духа,

мы в завтра открываем дверь.

Мы сможем все, как ты учила.

Тебе Спасибо! Ты нам - Верь!

Память сердца годы не остудит...

Владимир Хосстел

Я понимаю - столько не успел,

Когда «успеть» летит вперёд к границе.

И если бы не сон, я б миру спел.

Быть может, мне другой конец приснится?

28.07.2010

Лада Миллер

Любые слова покажутся неловкими, неуклюжими и банальными рядом с такой вечнозелёной Поэзией.

Вечная память...

28.07.2010

Елизавета Саморогова

Замечательные стихи. В них столько надежды, жизни и боли... Мои соболезнования.

28.07.2010

Пантелеев Борис

Вот, точно... сказать ничего нельзя, потому что будет лишним. Просто потрясён силой и красотой души. Вечная Память!

28.07.2010

Игорь Бондарь

Очень трогательные строки. Хочется просто читать, а потом остановиться и задуматься. Захватывающе. .

Спасибо. Вечная память.

28.07.2010

Нинеля

Вы знаете, слёзы потекли сами собой. Я не знала эту женщину, но, как она была прекрасна душой, это видно из стихов: такая сила и самоотдача в каждой строке! Очень страшно и обидно, что близкий, родной и просто хороший человек уходит...

Спасибо за её стихи! Я для себя очень много понял. С великим уважением!!!

28.07.2010

Владимир Файвишевский

Какие пронзительные стихи, написанные очень мудрым человеком. Алексей! Снова и снова читаю Ольгу - стихи её из лучших, которые мне приходилось читать. Какой несправедливый трагизм жизни, что такие таланты уходят так рано!

Спасибо Алексей за возможность их читать. Владимир.
29.07.2010

Татьяна Тареева

Сильная, мудрая и мужественная женщина.
Голос - пронизывающий
15.04.2011

Татьяна Зубова-Фромм

* * *

Жить, чтобы быть с Такими рядом!
Иного бытия - не надо!
Стихи живее пишущих стихи!
Проникновенны! Истинны! В них - Ты!

Светлой памяти Поэта! С глубокой скорбью и любовью.

Юрий Волгин

Стихи удивительные, очень талантливые... Спасибо Вам
за такую память. С большой признательностью!
03.02.2011

**ПАМЯТИ ПОЭТА ОЛЬГИ
БЕШЕНКОВСКОЙ**

**(ПОЭТИЧЕСКИЕ ПОСВЯЩЕНИЯ,
ЛИТЕРАТУРНЫЕ ЗАМЕТКИ, ЭССЕ,
ВОСПОМИНАНИЯ)**



ПОЭТИЧЕСКИЕ ПОСВЯЩЕНИЯ

Инга Пидевич

ПЕРЕД КОНЦОМ

Памяти О. Бешенковской

*Врач уже объявил приговор.
Жизнь вдруг камерой смертника стала.
Под ногами снег мартовский талый.
Снег январский – могилы убор?..*

*Надо как-то закончить дела
И родных подготовить к утрате.
Неужели отсрочка мала?!
А в душе не стихают набаты.*

*В их звучанье призывы к борьбе,
На любое лечение готова,
Не поставит чтоб точку в судьбе,
Только б дали курс «химии» снова.*

*«Бесполезно», - врачи говорят.
Время сжалось, остались недели.
Не увидать январской метели,
Не подарит чудес звездопад...*

*Что ж, пусть так. А пока – в шапито!
А потом она строфы напишет
О красотах земли и о том,
Чем душа пред разлукою дышит...
Март 2006 года*

Юлиан Фрумкин-Рыбаков

Ольге Бешенковской

Как крупно легли в твою жизнь и судьбу
 ахматовский профиль и чёлка на лбу,
 и горечь полыни.
 И хрупкость твоя. И блаженство пера.
 Все наши дожди и все наши ветра –
 как справиться с ними?
 А просто писать, и писать, и писать
 всё то, что успеем, в простую тетрадь
 за пару копеек.
 А Время, оно повернёт этот пласт,
 А Время найдёт, и прочтёт, и издаст –
 оно так умеет.
 С издательством «Время» подписан контракт.
 Российский почтовый и каторжный тракт...
 Аванс в виде жизни получен.
 Аванса всегда не хватает чуть-чуть...
 И в этом, конечно, и юмор, и жуть.
 Что больше? – Вопрос не изучен.
 Над всем этим город, в котором живём.
 То солнце, но чаще всё дождь за окном.
 То грипп, то простуда.
 И серое небо. И серый гранит.
 И топот коня. Он за нами гремит
 повсюду.
 Сблокирован век. Затянулся узлом.
 Потянешь за кончик, добытый с трудом –
 и кто-нибудь дальний иль близкий
 ответит тебе стихотворной строкой.
 И счастьем обдаст. И смертельной тоской.
 Как будто живёшь без прописки...
 1978

Владимир Авцен

* * *

Ольге Бешенковской

*Шаги мои неспешны и не гулки,
бреду сквозь рощу, пью покоя хмель.
Я полюбил бесцельные прогулки,
в бесцельности которых вся их цель.
Всего-то и работа - дотянуться
до ягоды какой-нибудь съестной,
всего-то и заботы не споткнуться
о ржавый корень, спящий под травой,
всего-то и делов - не оглянуться
на жизнь, что притаилась за спиной.*

Евгений Лейзеров**ПРОЩАЛЬНОЕ СЛОВО**

1.

*В «Беззапретную даль» окунуться
И прочувствовать (сердцем прирос),
Боль прошедшего...*

тихо очнуться

*И задать запредельный вопрос:
«Сколько ж, милые, это продлится
И доколь – всё терпеть и терпеть?»
Будет в сумерках ветер клубиться
И позёмка ночами звенеть...*

2.

*Забит поэт: затравлен, заклеймён
Ничтожной клеветой, крутым наветом,
И вот в ловушке – вырваться бы вон,
Но не выходит: невозможно это;
Поскольку трудно, нечем уж дышать –
Перегородки жизни-смерти тонки...*

*И к Богу устремляется Душа,
И в злобе ухмыляются подонки...*

3.

*От настоящего к прошедшему прийти:
Она была, звала и говорила...
Как мало в сущности нам предстоит пройти
По проторённому, давно до нас, пути:
Рожденье – жизненный прогон – могила.*

*Но Личность может взять такой прогон,
Такие цели – вектором движенья,
Что жизнь тогда – сияющий канон
Её Божественного восхожденья!*

* * *

Памяти Ольги Бешенковской

*Жить не по лжи... – морально быть готовой:
Толпа ли, власть кощунствует вовсю...
Но главное – своё лепелять слово,
И летопись стихов писать свою.*

*И, если смерть заставит без причины
Прервать на взлёте дорогую жизнь,
Вы отойдёте строго, без кручины,
В ту область снов, где жили не по лжи...*

Лариса Володимерова

* * *

С любовью к Оле...

*эта чёрная кошка дыханья
слишком длинным хвостом зацепила.
эта дама курила мехами,
засмотрелась на воробья:
оказалось, что я за стихами
не видна, через горлышко пива*

*мы слезами следы застилали,
мы следами слизали себя.
ты сегодня картавишь иначе,
этот кашель на замершей ноте
не сбежит от больничного цинка, -
не заплачут ни дождь, и не даждь,
днесь короче, зайдутся от плача
только строчки в бессмертной икоте –
стеаринка, стерильна простынка,
грифель, вышедший за карандаш.
расскажи, что поймёшь напоследок
там, где нам разминуться не скажут,
где венки мы плетём голубые,
пулевые от пыли поля.
и не деток у нас, - только лето,
ни забот у нас, - если бы даже
пощадила тебя и забыла,
отражаясь в лопате, земля.*

** * **

*лёгкое дрожит на папироске,
на осоке, ставшей выше ростом,
на зеркальном стылом берегу.
через не могу шагни за стёкла
(комарово? бухенвальд? застегнут
и застигнут: нет, не убегу).
отразится луч на занавеске,
невский дым, прощанье по-немецки,
на наречье птичьем ни гу-гу.*

*на углу сойдёмся – так на пятом.
на десятке – это листопадом
промахнусь – не пожелай врагу.*

Александр Волохонский

Памяти Ольги Бешенковской
(К годовщине со дня смерти)

Мы разговаривали с Олей по телефону за полгода до её кончины: вспоминали наш Ленинградский Дворец пионеров, клуб «Дерзание», друзей-поэтов, город. Она прочитала мне несколько последних строф, а потом я увидел её последнюю журнальную публикацию...

* * *

*Ты напоследок прочитала стих
По телефону, задыхаясь болью,
Я не просил, я лишь сказал:
«Как, Оля?»,
И голос твой встревоженно затих...
И в том стихе была такая сила,
Такой укор и людям и судьбе,
Как будто Родина прощения просила
За всё, что не могла понять в тебе.
И если даже на больничной койке
Настигнет вечность и придёт покой,
Твой голос на Фонтанке или Мойке
Вновь зазвучит уверенной строкой.
Там, у Дворца, у Аничкова моста
Четыре клодтовских коня подпруги рвут,
Как будто в прошлое опять зовут...
...А здесь, в Германии, нам не найти погоста...*

Алексей Давыденков

НА СМЕРТЬ ОЛЬГИ БЕШЕНКОВСКОЙ

1.

*Всегда мы с Вами были на Вы,
И это нас (факт!..) держало.
Бреду вдоль прежней – без Вас! – Невы
Под шиллеровское: «Где жало?!»*

*Стал резче, ближе зов немоты,
Где всяк – по своим счетам...
Я и теперь не скажу Вам: «ты», -
Скажу – коль свидимся - т а м.*

2.

А.Кузнецову

*Не всё читается между строк:
И в чарах замешан Фатум.
Мир столь случаен (Запад... Восток...),
Что клапан взбрыкнёт на ладан.*

*Всюду. На кой, вообще, он дан?..
Разве – дать знать заранее,
Что ты нигде отродясь не ждан:
В России ли то... в Германии...*

*Мои, вот – чем заносить следы?..
Позёмкой строчек вослед метётся...
Позёмка – Бог с ней, мне важно: ты –
Как ты теперь, мой тёзка?..*

3.

*Не вижу – чую: легла черта,
За коей - то ли нет ни черта,
Иль он-то – есть?.. А тогда – где Бог?..
Единый. Для всех эпох.
А то их и нет – эпох?..*

*Хотел сказать, но скажу – куда?..
Иль сами найдёте по звуку, да?..
Найдите. Когда захотите, Оля.
Теперь на всё – В а ш а воля.*

Белла Иордан

* * *

Поэту Ольге Бешенковской

Ещё один поэт до времени, до срока
 Переступил черту, не дописав строки.
 Ну почему всегда безжалостно жестока
 К поэтам их судьба?

Отнюдь не старики,
 А молодые вдруг в расцвете лет уходят –
 Проторена давно дорога в небеса –
 Уходят с песней, в звёздном хороводе,
 Своих стихов.

И с мнимым милосердьем
 Гонители – и те – талантом назовут...
 Поэтам ни к чему признание после смерти,
 Их надобно беречь, пока ещё живут.
 Сентябрь 2006

Муза Извекова

* * *

Ольге Бешенковской

Не стало Ольги Бешенковской...
 В ночь роковую сентября.
 Свет полнолуния в окошке
 Манит, как будто говоря:

«Уйдём! Возвысься над землёю,
 Там, выше, мир иной,
 Там, обновлённая душою,
 Ты обретёшь покой.

Там нет ни зависти, ни злобы,
 Болезней нет, врагов,

*Там воздух творчества особый –
Свободе нет оков.*

*Оставь молве свои творенья,
В них жар души, талант,
В них современности веленья
И бездна горьких ран.*

*Уйдём! Возвысься над землю,
Я уведу тебя с собою!»
Покинув трепетное тело,
Душа лучом взметнулась в небо!
07.09.06*

Гея Коган

ПАМЯТИ ОЛЬГИ БЕШЕНКОВСКОЙ

1.
*Стала жизнь, как дырявый карман,
С каждым годом всё шире прореха.
И поминок солёный дурман –
Прежних трапез короткое эхо,*

*Чтобы снова листать наугад
Фотоснимки, записки, наброски,
И читать неоконченный ряд,
Где, как водится, главное - в сноске,*

*И пенять себе за недосмотр,
И корить за надежду на чудо,
А табачный клубящийся смог
Принимать за посылы «оттуда».*

*Где прожил, там и крылья сложил –
Не в изгнавшей, но в новой отчизне.
Вытекают по каплям из жил
Из твоих – чьи-то кровные жизни.*

*От потерь – тяжелеет сума,
После вёдра – чернее ненастье,
...Но живём и не сходим с ума.
Или всё-таки сходим отчасти.*

*Скоро ль сменим земную юдоль
На окраину райского сада?
Но святую бессмертную боль
Не утишить ничем... И не надо.*

2.

*...Но можно заглянуть в словарь,
Когда язык беднее чувства.
Как сбитая коленка встарь,
Саднит душа, а в мыслях пусто.*

*Не обжигает, а печёт,
В подрёберье упорно тлеет,
И нужных слов наперечёт,
А сердце выбрать не умеет.*

*Толкаются наперебой,
Но натыкаюсь, как на рифы,
Как будто ты взяла с собой,
Ещё не найденные рифмы.*

*Не названный тобой январь
Придёт с безмолвьем снежной бабы.
...Но можно заглянуть в словарь,
Орфографический хотя бы.*

3.

*Господь не спас... Не значит, что грешила,
а впрочем, что ж, мы все не без греха.
Жила, как смела. Тратила чернила.
Умела! Остальное – чепуха.*

*В каких – скажи! – начертано заветах,
что среди слепо-глухо-немоты*

*на сей земле греховней всех – поэты?
Они, как дети, святы и чисты.*

*Когда молитва к вороху бумажек,
с Голгофою рабочего стола,
не стоит ждать от Господа поблажек.
Не будет их. Она и не ждала.*

*Не потому ль так ясно осознала,
а светлый стих – руки прощальный взмах.
Лишь рифма безутешно горевала
ненайденная, в дальних закромах.*

*Заплакано святое воскресенье,
и никуда от скорби не уйти.
«Прощанье» так похоже на «прощенье»:
скажу «прощай», а кажется «прости!».*

Галина Каган

* * *

Ольге Бешенковской

*Как жаль, что оборвался голос ,
но ведь не канул в пустоту,
он просто перелился в космос
и раздробился на лету
на Млечный путь,*

*он там, над нами
ночами не даёт уснуть,
и капли молока слетают
звездой в холодную росу.._*

Валентина Кайль

**Светлая память светлomu Человеку, талантливому
Поэту, прекрасной Женщине... Ольга осталась с нами в
её пронзительных стихах...**

ПО ТУ СТОРОНУ ДОРОГИ

Разве смерть – пустота?
 Разве смерть- тишина?
 Просто ты на минутку
 Куда-то ушла...
 В смежную вышла комнату...
 Ты осталась такой,
 Какой и была,
 Имя – то же твоё,
 С которым жила...
 И друзей прошу я:
 «Помните!
 О ней говоря,
 Не надо грустить,
 Продолжайте как прежде,
 Смеяться, шутить.
 Не меняйте привычек
 На траур.
 Она – среди нас!
 А где ж ещё быть:
 Только с нами себя
 Сумела открыть -
 Быть собою, имела право.
 Светит так же заря.
 Собирайтесь, друзья;
 Помолитесь о ней,
 Поминайте, любя,
 Добрым словом -
 Не скорбным, не строгим...
 Не оборвана нить:
 Она будет жить,
 Вместе с нами смеяться
 И солнце любить...

На другой
стороне дороги...»
06.09.06._

Любовь Мохова

ТРИПТИХ «ОЛЬГА БЕШЕНКОВСКАЯ»

Ушедшему поэту

Как ты мечтала! Что сладко будешь ты тонуть,
Когда шагнёшь в зеркал туманность...
И как? Ты рада?..
Теперь узнала, - нет солнца там! Туман и муть!
Тебе принять их, словно данность...
Твоя ль награда?..
Там капельки рассвета льдисты, словно розы,
Что были кем-то, где-то сорваны давно...
Рукой отчаянья!..
В них не найти ответа - это боль и слёзы,
Всех тех, кому вернуться не дано...
Из За-зер-каль-я!..
Вот так и ты!.. Хрустальной розою увянешь,
А не уйдёшь - там путь назад закрыт...
Лишь одиночество!..
Умрут цветы, а зеркала слезами не обманешь!
Когда поймёшь, - там одиночество царит...
Его Высочество!..
И будут слёзы. В детстве! Вспоминаешь?
Как ты глазами небо обнимала...,
Бутон беспечный! Ты будешь розой!
Ты хрустальной розой станешь
Внутри зеркального бокала...
Так будет вечно! Вот и смеёшься!
Смех сквозь слезы! Приняла,
Что «нет назад возврата»?..
Так, что ж, не рада?..
Да! Не вернёшься!.. Возвращать не любят зеркала,

Того, что ими взято! А это муки! Ада?

* * *

«Берите, берите...»

Вам сердце моё важно?.. Берите! Оно огромно,
 Такое, как быть должно – участливо, пусть, - нескромно...
 Вам нужен живой язык, умеющий правду молвить?...
 Берите, он лгать не привык и злобные клятвы помнить...
 Вам нужен мой зоркий глаз, глаз доброго человека?...
 Свой взгляд сберегла для вас... Берите! Я не калека!...
 Спасёт вас рука моя? Возьмите её навечно...
 Пускай, однурука я, но разве же я - увечна?...
 И если надо, - возьмите кровь. Снимите с меня всю кожу...
 Я буду рада, коль вспыхнуть вновь живая жизнь в ней
 может.
 Роздано много, а всё полна! Боюсь, раздать не успею!
 С вами успею! Отдам до дна.... Хоть мне твердят – не
 сумею...

Берите! Берите! Осталась треть! Берите ещё надежду!
 Да бросьте, - есть глаз, у меня, - чтоб смотреть, рука -
 надевать одежду...

Я вся перед вами, я с вами.... Да! Едва – ли смотреть
 приятно?
 Куда – же вы все? Куда? Куда?.. Вам страшно? ... Оно
 понятно!

* * *

«Я не умею читать стихи»

Я не умею вслух читать стихи,
 То пахарь я, то след его сохи.
 Я, как героя, молча, стих встречаю стоя,
 Как раненый боец на поле после боя
 Под белым снегом тихо умирая.
 Я вместе со строкой живу, страдаю.
 То пахарь я, то след его сохи...
 Я не умею вслух читать стихи.

Я не умею вслух читать в толпе,
 Как в соснах трёх, заблудишься в себе.
 Толпа глуха, услышать не сумеет,
 Ведь человек не ценит, что имеет.
 Имеет уши, – ближнего не слышит,
 Имеет воздух, - но угаром дышит,
 Как в тех соснах, заблудишься в себе.
 Я не умею вслух читать в толпе!

Да! Для толпы не будут вслух стихи!..
 Быть может, это плата за грехи?..
 Толпа не сможет боль души понять,
 Толпа не может слёз моих принять.
 И слез печали, и восторга слезы –
 Толпе едино, что шипы, что розы.
 Быть может, это плата за грехи?..
 Нет! Для толпы не будут вслух стихи!..

И пусть до края переполнен зал!..
 Хоть мир и тесен, но не так уж мал.
 Читаю так, как- будто нас лишь двое.
 Глаза напротив, небо голубое,
 В них выражение мыслей, чувств и слов,
 Мгновений отраженье и веков.
 Хоть мир и тесен, но не так уж мал.
 ...А пусть до края переполнен зал....

Наталья Печорская

ХАРИБДА

памяти Ольги Бешенковской

оторванность, оборванность... отрывок,
 под корень - общаком и точно в масть,
 душа усохла, затонула горе-рыбой:
 игольчатый - в ушко харибды не попасть,

лови ветра, разбрасывая камни,

*лавируй и гребь по волнам напролом,
до точки, до черты невидимого «атеп»,
до воронка - за каждым продувным углом...*

* * *

*разорванность, отторгнутость обрыва,
скачок: и пан или пропасть,
беги, плыви или до боли прыгай
чудовищу родной отчизны - в пасть...
10.05.12*

Тамара Жирмунская

БЕЛКА

*То, что хамсин в Израиле,
в Испании – торнадо,
здесь обрело название
без склада и без лада.
«Фён» - и бледнеют дамочки,
и горсть пилюль съедают.
Ну, наши-то ударнички
не так уж и страдают...
Но ветра завихрения,
сродни мазкам Ван-Гога,
на древонасаждения
влияют очень плохо.
«Фён!» - и деревья падают.
С антенною на ухе,
их белочка разглядывает
в смятенье и испуге.
Прыг-скок над мёртвой липою.
Мелькнула и исчезла.
Ее сравнила с лирою
большая поэтесса*.*

*... Диагноз жёг. Затягивалась
болезнь. А вдруг неправда?
Курила – не затягивалась.*

Но было всё напрасно.
 Боль поле зренья сузила,
 сомкнула губы крепко,
 душе была обузою
 ее грудная клетка.
 Чем жертвенное дерево
 земле не угодило,
 кем это было велено –
 свести его в могилу?
 Поэт, столь рано явленный,
 небесная работа.
 Из этой клетки сдавленной
 стих бил, как из брандсбойта.
 Компьютерная всадница:
 глаголы и наречья.
 Не подстрахуешь - свалится,
 и муж держал за плечи.
 Когда же всё закончили,
 вдруг расступились стены.
 Не кошка – белка: кончики
 ушей, как две антенны –
 в тот мир...
 Дорога тайная.
 Она глаза прикрыла.
 Родное очертание:
 головка, хвостик – лира!

*Ольга Бешенковская

Ариель

СВЕТЛОЙ ПАМЯТИ ОЛЬГИ БЕШЕНКОВСКОЙ

Не гаси меня, свечу!
 Я свечу поэту.
 Вероника Долина

Склоняю голову пред ней,
 Что пела нам, как соловей,

*Когда хрипела в ней аорта...
Какого, мне скажите, чёрта,*

*Зачем уходят в скорбный час
Несправедливо рано те из нас,
Кто своё сердце отдал миру?!
И что до этого кумиру,*

*Зацикленному на себе?!
Боль за СВОИХ кричит во мне –
Ведь их осталось слишком мало.
Дай Бог, чтоб жить им сил достало!*

Рафаэль Шик

О. Бешенковской

*Всё стремится кануть в Лету:
Вон из памяти, забыть!
Даже малую приметку
Я не в силах сохранить.*

*Всё уходит из сознания -
То, что надобно сберечь.
Удержать бы достоянье -
Нашу*

*пушкинскую
речь*.*

Апрель 2002, Дюссельдорф

Владимир Марьин

*Отчего Господь суров к поэтам,
а подонкам так благоволит?
Ольга Бешенковская*

*Жизнь - не мёд, она не слаще соли.
Сетуем: несправедлива жисть...
Если б Он поэтам благоволил,*

То они б давно перевелись.

*Может, плату за грехи удвоит
/Значит, девальвация грядёт/
О подонках говорить не стоит –
Жив Иуда, жив Искарriot.*

*Жизнь и смерть – извечная поэма:
Дантов Рай, Чистилище и Ад.
Не для грешных прелестей Эдема –
Каин жив, и здравствует Пилат.*

*Боже правый, вспоминаем все
Тех, кого отметил чёрный рок:
Пушкин, Лермонтов, Есенин, Клюев,
Мандельштам, Цветаева и Блок.*

*Книга судеб да не канет в Лету!
Тяжкий крест, Голгофы кровь и плоть...
Господа, молитесь за поэтов!
Может, пожалеет их Господь.
Июль, 2006*

** «Наша пушкинская речь» - строка из одного из стихотворений Ольги Бешенковской.*

Татьяна Излева

Ольге Бешенковской

1.
*Свод памяти – ларец хрустальный
для праздничных и для нормальных
рабочих календарных дней
из жизни прожитой моей,
где от субботы до субботы
растёт высокий пласт работы
и беспокойства, и заботы
о каждом, Богом данным дне,*

где далеко – на самом дне,
 на недоступной глубине,
 парят счастливые мгновенья –
 моей свободы воскресенья,
 не долетевшие ко мне...
 6 января 2006. Эссен – Штутгарт

2.

Всё тоньше слух и всё острее зренье,
 всё злей и новоявленнее жизнь...
 Где взять мне единицу измеренья,
 чтоб в эту меру душу уложить?
 Язык души не выразить словами...
 Но для чего-то нам даны слова
 с живучими и древними корнями, –
 как вечная, бессмертная трава.
 Гонцы от человека к человеку,
 летят, спешат, торопятся слова.
 Посланники души на веках века,
 слова – то откровенье, то молва,
 то летопись судьбы круговорота,
 то вешний ход подтаявшего льда...
 Слова, слова – начало той работы,
 Какая не кончалась никогда.

ЗАКЛИНАНИЕ СВЕЧИ

Ну, а душу – как бы не пинали,
 Всё равно, упрямая, жива.

Пусть моё бесхитростное имя
 Станет маркой новых сигарет.
 О.Бешенковская

Отпечалься, свеча, до рассвета,
 До побудки задир-петухов –
 За упрямую душу поэта,
 За смертельную дозу стихов.

*Дотянись голубым полыханьем
К бездорожью путей неземных,
Где, согрет стеарина дыханьем,
Как дитя, зарождается стих.*

*Ясным бликом коснувшись портрета,
Освети только главного суть.
У поэта в руке сигарета
Коротка, как земной его путь...*

*В «Беззапретной дали» поднебесья
Затеряется призрачный след,
Чтобы книгою стать или песней...
Или маркой его сигарет...*

2006г. Штутгарт – Эссен

Елена Куприянова

* * *

Памяти поэта Ольги Бешенковской

1.

*Что поделаешь, мы не бессмертны,
Не бессменны, не пали с небес...
И судьбы голубые конверты
Получаем с доплатой и без...
О.Бешенковская*

*Свет горит. В ночи скукожена...
(Песнь бессоннице моей!)
За тебя я тоже прожила
Столько лет и столько дней.*

*Со стихами, но без курева -
Коротаю... Штутгарт спит.
Дорогая Ольга Юрьевна,
Слово греет и болит.*

*Прямо в душу! Легче воздуха,
Но и камня тяжелей...
Голова моя подсолнухом
За поэзией твоей.*

*Да, конечно, - не бессмертны мы,
Разве ж в книгах, в сыновьях?
И небесными конвертами
Изве-изве-ще-ния...*

*Что б теперь оптимистичного,
Про траву, июль, герань,
Распеванье хора птичьего?*

Жизнь идёт. Такая рань...

2.

*Всё кажется, корчится ветка,
Живьём замурована в лёд.
Ольга Бешенковская*

*Вчера ещё ломкие тучи
Грозой забивали эфир.
О, как ты умела озвучить
Весь этот трепещущий мир!
Мы можем простить иль охаять,
Ехидство в запас приберечь...
Но корчится ветка сухая
Во льду. И её не извлечь.
Пусть слава кому-то основа,
И сытая жизнь без проблем,
Но таинство Слова взрывного –
Не морок, не дым, и не тлен.
Как зёрна, набиты в початок,
Так люди, один к одному.
Кого ты спешила печатать,
Теперь - ни словечка.
- К чему?*

Истаял дымок сигаретный,
 Отправлены вещи в утиль.
 Лишь слово Поэта – бессмертно,
 Простите за выпренный стиль...
 2014

Елена Дунаевская

СВОБОДА

Посвящается Ольге Бешенковской

За эту свободу заплатишь сполна,
 За свободу от горя, любви и вина,
 Свободу от дружб, от концов и начал,
 От грусти, что в ночь излучает свеча.
 Жгуче шевелится в жилах мороз.
 Таких сквозняков никому не принёс
 Бог Триединый, мир свой любя,
 Боги другие распяли тебя.
 Гаснут молитвы, и жизни маяк -
 Совесть - тускнеет, раскрывшийся мрак,
 На путь до безумия странный похож,
 В царство без рока, куда не вхож
 И Бог Триединый с его добротой,
 Любовью, терпением, мздой и тщетой.
 Там Бог неулыбчив, без качеств и слов,
 Ничем не задетый от ветхих основ
 Земли. Он внезапно проглянет сквозь жуть
 Надмерности. Больше уже не вздохнуть.
 Вдох вдохновляем течением сил,
 Что пределом имеет зиянье могил.
 За эту свободу заплатишь цену,
 Что никто не платил за любую вину,
 За этот последний нетленный Приют ????

Сергей Скверский

* * *

Ольге Бешенковской

*Тот фокусник нам показал коробку,
обычную, пустую, а потом
она каким-то образом набилась
бесчисленным количеством предметов.
Он их сребал и сваливал на стол,
а нам, наивным зрителям, казалось,
что эту кучу праздничного хлама
не только не запрятать в рукава,
но не вместить и в десять чемоданов.*

*Вот зеркало. Обычное стекло
покрыто тонким слоем амальгамы.
Всю жизнь оно притягивает взгляды
и отражает вещи, лица, стены.
Но отражает ли? – Моё лицо
мне кажется таким чужим, враждебным,
и комната, и вещи не мои,
хотя, конечно, здорово похожи.
Я понял, наконец, что зазеркалье,
как та коробка фокусника. Вот
куда уходит каждое мгновенье
и по другую сторону стекла
вновь возрождается во всём своём величье,
бесстыдстве, в неподвижности пустой.*

*Не верю безмятежности зеркал –
они веками жадно вожделяют
не образов, но тел, вещей и душ.
Неужто будет день, когда на мир
ощерятся багетовые пасты
и захохочут, и его пожрут,
и ничего не станет, только в них
навек остекленеют отраженья
смятения и ужаса.*

Недаром

*мы ослепили их в тот горький день,
на каждое надев простынный саван,
чтобы душа родная не прельстилась
зеркальным адом. Душам так легко
переходить тончайшие границы.*

Елена Сомова

Памяти Ольги Бешенковской

1.

*Пропускаешь мгновения пульса, ты – честный игрок,
Не сумевшая смерть обмануть, нам оставила вечность.
Белоснежной душой пролегла ты строкой в бесконечность,
И визглявые клоуны-недрузи сгнули в срок.
Приспособленность стонет: потеряна снова мишень,
Эпицентрами травли кипит поле литературы.
На засиженных мухами креслах жрец номенклатуры
Указательным пальцем наметил весь контур саше.*

*Ароматами смерти придушен свободы сквозняк,
И бумага под цензом надежно его сохраняет.
От красивых книженций бесплатно кровящей воняет,*

*Это кто-то серьезный подполз и внезапно размяк,
Одурманен победой и устрицами. На ночлег
Приготовилась совесть – банально её разложение.
Деловитому глянцу порхается на снижение:
Крылья рвут паутину и вязнут в дерьме. Новый век.*

2.

*Для вашего сиятельства, бумага,
Нагие пашут до семи потов,
Сердца их виснут между двух столбов
И раскалённая им угрожает шпага.*

*О, белое сияние листа,
В свою ловушку неотступно манишь
И сразу нагишом на паперть ставишь,
И не перестаёт поток хлестать:*

Стихия слова раз нашла порог,
 То не отступит. Ей не насладиться
 Молчанием. А мы - лишь очевидцы
 Потока и ручья. И дай нам Бог
 Дойти почти до сути, лишь почти -
 Не до самой. То можно было Ольге:
 Знать обо всём и в чуждом сердце змоге.
 Ты Ольгу Бешенковскую прочти
 И, почитая бурный сей талант,
 «Лицо от макарон» поднимешь выше,
 Чем сто небес. Пиши. Она услышит.
 Молчащий - это смерти арестант.
 2010, 22 августа

Светлана Груздева

ОЛЬГЕ БЕШЕНКОВСКОЙ

...а просто возьму сигарету зажжённым концом –
 и резкая боль отомстит за рассеянность эту.
 И – брошу.

Ольга Бешенковская

Читаю, кожей чувствуя Поэта.
 И мне жилище кажется картонным,
 Сменяясь многомерно - многотонным
 Стихов твоих созвездьем многотонным
 С последующим выходом в Астрал!
 Зажжённый вижу контур сигареты.
 Ты не умела ничего вполсилы –
 До резкой боли жизнь свою гасила.
 И сигарета, словно хвост кометы,
 Фатально обозначила портал
 В твои стихи, мечтательница, стоик.
 А кто не понял – тот тебя не стоил...
 Ну, не кури так много, не кури!
 Беседы о Цветаевой – излучат:
 На кухне, в Питере! – благое вече.

Скорее боль свою заговори.
 Целебна летом северная ночь,
 Былых запретов омывая раны.
 Когда б следы болезни так же – прочь!..
 Жива любовь – Поэзия твоя.
 Твои «ольгазмы»... Дай нам, Боже, рано
 Их распознать в нирване Бытия!

Марк Хабинский

ЗАПОЗДАЛАЯ БЛАГОДАРНОСТЬ

Памяти Ольги Бешенковской

Я – ваших стихов почитатель.
 Да жили-то мы вдалеке.
 Как слушатель или читатель
 Внимал каждой вашей строке.

О, как глубина потрясала
 И удали дерзкий порыв!
 А знал я вас, в сущности, мало:
 Признаю, глаза опустив.

Смягчишь ли изысканной лестью
 Поэзии гневной черты?
 Вы были гремучею смесью
 Иронии и доброты!

И пошлость грома беспощадно,
 Себе наживали врагов,
 И зависть к фигуре громадной,
 И ненависть дураков...

А стали кумиром для многих,
 Набатов призывно звеня,
 В обложки иных Антологий
 Вы властно «втолкнули» меня.

*Деревьев не видно за лесом...
 Всех знали вы наперечёт:
 Стихи молодой поэтессы –
 Покойной, духовной, известной,
 Издали за собственный счёт.*

*Затравленная зловословьем
 И смертной болезнью своей,
 Печатали вы предисловье
 Для книжки недавней моей.*

*И дело ж не в том, что я лично
 Сердечно признателен вам,
 А в том, что для всех безгранично
 Ваш дар ослепительный дан!*

*Как длилось прозрение долго!
 Такой уж я тяжелодум.
 Поверьте, люблю я вас, Ольга
 За гордость, отвагу и ум!
 За яркий талант беспредельный
 И взлёт гениальный души.
 О, все восхваленья бесцельны,
 И поздно мы все «хороши»...*

*Я – ваш ученик: И, признаться,
 Своей не стыжусь седины.
 Моложе вы лет на семнадцать,
 Семнадцать мгновений весны!
 Мюнхен. Октябрь 2007.*

Сергей Красиков

Памяти Ольги Бешенковской

*Облака уходят в сердце
 красным, оставляя серое
 для мозга.*

Память пишется
однообразно.
Притворяются на закате
Поздно.
Не подхватят ни восторг,
ни ветер, и просить у неба
неискусен.
Мыслей обнимающие
плети.
Развязался пуповины
узел...

Лидия Розин

Памяти Ольги Бешенковской

Уж много слов промолвили вослед,
А я ещё всё мысли собираю...
Похоже, что с ума сошёл весь свет, -
Ведь, если настоящий кто поэт,
Он ни за что всерьёз не умирает.
Я это знаю. Знаю! Знаю! Знаю!

Держу в руках и бережно листаю
Последний томик Олиных стихов...
За горизонт уходят молча стаи
Бесчисленные перелётных слов.

Их влажными глазами провожая,
Растерянно брожу я между строк...
Окаменелой мне, она – живая,
Преподаёт очередной урок.

И в сердце мне из «Беззапретной дали»
Далёких звёзд струится тихий свет.
Послушайте! Уходят не туда ли
Волшебники с Диагнозом «Поэт»?
Бонн, 08.09.2006

В однообразии застойном,
 Однажды строчки родились.
 И научили планы строить,
 Друзей ни чем не беспокоить...
 Вкус к жизни как рябины кисть,
 Манящей ягодой горек!
 Душа отведай, насладись
 И чувства стаями синиц,
 Покинув свой прямоугольник
 Гнездо совьют для новых птиц.
 27 августа 2015г

Светлана Кабанова

ПЕТЕРБУРГСКИЕ ПОСВЯЩЕНИЯ ОЛЬГЕ ЮРЬЕВНЕ БЕШЕНКОВСКОЙ

Ваши строки подпрыгнули к небу,
 Небеса – это Невский в ажуре,
 Я ищу то пристанище, где бы
 Эрмитажевский ангел дежурил...

Вы ушли. Разве мыслимо? Рано!
 Вы живете в поэзии вечно,
 Как блаженный Собор Монферрана,
 Или детский рисунок беспечный.

Если надо, взойду на Голгофу,
 Если надо, пройду по канату,
 Ваши рифмы у стен Петергофа
 Прошепчу, отмолю, если надо!

Побегут, полетят Ваши рифмы,
 Заиграют с прохладной Невоею,
 Не забыть бы мне их. Повторить бы,
 Подождите, я книгу раскрою.

Зазвенели стихами страницы,
 Что важнее любви для поэта?

«Петербургский Альбом» мне приснится
Откровением, словом, заветом!
2012 г.

Феликс Зигельбаум

ВРЕМЕНА ЖИЗНИ

*Я смерти не боюсь, она во мне гнездо
Давно уже свила и тихо ждёт погоды...
Но осени осин смущённое бордо...
Но звёзд стрекозий блеск...
И так проходят годы...*

Ольга Бешенковская

ЮНОСТЬ

*...Я верю не совсем,
Надеюсь, но шутя.
Что истинно – пускай
Ещё докажут годы...
Но как спешит во мне
Несмелое дитя
За этим... и куда
Уходят пароходы!..*

ЗРЕЛОСТЬ

*...А смерти нет совсем,
А смерти нет нигде, –
В космическом огне –
Триумф метаморфозы!
...Цветов и нот не семь:
Увидеть на воде
Сподобилось и мне.
Но есть и грусть и слёзы.*

*...Где старость сохраняет почерк,
Там больше нет её... и прочерк...*

*P.S. ...Так слава бороде!
 Ведь смерти «ни...» и впрямь! –
 Космическим огням –
 Триумф метаморфозы!!!
 Что даже не во сне
 Увидеть в седине
 Сподобилось и мне!
 Но там же – грусть и слёзы...*

ЛИТЕРАТУРНЫЕ ЗАМЕТКИ, ВОСПОМИНАНИЯ, ЭССЕ

(Даются в сокращении)

Евгений Евтушенко

Семье Ольги Бешенковской

Глубоко разделяю горе Вашей утраты. Оля была настоящим поэтом, каких сегодня мало и всё меньше и меньше. Она умела любить не только свои стихи, но и стихи других, пыталась сделать всё, чтобы другим поэтам было легче.

Никогда не забуду её самое тёплое отношение ко мне, к моим стихам. Она всегда была моей защитницей и никогда не просила защиты у меня. Она была настоящим российским интеллигентом, и в моей новой антологии «10 веков русской поэзии» её стихи займут достойное место.

Я так люблю родную речь,
 такую тёплую, как печь,
 где можно, словно в детстве, печь
 горяченьким калачиком.
 Во сне жар-птицу подстеречь,
 и сивку-бурку вновь запречь,
 и ждать назавтра новых встреч*

с Ариной Радионовной,
как с забытой родиной,
которая у нас одна,
и нечто больше, чем страна...

** Это стихотворение Евгений Евтушенко посвятил первому в Германии "толстому" литературному русскоязычному журналу "Родная речь", который Ольга Бешенковская задумала и вместе с Владимиром Марьеным три года редактировала:
Оно написано 29 января 2000 года, в Талсе (Оклахома).*

Игорь Гергенрёдер

ЗАГАДКИ ЗВОНА ПАУТИНОК

Душа, которой близка безгранично далёкая даль, отдаёт себя на истязание запретам. В юности поэта они наградили его остротой чувств, несравнимой по гамме с той, какую дарит коже узника колючая проволока. В Ленинграде эпохи Брежнева поэзия Ольги Бешенковской нашла скрупулёзных читателей за стенами известного учреждения – и ей, окончившей университет, было определено познавать «конъюнктуру судьбы» кочегаром котельной. Однако некоторые стихи добрались до Запада – дав осязание паутинки, звенящей от твоего свободного дыхания...

Помню, как это было: письмо – из-за рубежа...
Ну, конечно, разрезано... (Эти ли станут стесняться...)
В коммуналке соседи, на штемпель косясь, сторонятся
и швыряют картошку в кастрюли, от гнева дрожа.

*Далее: «Этот странный придуманный мир... Даже чуточку жалко... Этот люмпенский пафос...» Строки книги Ольги Бешенковской «Беззапретная даль» 2006.
Строки из стихов, написанных уже на Западе и вместивших поражённость автора перед загадочным: паутинка опять звенит, беззаветно выдерживая натяжение. Свинцово-*

тяжкий мир не ухнул в тартарары. Магия творения наделила его невесомостью придуманного, и он – «вишнёвый мой сад... Так затеплю хоть строчку ему...»

Пронизывающе ощутима молитвенная теплота: не о ней ли, идущей от образов отца и матери поэта, так прекрасно сказано – «деликатное сострадание к миру»?.. Оно неизбежно в пульсирующих нервностью мелодиях безвременно ушедшей от нас Ольги Бешенковской, как непреходящее веление – «не знать сотрясений плебейской арены». Интеллигенты, которые не столь давно ночами слушали «Свободу» и Галича, – с крушением запретов – поспешили к разбору ролей и религий. «Лидеры честности» овощные базы превратили в храмы, у алтаря испросив благословения на бизнес. Счастливы, кто носит обувь по ноге, ступне не тесно, поступь свободна. Лучше грязь, чем печаль. Что есть свет, коль «тёмен сгусток света»? И какой невыносимо-необходимый, как высь и даль, уют: «Паутинка блестит. Обойти, не задев паутинку»!.. Причудливейшая загадка – на раздолье свободы гениально проникнуть в инфермальную сущность запрета: «что за крылья повсюду расплата – вериги...» А если крылья ещё и невероятно сильны – настолько, что способны донести до нудальних снов?

«Прежде жизни не было, но снилась, и во сне казалось: хороша...»

Тяжесть расплаты соизмерима с облегчением, которое испытывает путешественник, открыв, что станция, куда добираться, – ближе некуда. Она в тебе. Нужно дерзновение великого дара, чтобы не постоять за цену на билет, зная:

«У меня никогда не было единодушия... не только ни с кем другим, но и в собственной душе».

Переехав в Штутгарт из «колыбели революции», оценить достояние Вильгельма II, короля Вюртемберга, – единственный мешок зерна, каковой нашла толпа,

ворвавшись во дворец германской революционной осенью восемнадцатого года. Произнести обжигающие слова стыда за Родину, склонясь перед памятью чешского студента Яна Палаха, ставшего живым факелом протеста против вторжения советских танков в Прагу... Дух поэзии Ольги Бешенковской срастил животворной паутинкой горение «тютчевских мюнхенских зим» и зерно на бело-розовых ладонях площадей Боттичелли и Вийона. Нева и Сена – одна нить и не та ли Река, в чьи волны устремился герой Германа Гессе? Его духовно-вневременная провинция Касталия и гоголевская гогочущая и несмешная провинция – земля, которой надо бесстрашно доверять, чтобы подняться над запретом закона непротиворечия и сделать потрясающей глубины признание:

*«Ты всё придумал, Боттичелли!
Ты обманул меня, Вийон!»*

Ольге Бешенковской дано не только распознавать невидимые антиномии, но и «на скрещенье боли» привносить в них неповторимую изысканность. Плавны, но больно уж слишком, линии южногерманских одетых садами холмов: некогда по ним ступали римляне, ныне – (не по прошлому ли?) лилово текут продолговатые слёзы слив. И «полон слёз вещевой мешок» странника. Париж ближе Пскова, только где красотики в парижской толпе, дорожащей багажом? Лишь носильщицы грёз... До чего же немного (бесценно мало!) возможно, когда «ничего не воспрещается...» Сердце, осенённое неупиваемой детскостью, «причащается судьбе бездомных и сирот». Голый причал, пути по золе. Но с тобой и Венеция, Тауэрский замок, письмамена опрокинутых в Темзу огней, полнокровный Нью-Йорк... Обилие, избыток – когда (по Ницше) так волнующе глядится на дальние моря. А как бросить скарб скорби? В чащу с ним, чтобы исколотую тоской душу не сыскал солнечный луч. Тут и сверкнёт «колокольный вокал», и окатит далью, где «никаких Америк и Германий: лишь деревня Редькино – Земля!..» Там набухли тяжестью

*картофельной желтизны руки Петровн и Николаевн,
поднимающие стаканчик в православный праздник.*

Мне за вас и радостно и жутко;
Вот звонит наш колокол по ком...
Ну а дочки... Дочки в проститутки
Убегли – как были – босиком...

*И нет третьего измеренья. Не может быть равновесия
между истинами: новизной утра и тревогой, что «барак
заслонит барокко». Неотразим интровертивный смысл
порыва: «Боже, дай мне другое зренье». Да не сбудется!
Округлость вершин – не признак их мягкости. Сказано же у
поэта в предисловии: «Я не совсем вегетарианка». Пусть
голубоватому туману не сродни запах грилей, –
«Травоядная корова, впрочем, внушает мне больше
брезгливости, чем аристократически поджарый лев».
Жертвенной кровью может видеться и сок кизила: «яркие
молекулы», «красные тельца». Но посему будет ли ближе
от ритуального обеда до «чудес Гефсиманского сада»? И
всё же взгляд творящего упоённо меняет очертания
предметов, зависимые от хода дня. Взгляды
тождественны состояниям души, их смена острее похожей
на лезвие необъятности от «Знаю: Родина – миф» – до «и
по-немецки называю завтра».*

*Член Союза немецких писателей, Ольга Бешенковская
незадолго до своей кончины сказала в интервью изданию
«Контакт-Шанс», что она лично давно уже не эмигрант, а
гражданин Германии: «Это и моя страна!» И как же иначе,
если именно в Германии во всей полноте открылось и
расцвело дарование поэта.*

*Неразрываемы паутинки во власти поэта-волхва, всегда ли
властного над разгадкой их звона... Летний Крым детской
дали оборачивается и восхитительной простотой картин
Пиросмани: «Мне дарит Южная Германия кизил, каштаны,
альчу», и искусством выражать возносящие отрицанием
отрицания: «Спартанский, нет, германский дух, нет,
философия солдата...» Философия радости: обнять – в
любом бою – брата. Простота деликатно сострадающего
миру поэта, чей отец видел Берлин в 45-м году:*

Выпьем, брат мой немецкий, за наших отцов
И за их холодящие кровь обелиски.

Зинаида Тураева

(Профессор, доктор филологических наук)

«СТИХИ НА ПЕСКЕ»

(Ещё раз об Ольге Бешенковской)

*Будет наша встреча длится всегда.
Место встречи – стихи.
Время встречи – года.*

С.Лейзерман

Роль литературы (как прозы, так и поэзии) в создании образа народа и отдельного человека значительна. Если бы не великая русская литература XIX и XX столетия, какой образ русского человека остался бы в веках – раба, крепостного, большевика? Многогранная человеческая личность встаёт со страниц литературы.

Немалую роль в этом сыграла и наша современница, так рано покинувшая этот мир – Ольга Юрьевна Бешенковская.

Поэтический цикл «Стихи на песке», которому посвящена данная статья, несёт подзаголовок «Израильский дневник». Место действия в этих стихах – Израиль и современная Палестина.

Для стихов Ольги Бешенковской характерно обращение к разным сферам деятельности человека - социальной, ментальной, эмоциональной, апелляция к различным сторонам человеческой личности. Творчество О.Бешенковской органично включается в континуум (неразрывное единство): природа – человек – общество. В её стихах поглощается культура народа, материализуются знания, которые передаются от человека к человеку, от поколения к поколению.

В нескольких строках дается описание истории народа, истории человечества вообще – если вспомнить, что, согласно Библейской версии, мы все произошли от Адама, а в духовном плане от Иисуса.

Все мы родом из этих горчичных земель
Что являют прообраз и ада, и рая,

Нельзя не обратить внимания на тонкое и, одновременно, бескомпромиссное понимание человеческого сообщества:

Что же ты натворил нам, Боже!
Что ни век – то одно и то же!
Кровь и пепел, руины мести...
Люди жить не умеют вместе.

Человеческая жизнь всегда сложна и непостижима. Когда о ней пишет такой большой поэт как Ольга Бешенковская, под ее пером оживает вся сложность и многоплановость «зловещих наших дней», где соседствуют терроризм, власть денег и пошлость:

Ни дыма, ни детали
зловещих наших дней

Многогранными представляются метафорические образы, встречающиеся в стихотворениях:

Земную жизнь пройдя до половины,
Я слышу скрежет Дантовых ворот.

Спали с лодыжек галерные гири
Не потеряться бы в яростном мире.

Здесь нельзя не усмотреть поэтику ассоциаций как одну из доминант культуры постмодернизма, создание представления о единстве, о континууме мировой культуры. Метафора «скрежет Дантовых ворот» есть знак ада и адских мучений, которые ждут человека,

попавшего в ад. Эта метафора воспринимается как знак разорённой земли...

В образах Ольги Бешенковской, как правило, сливаются разные эпохи и история человечества предстает как единый всеобъемлющий процесс.

Всё возможно под куполом этих небес,
Где в прищуре солдата – печаль Авраама,
Где пилястрами стройными лепится лес
И однажды в столетье скворчит телеграмма.
Я намокшую прядь поправляю крылом
И не ведаю, сколько веков отмахала.
И венчает картину, мелькнув за окном
Смуглый ангел пустыни, патрульный ЦАХАЛа

Реалии сегодняшнего дня – «патрульный ЦАХАЛа» соседствуют с религиозными истинами – «печаль Авраама».

Пейзаж Палестины вызывает ассоциации с картинами Дали и фресками Шагала:

О, родина всего! О, пафос Палестины!
О, живопись пустынь – причудливей Дали!

То ли ломится бешеный яркий ландшафт,
То и дело меняясь, в стекло ветровое?
То ли фрески Шагала до звона в ушах
Разрослись, и смыкаются над головою?

Ольга Бешенковская непримирима к отсутствию собственного достоинства, к готовности пресмыкаться перед сильными мира сего:

Лучше гибель, чем клеймо,
Что - отрепье...
...Поналипло к нам дерьмо
Раболепья.

С большим теплом и глубоким пониманием пишет автор о поэтах, о своих коллегах по поэтическому цеху

Лена, Володя, Наташа и Миша.
 Над головой – сионистская крыша.
 А на столе – православная водка.
 (Задраны вверх и кадык, и борода.)
 Из пенопласта двойник Арафата,
 Он исподлобья следит воровато...
 Что тебе, чучело? Будешь из банки?
 Мы никуда не въезжали на танке.
 Мы согревали полжизни в котельной
 И Могендовид, и крестик нательный.
 Новый Завет вслед за Ветхим Заветом
 Полнили душу терпения светом...
 Спали с лодыжек галерные гири.
 Не потерять бы в яростном мире!
 Юра, и Вася, и Боря, и Лена –
 Все мы Петра и арапа колена...
 И отовсюду спешат катастрофы
 В наши до слез петербургские строфы.
 В мире безумном воинственном этом
 Нет закутка неприютным поэтам.
 Всюду бездомна ты, братия наша –
 Витя, Сережа, Олежка и Саша.
 Хоть и пришли заповедные сроки
 И из юродивых вышли в пророки ...
 Песах ли, Остерн – рванем без закуски...
 Это по-божески. Это – по-русски.

В создании атмосферы стихотворения – обращении к множеству творческих личностей, принадлежащих к разным культурам, участвуют все его компоненты. Широкое использование личных имен создает иллюзию личного общения, создает дружеский, интимный тон. Лейтмотив стихотворения – одиночество и неприкаянность поэтов «в мире безумном воинственном этом». Упоминание о котельных как единственном месте работы, где могли оказаться поэты, возвращает нас к

закрытому советскому обществу, где тоталитарный режим контролировал жизнь каждого.

Автор передает невозможность разомкнуть одиночество, слиться с миром – «В мире безумном, воинственном этом/
Нет заутка бесприютным поэтам».

В образах, созданных Ольгой Бешенковской, нередко встречаем совмещение несовместимого, что делает их еще более выразительными: «И горы облаков и кактусов отары...».

Заканчивая краткий обзор цикла «Стихи на песке», хочу сказать, что, по моему мнению, имя поэта, создавшего эти строки, будет бессмертно, оно не канет в Лету.

Валерий Розенберг

СЛЕПОЙ ПОЛЁТ В СОЗВЕЗДЬЯХ МНОГОТОЧИЙ

...Не вправе распоряжаться чужой графоманией всех времён и народов, свой собственный рифмованный багаж я бы не поставил против одной этой строчки – «Слепой полёт в созвездьях многоточий». И против всего, что составляет «День рождения» - стих поэтессы Ольги Бешенковской, не рискнул бы выставиться своими письменами. Передо мной её посмертная книга «Призвание в любви», ничем мною лично не заслуженный подарок от Алёши Кузнецова.

Талантливый ленинградский фотохудожник, истинная почётная профессия которого по жизни - быть мужем Ольги, а после её преждевременной кончины - неистовым пропагандистом её творчества. Он умно и трепетно распоряжается наследием: публикует, привлекает, раздаривает. На примере Алёши я могу повторить, что цветы и стихи нельзя продавать. Их нужно раздаривать.

...Не цель моих заметок возносить с поэтическими строчками наперевес высокий уровень дарования Ольги. Я долгими днями и ночами над её сборниками, упиваясь собственно Поэзией, страдаю по одной неисправимой своей вине. Живя рядом, случайно общаясь с Бешенковской, имея возможность войти в какой-никакой творческий контакт, по глупости не сделал маленького шажка к сближению.

Теперь не поправить - Ольги нет. Она, то есть, присутствует своими сборниками, и через них идёт активное виртуальное общение. Но не больше. А была ведь возможность личных бесед. Про метафоричность её Поэзии, например, чем Бешенковская сравнима разве только с О. Мандельштамом.

...Так не прощается себе малодушие уклониться от случая знакомства ещё с одной избранницей поэтических небес, слава Богу, живущей в этом мире - Тamarой Жирмунской, которая, кстати сказать, выступила составителем посмертного сборника ушедшей поэтессы. Был у друзей в Мюнхене, а сбробел позвонить Павлу, с которым почти вечность назад состоял в одной журналистской организации, и напроситься на встречу с ним и его женой Тamarой. «Ну, что я им скажу?! Показать-то нечего, кроме вымученных рифмовок...» И не позвонил. И в 1984 году в Евпатории не подошёл к лектору Павлу Сиркесу, не затеял воспоминаний об общих знакомых. - Эх, ты!- корю сам себя.

...К чему я об этом? Да просто всё, как срифмовать «любовь» и «кровь»! Нельзя упускать случай. Нельзя верить чужому впечатлению и вкусу, когда «Как Мойша мне напел, так этот Карузо не заслуживает внимания - ни слуха, ни голоса». А идти и слушать самому.

...Будь я не так робок и глуп пару лет назад, войди я в соприкосновение с Ольгой по моим, пусть наивным и бездарным рифмовкам, я бы имел право на личном опыте сказать, что испытал на себе умение Бешенковской

«Следить, как пробуждается талант,
И на губах удерживать подсказку».
Или услышать от автора:

«О, свет мой, лист - зеркальная тоска...
Смотрю и слепну, глаз не прикрывая.
И буква Л как жилка у виска
Дрожит на белом - синяя...
Живая...
Не замерзай!-
Вот пригоршня других.
Прошла пора парадов и парадных,

Шагов бравурных, пуговиц тугих,
 Чеканных фраз,
 блестящих и прохладных.
 Люблю.
 И как строкою ни юлю,
 В семи грехах готовая признаться,
 Своих и чуждых,
 Всё-таки - люблю,
 Хоть на листе об этом распинаться,
 Хоть на кресте.
 И звёзды мне приснятся
 Зелёные.
 Как зайцу во хмелю»

...Не цель этих заметок возносить значимость Поэзии Бешенковской, ценность её вклада в развитие зарубежного русского писательского и поэтического творчества. А цель банальная и, в то же время, страждущая понимания:

ЦЕНИТЕ ДРУГ ДРУГА ПРИ ЖИЗНИ!

4 сентября 2006 года Ольга Бешенковская ушла в
 Вечность...

Галина Докса

Это удивительно, как, возвращаясь к стихам Ольги Бешенковской после долгого перерыва, буквально с первых строк попадаешь под её власть и обаяние - именно её, не стихов (то есть не только и не столько стихов мастера), настолько этот поэт человечески сказывается в каждой мысли. словно садишься в плацкартный вагон к столику, и напротив - она, с этим одновременно простыми и непростыми речами. Она, не снисходящая к собеседнику, и всё же обращающаяся именно к нему. Уходит, уже ушла «промежуточная» эпоха, эпоха лёгкого (на фоне жутких словес 20 века), перелома, эпоха, которой не жаль, которую, может, и не помянут ни словом, ни вздохом спустя каких-нибудь полвека. Но этот взгляд -

открытый и немного исподлобья, доверчивый, но и испытующий, беспристрастный, но и сращенный со всем, что ему пришлось видеть... этот Ольгин взгляд, точный, памятный, принадлежащий той эпохе, он будет воскрешать и спасать её всегда. Ведь время не умирает. Время, имевшее своих поэтов, вечно.
14.02.2013

Елена Сомова

О СТИХАХ ОЛЬГИ БЕШЕНКОВСКОЙ

*Стихи Ольги Бешенковской - это откровения за гранью прозрения, когда наделенная видением, двойным зрением, душа отображает мир без прикрас, честно и открыто, не пытаясь угодить никакой из поэтических систем...
... Внутренняя духовная свобода отличает гения от прислужника. Ольга Бешенковская всегда честна и пряма в выражении своей духовной свободы, в своих нетленных творениях. Эта прямота и непреклонность роднит Ольгу Бешенковскую с Мариной Цветаевой, - стойкость и сила воли отличают великих поэтов. Величие начинается с духовности, с непроданности и с непреклонности. Именно здесь истоки красоты лирики О.Бешенковской и её правоты перед лицом вечности, - вот восходящие точки осознания себя как личности и своей действительной сущности в контексте бытия в соприкосновении с бытием других людей.*

Стихи Ольги Бешенковской «Переменчивый снег» наполнены горячим вдохновением, порывом творческого сердца, это не просто стихи, это клятва снегу, заклинание красоты. Множество эпитетов прекрасному явлению природы. Снег у Ольги и переменчивый, и переливчатый, даже перезвончатый, и сами стихи звучат прямо с листа бумаги, наполнены колокольным звоном, набатом сердца, призывом к вдохновению. Всю любовь своего сердца Ольга переливает в стихи: снег «опереточный», «перелинчатый». «Опрометчивый снег», оттого что

«перегретый внизу перегрузкой неспешной резины», - здесь к снегу в стихотворении Ольги Бешенковской открывается детская любовь к снегу, о которой пишет зрелая женская душа, - на интуитивном уровне «перегретый снег» - это отношение к явлению природы, снегу, как к ребёнку, которого кутают, перегревают, жалеют. Стихи Ольги Бешенковской – это прекраснейшее из явлений творчества в мире, это «выхлоп нежности в сажу пространства», - так Ольга пишет о снеге, о лавинном его пришествии в мир. Сердце поэта, переполненное любовью, выдало в мир и непрезойдённый шедевр, стихи «Льдинка в хрустале». В этом стихотворении Ольга воплотила любовь своего сердца к бумаге как носителю чистоты и духовного братства: если есть бумага, значит быть на ней стихам.

И что луна как лампочка зажглась,
 Что между ней и кончиками пальцев
 Какая-то таинственная связь...

- вот таинство бытия, талантливо отмеченное поэтом Ольгой Бешенковской. Далее образ луны, горящей на столе,

как тонкая танцующая льдинка
 В кипящем новогоднем хрустале...

*- здесь «хрусталь» образностью навевает Мандельштама, но у Бешенковской хрусталь «кипящий, новогодний», как сердце поэта, кипящее любовью и новогоднее, оттого что вдохновение – это праздник авторской души.
 26.03.2011*

Елена Куприянова

ПОД ВПЕЧАТЛЕНИЕМ ПОЭЗИИ ОЛЬГИ БЕШЕНКОВСКОЙ...

И опять защемило сердце... Нет у меня слов, словно они растворились под воздействием непостижимо прекрасной,

умной (о, какой умной!) поэзии Ольги Бешенковской. Это то, что льётся сверху в наши души, которые утренними майскими бутонами раскрываются навстречу солнечным Ольгиным лучам, и они (наши души) впитывают и насыщаются её живоносной влагой.

Читаю, перечитываю, снова возвращаюсь к наиболее любимым стихотворным местам. Кажется, что мы сидим и беседуем рядышком. Даже страшновато, я и рядом с таким талантом.

Ольга, ты всегда будешь рядом с нами, твоими читателями-почитателями, ибо это тебя Он избрал, чтобы нести на Землю Великое Несравненное Поэтическое Слово. Погружаясь в Поэзию О.Бешенковской, ясно понимаешь, что никакие деньги посты, чины, другие земные блага не могут заменить её, эти созвучия, необычно обретенные образы, неожиданные рифмы.

Неблагодарное дело воспевать Поэзию. Её нужно просто читать, ею нужно наслаждаться!

24.03.2012, Штутгарт

Инна Иохвидович

ОЛЬГИ В ШТУТГАРТЕ

Обе - Ольги; обе - петербурженки, вторая, правда, родилась в 1947 году в Ленинграде, (упорно именуя его в своих эссе Ленинбургом); одна, Великая княжна, потом Великая княгиня — Ольга Николаевна Романова, родившаяся во дворце, дочь императора Николая 1, вторая, - Ольга Юрьевна Бешенковская, дочь инженера-экономиста, фронтовика, выросшая в коммуналке.

... Ольга Романова вышла замуж за наследника Вюртембергского престола Карла, ставшего впоследствии королём и переехала в Штутгарт, где стала королевой.

Ольга Бешенковская тоже переехала из Санкт-Петербурга в Штутгарт в 1992 году, но эмигранткой; обе похоронены в Штутгарте...

...Имя королевы-благотворительницы, любимицы народа известно всем штутгартцам, оно и в названиях улиц и

тупичков, больницы, различных филантропических организаций и гимназии... И сегодня работают эти, основанные Ольгой Николаевной, учреждения.

...Судьба русского поэта нелегка, а именно им — поэтом (не любила она слова «поэтесса») и была Ольга Юрьевна. Извечное противостояние Поэта и Власти не обошли и её стороной. В 1980 году она получила от тогда ещё ленинградских силовых структур запрет на свою профессиональную, журналистскую деятельность. И, тогда она спустилась вниз, в котельную, став кочегаром дома, в котором некогда обитал Осип Мандельштам. Как не вспомнить его: «Чего добились вы? Блестящего расчёта: Губ шевелящихся Отнять вы не смогли» ...И там, в подземье, в содружестве, как и она, изгоев, возникла «ТОПКА», машинописный альманах: «Творческое Объединение Пресловутых Котельных Авторов». Ведь, как известно, именно изгои и есть избранные, и последние становятся первыми, как альфа и омега...

Перебравшись в Штутгарт в 1998 году, я тут же услышала её имя. Тогда в журнале, соредактором, которого была она («Родная речь») и был опубликован «Дневник».

Только зимой 2000 года я решилась позвонить Ольге Юрьевне. Услышала её хриловатый прокуренный голос. Она пожаловалась, что «Родная речь» прекращает своё существование из-за отсутствия спонсоров. А ведь это издание, после того, как «Грани» переехали в Москву, было единственным русскоязычным «толстяком» на немецкой земле. Конечно, было обидно, тем более ей, особенно, сумевшей за два года создать «круг авторов».

...Она же входила в редколлегию журнала-ежегодника «Студия» Александра Лайко, стояла у истоков создания журнала «Зарубежные записки» Даниила Чконии, вела «литературные странички» в некоторых изданиях, часто появлялась на страницах русскоязычных газет Германии. Наверное, моё представление о «литературных генералах» мешало мне встретиться с ней.

...Впервые я рассмотрела Ольгу Юрьевну на вечере Игоря Ефимова, приехавшего в Штутгарт русского писателя, живущего в США, основателя и владельца издательства «Эрмитаж». Она оказалась женщиной плотного

телосложения, с копной непослушных волос; внимательно, зорким взглядом всматривалась она в каждого человека, и, если он ей нравился, то глаза её светились, а улыбка и вовсе преображала лицо, как и глаза, оно начинало будто бы подсвечиваться изнутри... Да и все фото, сделанные её мужем Алексеем Кузнецовым, точно совпадают с тем, что я увидела тогда, впервые. Вот что значит любящий взгляд...

...Стали мы с нею перезваниваться, вернее звонила она, мне было не очень удобно отрывать, точнее, возможно «вырывать» поэта из неведомой мне, увы, стихии... И говорила обычно она, я слушала: о стихах, о прозе, о литературе. «Блажен, кто о пустом не говорит...», писала она в своём стихотворении. Всегда, слушая её, я вспоминала Франца Кафку, он говорил о том, что разговоры не о литературе ему не интересны.

...Я не была её confidentкой, в том смысле как Анна Ахматова у Анастасии Чеботаревской, но разговоры в последние полгода или восемь месяцев её жизни стали доверительными. Ольга Юрьевна призналась мне, что раньше не хотела читать мою вещь «Скорбный лист или история моей болезни», сказала, что не заболит она, то точно бы, не прочла. И тогда же призналась, что и у неё есть комплекс вины перед покойной матерью (как и у меня в этой новелле). Это как-то особенно сблизило нас, из-за наших мучений, оттого, что обе когда-то «не долюбили». Она, как и я, тоже заболела этой загадочной, смертельной болезнью, название которой большинство людей не хотят даже произнести вслух, оно как бы табуировано. Ольга Юрьевна же говорила о ней просто: «У меня рак, вот врачи дали мне полгода, но чудится, что проживу дольше...» И раздавала заболевшим этой болезнью присланные ей со всего мира лекарства, народные и иные снадобья. Она не хотела, чтобы кто-то из добрых знакомых приходил её навещать. Не хотела, чтоб видели её болеющей, к тому ж, в последние месяцы жизни она много работала над своим поэтическим циклом «Диагноз», а особенно над составлением книги поэтов и писателей — инвалидов. Написала проникновенное, до слёз потрясающее, эссе — вступление к этой последней книге «Люди мужества».

Приближающаяся неумолимо смерть не могла и не смогла отвлечь её от исполнения понимаемого ею долга перед Литературой.

...Свой последний день рождения, 17 июля, она, естественно, не праздновала, но множество людей её поздравило: по телефону, поздравительными открытками и письмами... Она по-прежнему не хотела, чтобы её видели смертельно больной, щадила чужую психику...

...Ольга Бешенковская умирала с редким достоинством, не жалующаяся, сосредоточенная на литературной работе, читающая, несмотря на боли, Осипа Мандельштама, продолжая думать о Марине Ивановне, она явила собою пример того, как надо умирать! Ещё за четыре дня до кончины она говорила о своем материале, отосланном в «Неву»! Она подарила мне, через мужа, свой последний прижизненный сборник «Беззапретная даль» с трогательной надписью.

В ночь с четвёртого на пятое сентября 2006 года она отошла, представилась, мученица.

Её последнее стихотворение, за несколько дней до смерти было обращено к мужу — Алексею Кузнецову. Нынче оно опубликовано в «Северной Авроре» и читать его без слёз невозможно.

Когда бываю я в Старом Дворце Штутгарта, то спускаясь в крипту, где похоронена королева Ольга, Великая княгиня Ольга Николаевна Романова, всегда вспоминается мне и Ольга Вторая.

Тихо, зелено, распевают птицы и не слышно шума на главном штутгарском городском кладбище. Здесь, под небольшим камнем, покоится урна с прахом Ольги Юрьевны Бешенковской. На камне выбита надпись на немецком языке: «Ольга Кузнецова, урождённая Бешенковская 17 июля 1947 — 4 сентября 2006 года, русский поэт»...

Тамара Жирмунская

С БОЛЬШОЙ БУКВЫ

О том, что в Питере живёт и пишет необыкновенные стихи Ольга Бешенковская, я узнала из антологии «Строфы века», составленной Евгением Евтушенко. Включив в толстенный том более восьмисот авторов за три века русской поэзии, представив многих достойных одним-двумя-тремя стихотворениями, новому (для меня) имени Евгений Александрович отдал огромную в сравнении с большинством коллег книжную площадь. В литературной среде Е.Е. считается тонким экспертом. Он редко ошибается в оценках и предсказаниях. Сразу попавшие в разряд антологических, стихи петербурженки сказали о том, что зазвучал сильный, страстный, безоглядный голос. Но познакомилась я с Ольгой только в Германии. Несколько пересечений, несколько телефонных разговоров. Обмен своими книгами. То она просит у меня стихи для изданий, которые курирует. То я заказываю ей томик рано умершей Марии Каменкович (вышедший материнскими заботами Оли). То сидим рядом в жюри на конкурсе самодеятельных поэтов («Вот мы с вами и пожюрили» - шутит она). То обе приглашены на вручение премии им. о. Александра Меня писателю Даниилу Гранину...

И вдруг удар: Ольга Бешенковская неизлечимо больна... 31-го августа 2006 года мне позвонил из Штутгарта Олин муж Алексей. И сразу взяла трубку она. Поздоровалась. Почти обычным своим голосом, с чуть более заметной хрипотцой, сказала, что долго была без сознания и вот пришла в себя.

Зная, какая напасть ее точит, я спросила:

- Это от болезни или от лекарства?

- От того и другого...

Торопливо (боясь не успеть) она попросила разрешения прислать мне по электронной почте её роман в стихах: «Призвание в любви». Не «призНание», а именно «ПриЗвание». Человека одарили свыше: он родился с призванием любить. Любить несмотря ни на что... Это она, конечно, о себе написала. Лирик без дара любви – не

поэт, а стихоплёт. В лучшем случае – стихотворец. Даже если поэт в ярости, ибо то, что выпало ему и многим другим на долю, унижительно, подчас бесчеловечно, - без любви он, как самолёт без керосина: не оторвётся от земли, не полетит.

...Я разрешила прислать мне роман без лишних вопросов.

Оля сама стала как будто извиняться, оправдываться:

написан давно, более четверти века назад. Большой.

Никогда не печатался. У неё просто нет сил его

вычитать. А сделать это – необходимо.

Я дала слово, что вычитаю так быстро, как только смогу.

И тут вспомнилось. Когда одна моя близкая подруга

ложилась на операцию, точно так же она поручила мне

своего сына-подростка: «Если я не вернусь...»

Оля не вернулась. Через четыре дня её не стало. При ней

были муж, сын. А я - при романе, который, надеюсь, будет

жить и после ухода автора...

О чём он? Какой была Оля, когда наперекор непечатанию,

невезению, да просто выкинутости из литературы,

создавала его?

Ясно, как Божий день, что он о любви. О самом

прославленном и самом дефицитном чувстве на свете.

Потом уже я узнала: жгучий отрывок из этого

действительно огромного – 96 компьютерных страниц –

поэтического произведения собирается опубликовать

Владимир Батшев в журнале «Мосты». А в Петербурге

роман должен быть напечатан целиком**.

«Призвание в любви» писала не очень счастливая женщина.

Всё, вроде, было как у людей: послевоенный Ленинград, с

трудом отогревшийся после блокады, ждановских наездов

на культуру и других бед. Любящие друг друга и своё

единственное чадо интеллигентные родители. Клуб юных

поэтов при Дворце пионеров (а где же ещё?). Ранняя

публикация – в 7-м классе! Побег идейной идеалистки «с

неряшливо закрученными косичками» ...на Кубу –

участвовать в революции. И неизбежная поимка «зайца» в

московском поезде милиционером. Универ... А потом

заклинило. Виной ли пятый пункт? Неуживчивый характер?

Доходящая до абсурда прямота и принципиальность?

Наверно, и то, и другое, и третье. Выпертая из газетки

«Знамя прогресса», где в одной каморке на пятерых творил рядом с ней и Сергей Довлатов, Оля работала истопником. Правда, кочегарила в доме, где когда-то жил Мандельштам, о чём есть удостоверение в стихах. Но кто же, кроме неё и нескольких чудаков из окружения, знал про Мандельштама? И что это меняет?..

В любимом городе долго не находилось для неё ниши, или попросту приличного рабочего места. А ведь рос сын. Старели родители. Надо было зарабатывать на жизнь. «Имей я тогда хоть какие-то деньги, ну, хоть на хлеб...» - не жалуясь, даже с юморком, проговорила она в одном из прозаических эссе.

Под своё крыло ее принял «постбродский андерграунд». Появились друзья-единомышленники (почти о каждом она напишет потом с великолепной щедростью богатых духом людей). Бог послал ей завидных учителей: Давида Дара, Глеба Семенова. Первому она посвятила горячие мемуары. Второму – роман в стихах...

Всё можно найти в этом романе-монологе: раскрытое, как во время операции, сердце – навстречу жизни, навстречу людям. Безмерность чувств, которая не может не пугать при несоответствии темпераментов и полярном расхождении душ. Упоение каждым выпавшим светлым мигом (сто мигов счастья). И нелюбимый портрет времени – середины семидесятых, - её, моего, нашего времени, с узнаваемыми печально-комическими штрихами, времени-хамелеона, времени-оборотня, всегда настороженного и подозрительного к посланцу вечности. Её охотно печатали на Западе, а дома по головке за это, понятно, не гладили. Хорошо хоть не посадили.

В 1991-м, в самые дни августовского путча, она впервые ненадолго вылетела по приглашению в Лондон, где выступила на Би-би-си. А некоторое время спустя обосновалась с семьей в Германии.

Однако это уже новая эпоха жизни, не связанная с романом в стихах. А мой рассказ – именно о нём.

Слово Поэт не нуждается в эпитетах. Поэт – это всегда с большой буквы, причём не только в немецком языке.

...Стихи пишут очень разные люди. Тысячи людей или, скорее, десятки тысяч. В поэзии остаются самые

внутренне свободные, самые талантливые, заплатившие за свой дар высокую цену. Я думаю, Ольга Бешенковская из таких.

*** Всё это выполнено.*

Игорь Смирнов-Охтин

ВСПОМИНАЯ ОЛЬГУ БЕШЕНКОВСКУЮ

... Оля уехала в Германию в 1992 году. Она с мужем спасала своего больного сына. Спасли. Перед отъездом в Петербурге состоялся её прощальный литературный вечер. В двух отделениях. В первом – она, во втором – её литературные ученики. Три петербургские газеты, как написала потом Оля, «...вдруг дружно проснулись и пожелали доброго пути ещё одной поэтессе, впервые назвав её известной».

«Мне кажется, что я и в самом деле хорошая, – писала (позже) о себе Бешенковская. – Но отнюдь не потому, что формально состою членом нескольких престижных творческих Союзов в России и в Германии, и не потому, что вышли уже десять моих поэтических и прозаических книжек, на русском и на немецком языках, а публикации в периодических изданиях перевалили за тысячу. И даже не потому, что издаю при каждой возможности своих коллег, составляю сборники, альманахи и антологии. Всего этого могло бы не быть, и до 1985 года казалось: не будет... «Я, наверное, всё-таки хорошая, потому что в детстве однажды бросилась на рельсы перед разгорячённым, красным лицом трамвая, спасая бездомную собаку. И с тех пор всегда поступала так, не раздумывая. Всю свою жизнь я пыталась заслонить тех, кого линчует толпа. И тогда толпа принималась уже за меня...

... Я, наверное, всё-таки хорошая, потому что люблю своих друзей и стараюсь быть снисходительной к недругам...»

Через восемь лет поехал в Германию и я. Планировал полугодовую прогулку, да подзастрял. Сначала подзастрял

в общаге для приезжих, для таких, как я, третьим идиотом на тринадцати квадратных метрах, на второй полке.

- Игорь, приезжай на недельку. Переменишь обстановку, поживёшь в нормальных условиях. Вдоволь наговоримся.

...Приехал в Штутгарт. Добрался до её квартиры. Уселись друг против друга. Сладкую болтовню запивали горьковатым пивом. Оля вручила мне экземпляр журнала с моей повестухой. Журнал, который она создала и редактировала, её литературный толстячок, выходил под пионерским названием «Родная речь».

- А хочешь почитать мою повесть? Документальную. На неё уже острая реакция...

Я уселся на её балконе и принялся читать. Повесть была большая, чтения хватало на несколько дней.

Надо сказать, Оле и раньше удавалось писать иногда такое, что тоже меняло её жизнь. Работая с Сергеем Довлатовым за соседними столиками в многотиражке п/о ЛОМО, Оля иногда писала такое, что не очень-то нравилось партийным хозяевам Питера, и когда в очередной раз что-то такое написала, партийные хозяева сказали: «Хватит».

«Хватит – так хватит». И Оля сменила перо журналиста на фартук кочегара газовой котельной.

А, вообще, говорить что-то такое, что-то прямо противоположное мнению всех, дело наибогороднейшее. Бешенковская Ольга Юрьевна от молодых своих лет высказывала суждения независимые даже от мнения друзей – а это очень сложно, быть независимым от мнения круга общения. Она не имела такого свойства таить свой взгляд на жизнь, на всякий предмет нашей жизни...

...Повесть начиналась фразой, точнее – абзацем, который круто изменил жизнь Оли Бешенковской в Германии.

Что же случилось потом? ...Началась охота за ведьмой.

Именно так! Началось то, что будет потом названо «травлей».

... Можно ли утверждать, что постоянное нервное напряжение (в результате травли) (А.К.) спровоцировало рак лёгких? Доктора говорят: нет. Говорят: три пачки

курева в день – для рака вполне достаточно. Но кто скажет, что заставляло выкуривать ежедневно шестьдесят сигарет, каждую – с частотой в пятнадцать минут?

Я узнал стороной, что Оля «загремела» в больницу с сердечным приступом. Когда позвонил, она уже была дома. «Да нет, – сказала Оля, – с сердцем получилось не так страшно, мне там нашли кое-что намного посерьёзнее». В самом деле. Выявили рак в неоперабельной стадии. Начался период мучительной химиотерапии. После каждой процедуры отказывали или слух, или зрение, или что-то ещё. Всякий раз Оля рассказывала по телефону об очередном «отключении», как о некоем курьёзе, например: «Вот, смешно: уже три дня я – глухая тетеря, так что, давай – кричи громче». Говорила, что обязательно послала бы химиоистязаловку куда подальше, но истязаловка как будто продлевает её существование, а ей до своего ухода надо успеть выпустить книгу... Нет, Оля торопилась не с книгой своих стихов. Возмутительница спокойствия, написавшая фразу: «Господи, как я ненавижу людей!», составила со своим предисловием книгу «Люди мужества» – сборник поэзии и прозы авторов-инвалидов и теперь, в полном понимании оставшихся ей считанных дней, уже прикованная к постели, торопилась завершить достаточно многотрудную и громоздкую работу по выпуску книги авторов, «живущих несмотря ни на что, преодолевающих каждый прожитый день, ставящих перед собой казалось бы несбыточные цели – и... побеждающих!» Тем самым она отдавала свой долг больным людям, перед коими ей «... всю жизнь было мучительно стыдно...». – Видите ли. Ей вообще было свойственно отдавать долги известные только ей самой.

Судя по её жизнедеятельности, Оля ощущала свой долг если не перед всеми, то перед многими. По крайней мере, перед братьями-сосёстрами по перу – совершенно очевидно. Подготавливала для журналов подборки «не своих» стихов, составила поэтический сборник «Город-текст», посвящённый трехсотлетию Петербурга, за ним – альманах русскоязычных украинских авторов «Киевская

Русь», подготовила к печати посмертный сборник стихов другого выдающегося поэта – Марии Каменкович. «Я люблю моих друзей!» – говаривала она. А все «пишущие» были её друзьями. Да, по жизни получалось, что все «пишущие» – её друзья. Но если бы она только знала, сколько у неё друзей среди «не пишущих»!

«Моё мироощущение, да уже и, пожалуй, возраст, таковы, что «резюме» или «бевербунг» я могу писать только для господ Бога и для его небесной канцелярии... С тем же, привычным подтекстом: примите меня!.. Впрочем, если наша взаимная бумажная волокита протянется ещё лет этак двадцать, роптать не стану...»

«Волокита» двадцать лет не протянулась. Первый вечер памяти Ольги Бешенковской состоялся на её родине – в Ленинграде-Петербурге. Второй – в немецком городе Констанце. И уже третий – в городе её последних лет жизни Штутгарте. А потом были ещё, ещё, ещё вечера в разных городах и странах. Вечера «памяти» устраивали литературные коллеги, но «пространство» и «время» на них делили с многочисленными личными друзьями Оли из числа «не пишущих», а также и с полюбившими Поэта и Человека – её друзьями-читателями, для которых Ольга Бешенковская была и добрым наставником и советником щедрым.

... Завершу отрывком из письма к ней Ефима Эткинда: «Ваше мощное соединение современности речи, сегодняшнего мышления и видение мира с античной образностью и перифразами классицизма, Ваше слияние отвержения и любви, духовного и отвергательно-материального, строгого и распущенного меня покорило: Вы оказались близко от того, чьей фамилии избежали и о ком Вы так хорошо написали: «Святой Иосиф продан, как в Египет, в Америку. Не раб — наоборот: Он фараон, его ласкает Муза...» Спасибо еще раз за прекрасные стихи. Преданный Вам Е. Эткинд»
С.Петербург

Генриетта Ляховицкая

ИЗ АВТОБИОГРАФИЧЕСКИХ ЗАПИСЕЙ

«Этот август, быть может, последний...»

Ольга Бешенковская

4 сентября 2006 года привычно - шумно заседает Клуб литераторов в центре Берлина. Весь август не встречались, своё свеженькое принесли, чтобы скорее прочесть. Споры, порою странные, вроде: «сидят ли голуби на деревьях и переселяются ли в голубей души умерших...». Через пару часов клуб пустеет. Держу в руках последний номер русскоязычного журнала «Партнёр». В нём – подборка стихов Ольги Бешенковской с кратким представлением от Чкони.

Читаю вслух некоторые стихи – крепкие, острословые, терпкие. Ольга есть Ольга, и это – её поэзия. Читаю, а Ольга в это время умирает.

Вечером следующего дня позвонили: умерла от рака лёгких. В муках.

Страшно знать, что умираешь. Ольга знала. Давно. В августе 1992 года в журнале «Нева» её строка о каком-то прошлом августе: «Этот август, быть может, последний...» Но последним стал август 2006.

17 июля Бешенковской исполнилось 59 лет. Всего-то... Слёзы... От несправедливости... Для смерти – слишком молодая. И сколько стихов не будет создано...

Последний разговор с Ольгой – телефонный – полгода назад. Я позвонила в Штутгарт, чтобы просить разрешения дать в автобиографических записях её отзыв о моих стихах.

Голос её, напряжённый, но чёткий: - Конечно, конечно. Отзыв вполне искренний. Мне нравится, как Вы пишете.

- Вот спасибо! А не скажете ли Вы...

- К сожалению, не могу больше говорить. Вы меня чудом застали. Я на пару часов из больницы.

- Что-то серьёзное?

- Да, очень. Дело плохо...

В конце февраля 1998 года в берлинской литературной студии появилась «Анкета для русских писателей-эмигрантов» с сопроводительным письмом от 7 января. Начиналось оно так: «Хочу обрадовать Вас сообщением, что одно издательство готово пойти на известный экономический риск и финансировать альманах русскоязычных писателей, проживающих в Германии». Ответы на анкету и материалы для первого номера предлагалось послать по адресу Ольги Бешенковской в Штутгарте до 1-го февраля.

Хотя срок уже истёк, 4 марта послала я свои ответы на двадцать один вопрос анкеты, четыре стихотворения и письмо: «Искренне желаю успеха Вашему замечательному и рискованному начинанию – «Кто не рискует, тот... – так пить же Вам шампанское!»

25 апреля – весточка от Ольги: «Два Ваших стихотворения мы используем. По-моему, в Питере мне попадались Ваши детские вещи. Пришлите что-нибудь для журнала. Сердечно, ОБ».

Мне было приятно, но и стыдно – ведь я не могла припомнить питерские стихи Ольги. Тем не менее, предложением воспользовалась, послала стихи, приписав: «Поражена Вашей профессиональной памятью – я действительно пишу и стихи, и прозу для детей».

14 мая 1998 года в берлинском «Русском доме» открылась фотовыставка портретных работ Сергея Подгоркова. Сорок лиц современников, питерских поэтов. Составительница и автор сопроводительного текста – Ольга Бешенковская.

К открытию приурочена и презентация первого выпуска журнала «Родная речь». Ольга – заместитель главного редактора. Название для литературно-художественного журнала русских писателей Германии, на мой взгляд, несомненно, удачное. Что-что, а родную русскую речь эмигранты беспрепятственно вывозили через все таможи. Журнал солидный, хорошо оформленный. Понимаю, как нелегко было главному редактору Владимиру Марьину и его заместительнице найти деньги и организовать ежеквартальный выпуск толстого журнала тиражом 2 000 экземпляров. Какие молодцы! Прочла на последней странице «любимую»

фразу: «Рукописи не возвращаются и не рецензируются» и вспомнила её юмористический вариант из «Литературки»: «Рукописи не возвращаются, не рецензируются и не публикуются». Могла ли я тогда предположить, что буду публиковаться в этом «толстом» журнале?! Но это случилось благодаря Ольге.

Впервые «живую» увидела я её 13 – 14 мая 1998 на выступлениях в Берлине. Показалось, что мы ровесники, но на самом деле она почти десятью годами моложе. Умная, энергичная речь Бешенковской мгновенно овладевала вниманием. С первых её слов становилось ясно, что слышишь и видишь человека не ординарного и, что совсем уже редкость, умеющего помнить и заботиться о творчестве незнакомых людей. Это, в моём понимании, черта, присущая по-настоящему одарённым. Скольким авторам бескорыстно помогла Ольга с публикациями! Мне тоже... Никаких особых просьб не требовалось. Если Ольге нравилось произведение, она старалась его «пристроить». Спасибо ей навсегда!

На одной из встреч с читателями Ольга рассказывала о своей литературной судьбе. Мне особо запомнилось то, что её не публиковали, и пришлось обратиться к молодой знакомой, которая по персональным данным, в отличие от Ольги, подходила для «раскрутки» молодого поэта. Стихи Бешенковской, подписанные именем этой «заместительницы», обратили на себя внимание и были опубликованы...

Не только литературная, но и в целом, у Бешенковской была нелёгкая судьба. Сопrotивляясь ей, Ольга простёрла свои усилия и на судьбы многих современников, не давая бесследно уходить в забвение их творчество.

В журнале появился «Кабинет мемуаров». Ольга просила присылать воспоминания, каким-либо образом связанные с немцами, с Германией. Я послала свою автобиографию «В рутинной капле моей памяти», с которой ещё в Петербурге участвовала в конкурсе «Гляжу в себя, как в зеркало эпохи» – о поколении шестидесятников. Понимая, что более двадцати страниц – это слишком, предложила отобрать лишь то, что соответствует теме. Там есть несколько эпизодов о немцах, о войне, о Германии. И вдруг, в третьем номе-

ре «Родной речи» за 1999 год увидела автобиографию, опубликованную целиком.

Такой же неожиданный подарок принёс мне пятый номер «Родной речи» за 2001 год. Это был специальный «Поэтический выпуск». Большой раздел назван «Пришествие стиха». Среди других помещены три моих стихотворения, первое из которых – «Пришествие стихов».

Одарённые люди не только не имеют причин кому-либо завидовать, но и радуются чужим творческим удачам. Вот, что написала Ольга, получив в подарок книжечку моих стихов «Отблески»: «Дорогая Генриетта! Книжка Ваша мне чрезвычайно понравилась, поздравляю! Стихи о Питере – тоже. Пришлите их (и нем. варианты), пожалуйста, на дискете... Успехов Вам».

Антология, посвящённая 300-летию города на Неве, составлена неутомимой Ольгой Бешенковской в 2002 году. Книгу эту я неожиданно нашла в своём почтовом ящике, не сразу поняв, кто и почему её прислал. Разглядев среди полсотни имён своё, я поразились: вот это подарок! Как это характерно для Ольги: безо всяких просьб, взять и подарить радость. ...При первом беглом взволнованном пролистывании, которое я по странной привычке неизменно начинаю с конца книги, «добежала» до помещённых вначале стихов Дмитрия Бобышева. И остановилась, поражённая. Как это я не знала такого поэта?! Со временем удалось установить литературно-интернетное знакомство с Бобышевым, кого я должна была бы знать по Питеру, но узнала лишь благодаря Бешенковской, включившей нас обоих в антологию. Спасибо, Ольга!

На моё сообщение о смерти Ольги Бешенковской Дмитрий Бобышев отозвался просьбой: «Напишите о ней», полагая, что мы с ней много общались. И хотя личных контактов у нас было совсем мало, мне кажется, что мы давно знакомы. Это – свойство прозы и поэзии Ольги.

Сентябрь 2006, Берлин

Евгений Лейзеров

ВОСПОМИНАНИЯ О ВСТРЕЧАХ С ОЛЬГОЙ БЕШЕНКОВСКОЙ

Помню этот страшный чёрный понедельник 4-го сентября 2006-го, когда не стало Ольги Юрьевны Бешенковской. Помимо небывалого потрясения, а ведь знал же, что ещё в начале года врачи ей прямо сказали: «заканчивать все земные дела», и всё-таки рассчитывал на новые препараты, на чудо, или хотя бы на отсрочку... В сознании сразу же возникло: «Срочно нужно писать некролог в нашу газету!». Наша – это русско-немецкая ежемесячная бесплатная газета «NeueZeitenKonstanz», распространявшаяся в Констанце, в районе озера Бодензее, а также в Австрии и в Швейцарии. Вышло на тот момент 5 номеров, я был её редактором, а Ольга Бешенковская не только наставила меня на путь редакторства, но и была бессменным, никогда не отказывающим, консультантом в области журналистики. У читателей нашей газеты, конечно, было на слуху имя Ольги и без публикаций её стихов в «NeueZeitenKonstanz», но я считал своим долгом в анонсе как можно больше рассказать о жизни и творчестве поэта.

Тем более что сам город Констанц ей не только нравился, но она даже мечтала переехать сюда из Штутгарта.

...Запомнился мне день – 3 марта 2006 года. Мы согласовали с Олей мой приезд к ней, она тогда уже никуда не выходила из дома, за исключением посещения врачей и обязательных медицинских процедур. Всю дорогу к ней (а это без малого 3 часа езды в поезде) я думал о предстоящей встрече... И вот представьте моё изумление, когда я увидел Ольгу на платформе U-Bahn. Как оказалось, все квартиры её многоэтажного дома в Штутгарте сегодня утром обходили двое полицейских. Всем жильцам нужно было сразу же покинуть дом на несколько часов, так как в их микрорайоне была обнаружена бомба времен 2-й мировой войны. При встрече со мной Оля сказала: «Вот, Женя, запомните и расскажите, какой у меня выдалась пятница 3-е марта. Вместо того, чтобы лежать в постели, я коротаю время в

трамвайных переездах. А на самом деле мне сейчас очень тяжело». И, улыбнувшись, добавила: «Но всё-таки встретила вас, а то ведь могли и разминуться».

Познакомился же я с Ольгой Юрьевной 18-го октября 2003 года. Это было в первый год моего проживания в Германии. Местная русская община попросила меня организовать вечер, посвящённый Пушкину. Я с радостью согласился. Решили устроить этот вечер в субботу 18 октября, накануне дня лицейской годовщины. Но какой же пушкинский праздник – без настоящего поэта? Я решил пригласить Ольгу Бешенковскую и позвонил ей по телефону. Она сразу же прониклась высоким духом предстоящего праздника, расспросила о конкретных деталях, и согласилась в нём участвовать. Так завязалось наше общение по телефону, а потом и по интернету.

...И вот я встречаю её, мы идём в зал, где через некоторое время будет открытие пушкинского праздника. Она выступала минут двадцать. Сначала она рассказывала о своей краткой работе экскурсоводом в Пушкигорах, а потом читала свои стихи. И что за сильные, открытые были стихи! Зал после каждого из них взрывался аплодисментами. А мне больше всего (хотя всё читаемой Олей я знал по публикациям), понравилось следующее стихотворение:

«Право, славно – выпить православно,
захрустев огурчиком огонь...
Как вы там Петровна, Николавна
И другие образы тихонь?..»

Такое – чисто русское, ёмкое стихотворение, где в 16-ти строчках дается прошлое, настоящее и будущее нашей деревни. И подумалось, что наверняка деревня Редькино где-то на Северо-Западе, а точнее, ближе к Пушкигорам, на Псковщине...

А ещё Ольга выступала на ахматовском вечере 20 июля 2004 года в Университете города Констанц. Это был один из вечеров Литературно-музыкального Салона, посвящённый Анне Ахматовой и Игорю Стравинскому. Ольга Юрьевна рассказывала о своём разном (от восторга до не-

приятия) отношении к Ахматовой, читала стихи, ей посвящённые. А ещё поведала о том, что в молодости она так была похожа на поэтессу, что однажды в Ленинградском Доме Писателей ей сказал об этом старейший питерский поэт Всеволод Рождественский и спросил, кем она приходится Ахматовой. На что Оля, со свойственным ей чувством юмора, ответила – читательницей. (Как хорошо, что этот вечер мы сняли на видеокассету, и, забегая вперед, скажу, что её выступление смогли посмотреть все, собравшиеся на вечер её памяти 20 октября 2006 года в Санкт-Петербурге).

А наш вечер памяти Ольги Бешенковской в Констанце, первый в Германии, состоялся 2 декабря 2006 года. На него приехали литераторы, журналисты из Штутгарта и Мюнхена. Алексей Кузнецов привёз не только все книги умершей супруги, но и составленную им подборку фотографий, сделанных ею в Нью-Йорке. Писатели и поэты: Игорь Смирнов-Охтин, Тамара Жирмунская, Исай Шпицер, Инна Иохвидович поделились своими воспоминаниями... И звучали не только Олины стихи, но и песни Анжелики Миллер на её слова.

...Вообще-то Оля была удивительно честным, порядочным, как она говорила, обязательным человеком. Она органически не переносила даже малейшей фальши в мысли, в разговоре и уж тем более в поступке. Все известные литераторы, общавшиеся с ней на протяжении её жизни, как ушедшие (Лидия Яковлевна Гинзбург, Сергей Довлатов, Виктор Кривулин, Ефим Эткинд) так и живущие (Евгений Евтушенко, Александр Кушнер, Даниил Чкония и т.д.) поражались не только её творчеству, но и поистине бойцовскому, несгибаемому характеру. И этот характер, несокрушимый дух великой личности, продолжал до последнего дня сражаться с тягостным, смертельным недугом. Как метки и сердечны в этом плане стихи последнего года из цикла «Диагноз»!

И последнее. За несколько месяцев до смерти, Ольга Бешенковская совершила беспримерный подвиг, сделав почти что невозможное – прикованная к постели, под неусыпным медицинским контролем, она написала предисловие и составила замечательную книгу «Люди мужества» (книга

поэзии и прозы), где были опубликованы художественные произведения инвалидов.

«Дописать раньше, чем умереть» – эту фразу любимого ею Булгакова можно поставить эпиграфом к этой книге, которая по-настоящему удалась. Таким образом, Ольга Бешенковская не только отдала свой долг больным людям, перед коими ей «... всю жизнь было мучительно стыдно..», но и достойно выполнила насущное дело литератора: не свою новую книгу опубликовала (хотя могла бы это сделать), а добрую книгу о тех живущих «...не смотря ни на что...», преодолевающих «...каждый прожитый день...», ставящих «...перед собой казалось бы несбыточные цели – и побеждающих!»

Вечная ей память!

СОДЕРЖАНИЕ

От составителей сборника	2
А.Кузнецов «Не лучи люблю я, а излучины ...»	3
РАННИЕ СТИХИ	
Из книги «Песни пьяного ангела» (1959-1974)	
Я СТАНУ ЗИМОЙ	
«Я стану Зимой, бесшабашной и светлой...»	18
«Смотрите, - снег! Вот это снег!»	18
«Переменчивый снег надо мной...»	19
«Мандарины зимой удивительно пахнут...»	20
Снегопад (поэма)	21
«Чем пахнет лес? Морозной остротой...»	23
«Как на синем снегу – удлинённость любого штриха...»	24
Рождество	25
РЕЦЕНЗИИ, ОТКЛИКИ, СТИХИ-АССОЦИАЦИИ	26
<i>(Авторы: Алёна Рычкова-Закаблуконская, Илья Герчиков, Тина Шопт, Людмила Бенёва-Коллегова, Анна Хорватова, Елена Куприянова, Катя Котляревская, Вениамин Велерштейн, Маргарита Назарук, Нелли Искандерова)</i>	
УРОКИ ТРУДА (1962)	
«Ау-у-у! А ульи гудят – что костры таёжные...»	29
«Жил-был один сапожник...»	30
Преседатель	31
В клубе	32
«Ну и шофёр! Ну и дорога!»	33
РЕЦЕНЗИИ, ОТКЛИКИ, СТИХИ-АССОЦИАЦИИ	33
<i>(Авторы: Ольга Миничева, Игорь Ковязин, Татьяна Тареева)</i>	
ЗАМЕТКИ НА ПОЛЯХ (1965-1973)	
«Люблю возвращаться домой...»	34
«Похолодали твои глаза...»	34
«Здравствуй, здравствуй... А у нас зима...»	35
«Расплескались, расколышились снега...»	35
«Из-под колёс река встаёт ребром...»	36
«За порогом ночь холодна, как смерть...»	37
«А мне в январском солнечном Крыму...»	38
«Старик Нептун, ты всё-таки болтун...»	38

«Волны штор отвести...»	39
«А неба нет. И моря нет...»	40
«Звенит, переливается сосулек баккара...»	40
Восточный узор	41
В старом Ташкенте	42
«Бесплатно зрелище базара...»	42
«Как почтительно тихо машины порхали...»	43
Зелёный чай	44
Восхождение	44

РЕЦЕНЗИИ, ОТКЛИКИ, СТИХИ-АССОЦИАЦИИ	45
<i>(Авторы: Ирина Котельникова, Татьяна Тареева, Наталья Дорофеева)</i>	

ФИЛОСОПУСЫ (1963-1964)	
«Дирижёры – как пингвины...»	46
«Сперва метались вокруг земного шара...»	46
Паралич	47
Творцы	47
«Плескалось «до» - до-мой... до-мой...»	48
«Всё спешу куда-то по привычке...»	48
«Давай присядем, как заведено...»	48
«Мне говорить об этом не пристало...»	49

РЕЦЕНЗИИ, ОТКЛИКИ, СТИХИ-АССОЦИАЦИИ	49
<i>(Авторы: Елена Куприянова, Татьяна Тареева, Валя Некрасова)</i>	

ВРИФМЫ И ВРИТМЫ (1965-1967)	
«Протикало всего 17 лет...»	50
Полночное поло	50
«Снегу хворается...»	51
«Блуждающие звёзды...»	53
Рифма	53
Дорожное	54
Хобби	55

РЕЦЕНЗИИ, ОТКЛИКИ, СТИХИ-АССОЦИАЦИИ	56
<i>(Авторы: Александр Милях, Ирина Котельникова, Ел. Куприянова)</i>	

ГРАНЁНЫЙ РАЙОН (1972-1974)	
«Наверно, об этом нельзя...»	57
«О чём поёт гармонь теплоцентрали?»	58
«Каким ты будешь, будущий язык?»	58
«До обидного прост и недолог...»	59

«За месяц дачного житья...»	59
Сонет стукачу	60
«Когда обыденно и мудро...»	60
Д.Я. Дару	61
«Глухонемые говорят...»	62
«О, юность пылкая, прости...»	63

РЕЦЕНЗИИ, ОТКЛИКИ, СТИХИ-АССОЦИИ	63
<i>(Авторы: Ирина Котельникова, Елена Куприянова, Юлия Демченко)</i>	

ЯРМАРКА (1965-1967)	64
----------------------------	----

РЕЦЕНЗИИ, ОТКЛИКИ, СТИХИ-АССОЦИИ	66
<i>(Авторы: Людмила Баневич-Гаврилюк, Татьяна Тареева, Елена Куприянова)</i>	

КЛЕНОВЫЕ ФРЕСКИ (1964-1965)	
«Что это со мной?»	67
«Твои шаги ко мне – как лёгкий дождь...»	68
«...Моя защита и мои застенки...»	68
«Наши руки рядом, но не дрогнут»	69
«Если стали чужими...»	69
«По осенним кленовым фрескам...»	69

РЕЦЕНЗИИ, ОТКЛИКИ, СТИХИ-АССОЦИИ	70
<i>(Автор: Наталья Глузушина, Елена Куприянова, Светлана Самарина)</i>	

СТРАНИЦЫ ПУШКИНСКИХ АЛЛЕЙ (1963-1964)	
«Здравствуй, племя младое!»	71
Пушкин в Михайловском	71
Дуб уединенный	72
Пушкинский бильярд	72
В Петровском парке	72
«Тишина... Нигде не скрипнет ставня...»	73
Три сосны	73
Пушкин и Керн	74

РЕЦЕНЗИИ, ОТКЛИКИ, СТИХИ-АССОЦИИ	76
<i>(Авторы: Ольга Анина, Наталья Мурадова, Елена Куприянова)</i>	

ИЗ КНИГИ ПОЭМ «НАДПИСЬ НА РУКОПИСИ»

СТИХИ В ПОЕЗДЕ (1976)	78
РЕЦЕНЗИИ, ОТКЛИКИ, СТИХИ-АССОЦИАЦИИ <i>(Авторы: Анастасия Пчельникова, Наталья Дорофеева, Шамиль Исхаков, Лариса Вехова, Светлана Комогорцева, Нина Аксёнова, Смирнов А.А., Эдуард Брандес, Александр Полев)</i>	81
СОНЕТ И СОЛДАТ (диалог)	83
РЕЦЕНЗИИ, ОТКЛИКИ, СТИХИ-АССОЦИАЦИИ <i>(Авторы: Владимир Гоголицын, Елена Курприянова, Татьяна Тареева, Исай Шпицер, Людмила Баневич-Гаврилюк)</i>	85
ДЕРЕВЕНСКИЙ ЭСКИЗ (1976) (поэма)	86
РЕЦЕНЗИИ, ОТКЛИКИ, СТИХИ-АССОЦИАЦИИ <i>(Авторы: Александр Милях, Галина Казан, Елена Курприянова, Инна Молчанова, Владимир Гоголицын, Виктория Тищенко, Юрий Иванов-Скобарь, Марина Шапиро, Галина Докса, Александр Сафронов, Алексей Логинов, Борис Бем)</i>	90
РЕКВИЕМ XX ВЕКУ (1974) (поэма)	94
РЕЦЕНЗИИ, ОТКЛИКИ, СТИХИ-АССОЦИАЦИИ <i>(авторы: Анна Шустерман, Валентина Кайль, Елена Курприянова, Наталья Глухушина)</i>	99
ИЗ КНИГИ «ПОДЗЕМНЫЕ СТИХИ» (1980-1987)	
КОМУ ДАНЫ СЛОВА	
«Кому даны слова – тем чётки не нужны...»	102
«И буквы Е естественный изгиб...»	102
«Не могу отрешиться от горестной нашей судьбы...»	103
Письмо в зону	104
«Откуда только к нам Шагал ни прилетал...»	105
Ночное дежурство	105
«Нет, не за то, что нет чесночной...»	106
«Ни живого огня у печи и свечи...»	107
«Не беда, если копится тихая грусть...»	107
«Эти чёрточки, точки, черты...»	108

«Чудес не бывает...»	108
Реминисцентное	109
«Мать и мачеха, Родина...»	109
«Мечтала хоть час посидеть одиноко у моря...»	110
Ул. Рубинштейна, 36	110
«У залива лежать терпеливо...»	111

РЕЦЕНЗИИ, ОТКЛИКИ, СТИХИ-АССОЦИАЦИИ 113

(Авторы: Алексей Логвинов, Наталья Матвеева, Татьяна Тареева, Елена Курянинова)

ПЕРЕЧИТЫВАЯ БИБЛИЮ (1984)

«Это мы-то творцы?»	115
«Когда босые по росе...»	116
«Ни живого огня у печи и свечи...»	116
Апокалипсис	117

РЕЦЕНЗИИ, ОТКЛИКИ, СТИХИ-АССОЦИАЦИИ 117

(Людия Буткова, Ильяна Тихонова, Алёша Борозняк, Александр Тимошин, Лев Раскин, Анна Ченских, Наталья Дорофеева)

МОИ СОВРЕМЕННОКИ (венки сонетов) 119

РЕЦЕНЗИИ, ОТКЛИКИ, СТИХИ-АССОЦИАЦИИ 125

(Авторы: Наталья Дорофеева, Татьяна Тареева, Эль Фаустова, Ника Вербинская, Анна Хорватова),

СТИХИ ИЗ РАЗНЫХ КНИГ (70-е – 90-е годы)

ОБРАЗ ЖИЗНИ

«Какая погода!»	129
«Что-то не по себе – словно дышит больница...»	130
«Как ветрено, - смотри, как розово...»	130
«Ничем не удивишь: ни смертью, ни Джокондой...»	131

РЕЦЕНЗИИ, ОТКЛИКИ, СТИХИ-АССОЦИАЦИИ 132

(авторы: Нина Хрущ, Сергей Стукалов)

ТРИ ЗВЁЗДОЧКИ (пять стихотворений)

«Традиционно – на троих...»	133
«Вот и пей этот кофе чёрный...»	134
«По утреннему городу, пешком...»	135
«Как эта речка называется?»	135
«Поговорим по телефону...»	136

РЕЦЕНЗИИ, ОТКЛИКИ, СТИХИ-АССОЦИАЦИИ	137
<i>(Авторы: Галина Зелёнкина, Нина Хруц, Алиса Рекс, Анна Хорватова, Елизавета Самогорова, САДАНВ, Елена Сомова, Эледина)</i>	

ДЕРЕВЬЯ НИКУДА НЕ УЛЕТАЮТ	
«Деревья никуда не улетают...»	139
«Не сходишь – соскользнёшь с ума»	139
«О, тень моя – панельная сестра...»	140
Рабочий	141
«Ампир вампира – путь в аэропорт...»	141
«Увести за собою кого-то...»	142
«Пустеет жизнь концертным залом...»	143
«Жизнь теплится ещё под кожей восковой...»	143

РЕЦЕНЗИИ, ОТКЛИКИ, СТИХИ-АССОЦИАЦИИ	144
<i>(Авторы: Виталий Стороженко, Илиана Тихомирова, Анна Хорватова)</i>	

ИЗ КНИГИ «ПРИЗВАНИЕ В ЛЮБВИ» (1977 год)

ВЕТКА ВО ЛЬДУ	
«Сухая сосновая ветка...»	146
«Птицы - стаей, а люди – страной»	146
«Неуловима та черта...»	146
«На кладбище, особенно зимой...»	147
«Мне всё дороже отсвет, шелест...»	148
«Я живу высоко. Подо мною – простор и уют»	148
«О, мякоть на корке арбузной...»	149
«Осенних крон бенгальское свеченье...»	150
«Лучше б ты уплыла, улетела, Юность...»	150
Г.С. Семёнову по случаю капитального ремонта дома 13/13	151
«С неба звёзд не хватая, поймала я всё же одну...»	153
«Чуть-чуть незавершённости, чуть-чуть...»	154
«Не торопи меня. Не спрашивай. Не жди»	154
«Как бледнеет лицо...»	155
«У любви не бывает причин. Только повод...»	156
«Господи, что за напасть-благодать...»	156
«Прощаться легче в аэропорту...»	157
«Пореже в зеркало глядеться...»	158

РЕЦЕНЗИИ, ОТКЛИКИ, СТИХИ-АССОЦИАЦИИ 159

(Авторы: Елизавета Саморогова, Анна Хорватова, Александр Юргенсон, Елена Ительсон, Васильев Игорь, Мария Шапиро, Алексей Логвинов, Михаил Ярохович, Иноходец, Елена Куприянова)

ПЯТЬ СТИХОТВОРЕНИЙ

«Если телу дать опомниться...»	162
«Давай войдём, как десять лет назад...»	163
«Астры те, - здравствуйте!»	163
«Магазины пустых кроватей...»	165
«Золотиста пыль над головой...»	166

РЕЦЕНЗИИ, ОТКЛИКИ, СТИХИ-АССОЦИАЦИИ 167

(Авторы: Екатерина Маркова-Байрач, Елена Сомова)

ОСТАНОВЛЮСЬ ПЕРЕД НЕВОЙ

«Остановлюсь перед Невой...»	168
«Вдвоём на палубе пустой...»	169
«Нет, не взвзовьюсь – уже не та игра...»	170
«...Ему бы девочку на шаре...»	171
«Мотивчик бедовый, которому впору гитара...»	171
«Чтобы вызвать духов из темноты...»	172

РЕЦЕНЗИИ, ОТЗЫВЫ, СТИХИ-АССОЦИАЦИИ 172

(Авторы: Александра Шеметова, Татьяна Костандолго, Екатерина Маркова-Байрач, Мартемьянов, Маруся Мочалкина)

ДЕНЬ РОЖДЕНИЯ

«Неторопливы игры при луне»	174
«Неповторимы игры при луне...»	175
«И струйкой дыма выполоскать рот...»	176
«О, свет мой, лист – зеркальная тоска...»	176
«Что мёртвый фосфор – звёзды и луна...»	177
«Мы засиделись в детстве дотемна»	177
«Что происходит в лунной полутьме?»	178
«Но почему мне втрое понимать!»	179

РЕЦЕНЗИИ, ОТКЛИКИ, СТИХИ-АССОЦИАЦИИ 180

(Авторы: Анна Хорватова, Наталья Дорофеева, Елизавета Саморогова, Светлана Шильникова, Василий Толстоус, Наталья Глухушина, Нина Уральская)

АССИМИЛЯЦИЯ ЛЮБВИ

«Что, явившись, познать и взрастить...»	181
«Расширяются щёлки глаз...»	182
«Это мне леса накуковали...»	183
«Какая роскошь в наши дни...»	184
«На мизинце атланта...»	186
«Чем бесплодность раздумий...»	187
«Превосходство донкихотства...»	189

РЕЦЕНЗИИ, ОТКЛИКИ, СТИХИ-АССОЦИАЦИИ

(Авторы: Татьяна Тареева, Владимир Гоголицын, Людмила Баневич-Гаврилюк)	191
---	-----

СТИХИ, НАПИСАННЫЕ В ЭМИГРАЦИИ

(из книг «Петербургский альбом» и «Беззапретная даль»)

ГИМН ЛЮБИМОМУ ГОРОДУ

(300-летию Петербурга посвящается)

«Этот город, этот город, этот город...»	193
---	-----

ИЗ ЦИКЛА «ДВЕНАДЦАТЬ ПЕСЕН»

«Чтобы все флаги были у нас в гостях...»	194
Кони Клодта	196
Верстовые столбы	198

РЕЦЕНЗИИ, ОТКЛИКИ, СТИХИ-АССОЦИАЦИИ

(Авторы: Элла Гоник, Олег Малащенко, Светлана Самарина, Гавриил Тишков, Елена Куприянова, Мария Мазур)	199
--	-----

РОССИЯ, РОДИНА...

«Россия, родина, когда бы знала ты...»	201
«А умирать – на родину, дружок...»	201
«Помню, как это было: письмо из-за рубежа...»	202
«Как проста в России нищета...»	203
«У эмигрантов не было взрывчатки...»	203
«Право, славно – выпить православно...»	204
«Плохо человеку – одному»	204
«Провинция, ты рай для Хлестакова...»	205

РЕЦЕНЗИИ, ОТКЛИКИ, СТИХИ-АССОЦИАЦИИ

(Авторы: Головин, Александр Сафронов, Георгий Лагутин, Ольга Панина, Владислав Свещинский, Наталья Мурадова)	206
--	-----

ПАМЯТИ ПОЭТА

«Слава богу, что так, в Елабуге...»	209
«Провинциальный мой покой...»	209
«На кухне, в полночь, о Цветаевой...»	210
«Будто в царстве теней – так тиха эмигрантская жизнь...»	211
«Интернет заменяет книгу, как интернат – родителей...»	211
«В полвека век свой доживать...»	212
«Кладбищенский Ангел мне дверь отворил...»	213
«Как хочется, отринув графоманов...»	213

РЕЦЕНЗИИ, ОТКЛИКИ, СТИХИ-АССОЦИАЦИИ	214
<i>(Авторы: Анна Хорватова, Наталья Мурадова, Елена Куприянова, Геля Коган, Нина Уральская, Владислав Свещинский)</i>	

БОЛДИНСКАЯ ШТУТГАРТСКАЯ ОСЕНЬ

«Болдинская штутгартская осень...»	217
«В нелюбимом городе жить...»	217
Монолог	218
«И как будто опять сотворенье начал...»	218
«Черепичные крыши, угрюмые башни...»	219
«Кизила яркие молекулы...»	220
«Раньше снился Париж...»	220

РЕЦЕНЗИИ, ОТКЛИКИ, СТИХИ-АССОЦИАЦИИ	221
<i>(Авторы: Татьяна Тареева, Александр Курапцев, Инна Гаврилова, Валентина Кайль, Ирина Константинова-Збарская, Елена Куприянова, Владислав Свещинский, Анна Хорватова, Людмила Баневич-Гаврилюк, Владимир Крек)</i>	

СТИХИ НА ПЕСКЕ

(израильский дневник)	
«И горы облаков, и кактусов отары...»	224
«Сколько в компьютере божьем оттенков зеленого...»	224
«Мой друг опять невыездной...»	225
«То ли ломится бешеный яркий ландшафт...»	226
«Дождик. Муторно. Жди гостинца...»	226
«Земную жизнь дойдя до половины...»	227
«Лена, Володя, Наташа и Миша»	228
«Храни друзей моих, Господь...»	228

РЕЦЕНЗИИ, ОТКЛИКИ, СТИХИ-АССОЦИАЦИИ	229
<i>(Авторы: Ефросин Лунёв, Борис Бем, Екатерина Чаусова, Юрий Колясников)</i>	

ДИАГНОЗ – ПОСЛЕДНИЕ СТИХИ	
«Ну не торопить же эту дату...»	230
«По небу ангелы бегали...»	231
«Что поделаешь, мы не бессмертны...»	232
«Картинных галерей шадящий тихий свет...»	232
«Я в белый коридор ступила, шелестя...»	232
«Всё будет так же, как при мне...»	233
«Белка считала кошку мою – разбойницей»	233
«не хочу заведовать...»	234
«Мне опостылела кровать...»	234
«От первой сточки всё, от первой строчки...»	235
Алексею Кузнецову	235

РЕЦЕНЗИИ, ОТКЛИКИ, СТИХИ-АССОЦИАЦИИ	236
<i>(Авторы: Татьяна Пешкова, Людмила Бенёва-Колезова, Владимир Хостел, Лада Миллер, Елизавета Саморогова, Пантелеев Борис, Игорь Бондарь, Нинеля, Владимир Файвишевский, Татьяна Тареева, Татьяна Зубова-Фромм, Юрий Волгин)</i>	

ПАМЯТИ ПОЭТА ОЛЬГИ БЕШЕНКОВСКОЙ (ПОЭТИЧЕСКИЕ ПОСВЯЩЕНИЯ, ЛИТЕРАТУРНЫЕ ЗАМЕТКИ, ЭССЕ, ВОСПОМИНАНИЯ)

ПОЭТИЧЕСКИЕ ПОСВЯЩЕНИЯ	
Инга ПИДЕВИЧ	240
Юлиан ФРУМКИН-РЫБАКОВ	241
Владимир АВЦЕН	242
Евгений ЛЕЙЗЕРОВ	242
Лариса ВОЛОДИМЕРОВА	243
Александр ВОЛОХОНСКИЙ	245
Алексей ДАВЫДЕНКОВ	245
Белла ИОРДАН	247
Муза ИЗВЕКОВА	247
Гея КОГАН	248
Галина КАГАН	250
Валентина КАЙЛЬ	251
Любовь МОХОВА	252
Наталья ПЕЧОРСКАЯ	254
Тамара ЖИРМУНСКАЯ	255

АРИЕЛЬ	256
Рафаэль ШИК	257
Владимир МАРЬИН	257
Татьяна ИВЛЕВА	258
Елена КУПРИЯНОВА	260
Елена ДУНАЕВСКАЯ	262
Сергей СКВЕРСКИЙ	263
Елена СОМОВА	264
Светлана ГРУЗДЕВА	265
Марк ХАБИНСКИЙ	266
Сергей КРАСИКОВ	267
Лидия РОЗИН	268
NEIVANOV	269
Валентин ЛИФШИЦ	269
Инна ПЕРШИНА-ВЕСЕЛОВА	270
Ирина ЗАВАДСКАЯ-ВАЛЛА	271
Наталья МУРАДОВА	272
Светлана КАБАНОВА	273
Феликс ЗИГЕЛЬБАУМ	274

ЛИТЕРАТУРНЫЕ ЗАМЕТКИ, ВОСПОМИНАНИЯ, ЭССЕ

Евгений ЕВТУШЕНКО Семье Ольги Бешенковской	275
Игорь ГЕНГЕНРЁДЕР Загадки звона паутинок	276
Зинаида ТУРАЕВА Стихи на песке (<i>Ещё раз об Ольге Бешенковской</i>)	280
Валерий РОЗЕНБЕРГ Слепой полёт в созвездьях многоточий	284
Галина ДОКСА «Это удивительно, как возвращаясь...»	286
Елена СОМОВА О стихах Ольги Бешенковской	287
Елена КУПРИЯНОВА Под впечатлением поэзии Ольги Бешенковской	288
Инна ИОХВИДОВИЧ Ольги в Штутгарте	289
Тамара ЖИРМУНСКАЯ С большой буквы	293
Игорь СМИРНОВ-ОХТИН Вспоминая Ольгу Бешенковскую	296
Генриетта ЛЯХОВИЦКАЯ Из автобиографических записей	300
Евгений ЛЕЙЗЕРОВ Воспоминания о встречах с О. Бешенковской	304

Copyright © 2016 bei Autoren
Alle Rechte in dieser Ausgabe vorbehalten

ISBN 978-3-945965-54-2

Gesamtherstellung Edita Gelsen e.V.

logobo@gmx.de

Printed in Germany



Ольга Бешенковская
(17.07.1947 – 04.09.2006)



edita gelsen
logobo@gmx.de
ISBN 978-3-945965-54-2